

Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов

1/2013

www.cegr.ru.

*Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Почта России 37137
ISSN 2079-1968*

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологи, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 1 2013 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е. Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник министерства образования РФ (главный редактор), Говердовская Е. В. – доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора), Акаев В. Х. – доктор философских наук, профессор, Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор, Гончаров В.Н.- доктор философских наук, профессор, Горелов А.А.- доктор педагогических наук, профессор, Губарь О. В.–доктор экономических наук, профессор, Елисеев В.К.- доктор педагогических наук, профессор, Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Муругова Е. В. – доктор филологических наук, профессор, Муханова И. В. – кандидат педагогических наук, доцент, Пугачева Н. Б. - доктор педагогических наук, профессор, Розин М. Д. – доктор философских наук, профессор, Суший С. Я. – доктор социологических наук, доцент, Тен Ю. П. – доктор философских наук, доцент, Финько М.В.– доктор философских наук, профессор,Цечоев В. К.– доктор юридических наук, профессор, Шенгаров Г. Х. – доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и
гуманитарные
исследования регионов»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- СИЗИКОВА И. В. Историческое становление культурных традиций в Сибири в XVII веке 5

ПЕДАГОГИКА

- ШУМАКОВА А. В. Кризис системы образования в контексте глобальных проблем общества: обоснование образовательной парадигмы 12

ПОЛИТИКА

- ПУПЫКИН Р. А. Технологии использования социальных сетей в избирательных кампаниях 19

ПРАВО

- САЗОНОВ В.Е. Особенности правового обеспечения и реализации государственно-частного партнерства в Перу 27

ПСИХОЛОГИЯ

- ЕЛИСЕЕВ В. К., ЧЕРНЕЦОВ А. А. Когнитивная природа процесса понимания семантики вербального и образного материала 34

СОЦИОЛОГИЯ

- МАЦИНИНА Н. В. Опыт междисциплинарного анализа понятий «цикл» и «циклическое развитие» 39

ФИЛОЛОГИЯ

- АРНАУТОВА А. Ф. Место субкультуры «фурри» в системе субкультурных образований 48
- БРОВИКОВА Л. Н. Статусная репрезентация лингвокультурного типажа «английский викарий» 56

ФИЛОСОФИЯ

- ГОНЧАРОВ В. Н. Политическая культура в политической системе общества: основные модели 62
- КОЛОСОВА О.Н. Информационная культура личности: проблемы становления 70
- ЛОПАТА В. В. Основные методологические стратегии исследования феномена гендерной идентичности в современной социальной философии 76

ЭКОНОМИКА

- ДАМИРЧАРИ М. Р. Социально-экономическое развитие Ростовской области: проблемы устойчивости и безопасности 83

ЛАТУШКО Н. А., СВИРИДОВ О. Ю. Ресурсные и институциональные предпосылки формирования регионального финансового центра на юге России	87
МАКЕЕНКО И. П. Эволюция маркетинговой концепции в контексте развития экономики	98
ХМЕЛЬКОВА Н. В., АГЕНОСОВ А. В. Сущность и формы стратегических маркетинговых альянсов	104
ШЕЛКОПЛЯСОВА Г. С., ИСЛАМОВА С. В. Стратегический потенциал как основа стратегического выбора региональной социально-экономической системы	111
ЮХНОВСКАЯ Т. Н. Предпосылки формирования и развития научно-технологического потенциала	120

ИСТОРИЯ

УДК 930

ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Сизикова И. В.

HISTORICAL FORMATION OF THE CULTURAL TRADITIONS IN SIBERIA DURING 17th CENTURY

Sizikova I. V.

Статья посвящена становлению культурных традиций в Сибири в 17 веке, которые были привнесены из Центральной России. Проведенное исследование позволяет рассмотреть развитие основ сибирской культуры, которое шло по нескольким направлениям: создание традиционных архитектурных форм при строительстве городов, привнесение книжной культуры и творение церковного иконописания. Все вышеуказанные факторы повлияли на создание образа государственной власти в сознании сибирских жителей. Становление культурных традиций послужило установлению церковных канонов и основ православия с целью консолидации населения Сибири и укрепления российской государственности.

The article considers the evolvement of cultural traditions in Siberia which were brought from the Central Russia during 17th century. The alleged research helps to examine the evolution of Siberian culture which has gone in several ways. The main directions were creation of traditional architecture for urban constructions as well as placement for the bookish culture and canonical icon-painting. These factors influenced on the creation of state authority image in the mind of Siberians. And finally engagement of the cultural traditions moved to establishing of Orthodox Church with canons and brought to consolidation of Siberians and Russian state enforcement.

Ключевые слова: культура, традиции, градостроение, церковь, Православие, иконописание, летопись, библиотечные фонды, государственность.

Keywords: culture, traditions, construction, church, Orthodoxy, icon-painting, chronicle, library stocks, state.

Историческое развитие и становление традиций в сибирской культуре шло по нескольким направлениям: создание традиционных архитектурных форм при строительстве городов, книжная культура, иконописание и установление праздников, связанных с теми или иными народными национальными событиями края. Этот процесс начал формироваться с возведения первых сибирских городов, а также с контактов русских переселенцев с автохтонным населением края.

Сибирский город по своей сути уже являлся символом государственной власти, где были сосредоточены основные управленческие структуры: воевода, приказной аппарат, военный гарнизон, сборщики податей. Практически во всех русских городах существовали культовые сооружения, несущие в себе как религиозное, так и государственное значение, поскольку православие являлось единственной официальной религией Русского государства.

Уже первые русские города-крепости в Сибири возводились по классическим древнерусским традициям, в основе которых были заложены не только оборонительные принципы, но и монументальность, величественность, несущие в себе смысловую нагрузку [1]. Преимущественно они возводились на крутом береговом склоне и были видны с довольно большого расстояния. Их окружали деревянные стены с крепостными башнями и въездными воротами. Наверху башен обычно помещался рубленный из дерева крест или герб в виде двуглавого орла [2]. На центральных башнях висели колокола и «боевые часы» [3].

О том, какое значение придавало аборигенное население городским сооружениям, говорит конфликт между пелымским воеводой и местными аборигенами, отказавшимися принять участие в восстановлении Пельма после пожара. Известно, что в результате пожара в 1621 г. все городские строения Пельма оказались уничтожены. Восстановление города затянулось на несколько лет, что негативно отразилось на взаимоотношениях местных аборигенов к указаниям пелымского воеводы Ивана Вельяминова, который в 1623 г., заступив на воеводство, направил требование старшинам княжества Большой Конды прибыть в город. На это один из «лучших людей» кондинских вогулов Ортюга Танаев вместо себя прислал «худых людишек вагуличей», а те заявили воеводе: «На Пелыми города нет». Не откликнулись они и на повторное приглашение Вельяминова явиться на встречу с ним. Все это говорит о том, что внешний облик сибирских городов имел не только оборонное, но и политическое значение, поскольку воспринималось аборигенами как мощь Москвы [4].

Но в то же время практически все сибирские деревянные города были подвержены пожарам. Так, в Тобольске начиная с 1600 г. и до 1643 г. произошло несколько опустошительных пожаров, после чего город отстраивался заново. В 1644 г. начинается новое (пятое по счету) строительство города, но 29 мая 1677 г. Тобольск сгорает вновь. В 1678 г. он ставится уже шестым по счету городом-кремлем с мощными стенами, девятью башнями и встроенной в стену Вознесенской церковью. И вновь 7 августа 1680 г. при очередном пожаре выгорает практически весь город [5].

Первые каменные сооружения возводятся не на воеводском, а на митрополичьем дворе. «Сибирский летописец» сообщает на этот счет, что в 1674 г. «того ж года июля в 12 день преосвященнейший

Корнилий, митрополит Сибирский и Тобольский, поставил на своем святительском дворе палату первую каменную» [6]. В литературе они известны как палаты митрополита Корнилия, или «митрополичьи палаты» [7]. Но и они погибли в пожаре 29 мая 1677 г. Активное каменное культовое строительство началось в Тобольске при митрополите Павле (1678 – 1691 гг.), который предпринял поиск строительных материалов и обратился с письмом к царю Федору Алексеевичу за разрешением о продолжении каменного строительства в Сибири [8]. В ответ на это царь Федор направляет 28 апреля 1680 г. грамоту тобольским воеводам А. С. Шеину и М. В. Приклонскому, в которой дает согласие на строительство каменного собора во имя Премудрости Святой Софии. За образец было рекомендовано взять Вознесенскую церковь Московского кремля: «Против образца, какова на Москве в Кремле, девичьем монастыре... А какова Вознесенская церковь мерою кругом и в вышину и тому посланы... вам образцы и сметные росписи и чертежи» [9]. Датой окончания строительства кафедрального собора принято считать 27 октября 1686 г., когда он был освящен «в память Успения Божией Матери» [10]. Одновременно с тем в начале 1681 г. началось строительство митрополичьего дома «на заложенном фундаменте прежде», которое закончилось к 1691 г. В тот же период по инициативе митрополита Павла вокруг Софийского двора возводится ограда с зубцами поверху и башнями (протяженностью в 620 м и высотой 4,3 м) [11].

Таким образом, Софийское подворье как архитектурный комплекс сложилось в промежутке между 1681 – 1699 гг., став начальным этапом последовавшей затем модернизации всей тобольской кремлевской застройки в нагорной части города. В период с 1683 по 1691 г. в Тобольске возводятся другие каменные церкви: Преображенская – в Знаменском монастыре; Богоявленская – на нижнем посаде возле Прямого ввоза; Троицкая – заложена «подле городской стены»; Знаменская – в селе Абалак. Важным фактором по распространению культурных традиций в Сибири было открытие монастырей, которые стали появляться за Уралом с прихода сюда первых русских переселенцев. А. С. Пушкин в «Заметках по русской истории» (1822 г.) писал по этому поводу: «Мы обязаны монахам нашей историей, следовательно, просвещением» [12].

А. И. Сулоцкий писал, что на момент открытия Сибирской епархии среди действующих значились следующие монастыри: в Тобольске – Успенский (преобразован затем в Знаменский); в Тюмени – (1616) Преображенский; в Березове – Воскресенский; в Туринске – (1604) Покровский; в Верхотурье – (1604) мужской Николаевский и женский Покровский монастыри; на реке Нейве – Введенский; на реке Тагил – Рождественский [13].

В дальнейшем при архиепископе Герасиме (1640 – 1650 гг.) были открыты следующие монастыри: в Томске – Успенский (преобразован во имя Казанской Божией Матери); в Енисейске –

Спасский; в Шадринском уезде – Долматовский; в Ялуторовском округе на р. Исети – Рафаиловский; под Красноярском – Введенский; в Кузнецке – Христорожественский. Всего на тот период в епархии существовало 18 мужских и женских монастырей [14]. Но, по подсчетам Н. С. Половинкина, в течение конца XVI – XVII в. в Сибири возникло 36 монастырей. «Однако именно с конца XVI в. правительством был взят курс на ограничение роста церковного землевладения» [15].

Именно в монастырях началось развитие книжной культуры, основанное на собрании богослужебных книг. Так, уже к началу 70-х гг. XVII в. Кондинский Троицкий монастырь обладал довольно значительной библиотекой, в которой насчитывалось 43 книги, большинство из которых были печатными, а часть – рукописными. Наряду со служебной, в монастырской библиотеке было немало богословской и четьей литературы. Многие из них были подарены в монастырь в разное время сибирскими владыками [16].

Вместе с привозной литературой в монастырях практиковалось при необходимости переписывать те или иные необходимые издания, что являлось одним из путей распространения литературы в Сибири в XVII в. В их числе были книги по космографии, степенные книги, книги жития, сочинения о путешествиях, о народах, населявших Сибирь, описание земель, что явилось предпосылкой возникновения сибирских летописей [17].

Основы библиотеки при Софийском архиерейском доме заложил первый Сибирский архиепископ Киприан. Первоначально в ней находилось 11 книг: Евангелие, Служебник, Апостол, две Октаи, Триодь постная, Минея общая, Псалтырь, Часовник и Шестодневце. Большинство книг были присланы по завещанию архиепископа Киприана из его личной библиотеки. Практически все сибирские владыки, управлявшие епархией в XVII в., жертвовали или оставляли по завещанию для архиерейского дома свои личные книги, а иногда и собственные рукописи. По описи 7 января 1636 г., составленной после смерти архиепископа Макария, в его личном пользовании находилось 27 книг богослужебного характера [18]. Более ста книг было в личной библиотеке архиепископа Герасима, среди которых имелись и светские книги, такие как «Алфавит», «Степенная книга», «Хронограф». Отличалась разнообразием библиотека митрополита Игнатия, содержащая 238 книг. В 1651 г. библиотечный фонд Софийского дома уже насчитывал 101 печатную и рукописную книгу главным образом религиозного характера [19].

Важным фактом становления культурных традиций в Сибири стал «Синодик», записанный со слов сподвижников Ермака дьяком Софийского дома Саввой Есиповым по указанию архиепископа Киприана, что явилось первым шагом к составлению сибирских летописей. Хотя данной точки зрения придерживаются далеко не все исследователи, но, по мнению академика Д. С. Лихачева, именно

Киприаном была составлена первая сибирская летопись, получившая название «Есиповской» в одной из своих редакций [20]. И в дальнейшем под влиянием Есиповской летописи возникла «Повесть о городах Таре и Тюмени», авторство которой так же приписывают Савве Есипову [21].

Как видим, в XVII в. достаточно активно велись фиксации основных событий и в ряде случаев их толкование с позиций авторов того времени [22]. Постепенно традиция летописания закрепились не только при Софийском доме, но и в воеводских избах. Известно, что сибирское летописание велось уже при воеводе А. П. Головине, а затем при воеводе А. Ф. Нарышкине [23]. Известно, что во второй половине XVII в., при воеводском дворе в Тобольске числившийся как сын боярский подьячий С. И. Кубасов был создателем особой редакции «Повести книги сея от прежних лет».

Все это говорит о том, что уже в первой половине XVII столетия в Сибирь были привнесены традиции летописной культуры, получившие свое развитие как среди церковных иерархов, так и среди представителей гражданской власти. В короткий срок традиция городского летописания получила широкое распространение, и уже в середине XVII в., по некоторым сведениям, в Сибири существовало шесть подобных центров (Тобольск, Мангазея, Верхотурье, Тюмень, Красноярск, Иркутск) [24].

Другой формой культурных традиций, привнесенных в Сибирь первыми православными переселенцами, стала традиция иконописания. В сибирских летописях сообщается, что вместе с отрядом Ермака в Сибирь была доставлена походная часовня, в которой имелись взятые судя по всему из вотчин Строгоновых иконы [25]. С началом освоения Сибири русским православным населением одновременно за Урал везли иконы с собой как частные лица, так и духовенство. В Воскресенском соборе города Березова вплоть до начала XX столетия хранились две иконы, пожертвованные в соборную ризницу сибирскими казаками, прибывшими в Сибирь для закладки города в 1592 г.

Первый сибирский архиепископ Киприан привез из Новгорода икону с образом св. Варлаама Хутынского, которая заняла свое место в Тобольском Софийском соборе [26]. Ко времени отъезда архиепископа Киприана из Тобольска в 1624 г. в Сибири было 30 храмов и 12 монастырей. Только в одном Тобольске насчитывалось 14 храмов. В «Дозорной книге» за 1624 г. и «Переписных книгах» 1625 – 1626 гг. перечислены 368 икон, находящихся в Софийском соборе и других храмах Тобольска. По подсчетам Н. Г. Велижаниной, «на основании дополнительных сведений можно предположить, что не менее 200 из них написаны на месте» [27].

К 1624 г. относится первая достоверно датированная сибирская икона Знамения Божией Матери. Она была написана переселившимся из Устюга Великого «иконником» Спиридоном. Примерно в это время

в Тобольск приехал искуснейший живописец протоиерей Матфей Мартынов, написавший в 1637 г. икону Божией Матери Абалакской. В 1636 г. архиепископом Нектарием из Ниловой пустыни был привезен в качестве иконописца монах Антоний, который и после отъезда владыки из Тобольска остался «в Софийском доме за иконным писанием». Здесь он занимал штатную должность иконописца Тобольского архиерейского дома до 1645 г., когда по болезни был отпущен в Нилову пустынь. После него эту должность при Софийском доме занимал Ф. Иванов. Надо полагать, архиепископу Нектарию одного иконописца показалось мало, и в 1638 г. по его просьбе для подновления росписей Софийского собора в Тобольск были присланы Дмитрий Бутусин из Сольвычегодска и Первый Цырков из Устюга Великого, остававшиеся в Сибири до 1645 г. [28]. В результате развития иконописания уже в первой половине XVII в. потребности сибирских церквей в иконах в основном удовлетворялись силами местных иконописцев.

Итак, в течение XVII в. в Сибири было распространено влияние культурных традиций, привнесенных из Центральной России, что во многом способствовало укреплению государственности в крае. За всем этим четко видна заинтересованность московского правительства в укреплении православия в Сибири как важнейшего фактора ее освоения. Как было нами показано в исследовании, развитие основ сибирской культуры шло по нескольким направлениям: создание традиционных архитектурных форм при строительстве городов, а также становление книжной культуры и церковного иконописания. Все это в той или иной степени влияло на создание образа государственной власти в сознании жителей Сибири, а также послужило установлению церковных основ православия с целью консолидации населения Сибири и укрепления российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочадамов В. И. Первые русские города Сибири. – М., 1978. – С. 47.
2. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М, 1988. – С. 40.
3. Софронов В. Ю. Откуда земля сибирская пошла. – Екатеринбург, 2001. – С. 130.
4. Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. – Екатеринбург: Волот, 2003.
5. ПСРЛ. – С. 190 – 203.
6. Сибирский летописец. Северный архив. – СПб., 1826. – № 2. – С. 128.
7. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. – С. 127.

8. Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск, 1981. – С. 174 – 196.
9. Сулоцкий А. И. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске. – М., 1852. – С. 90 – 91.
10. Кириллов В. Тобольск. – М., 1984. – С. 44.
11. Копылова С. В. Каменное строительство на Тобольском Софийском дворе в конце XVII в. // Изв. СО АН СССР, № 1. Сер. обществ. наук. – 1976. – Вып. 3. – С. 113.
12. Пушкин А. С. Заметки по русской истории // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л., 1977 – 1979. – Т. 8. – С. 126.
13. Сулоцкий А. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске. Приложения. – М., 1852. – С. 90 – 91.
14. Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края. – Томск, 1898. – С. 170, 193 – 194.
15. Половинкин Н. С. Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в XVI – XX вв. // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. – Тюмень, 1993. – Вып. 5. – С. 11.
16. Шашков А. Т. Материалы для изучения церковно-монастырских библиотек Урала и Сибири XVII – начала XVIII в. // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. – Екатеринбург, 1994. – С. 90 – 91.
17. Силаева И. А. Развитие книжной культуры Сибири конца XVI – XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2010. – С. 15.
18. Ромодановская Е. К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – С. 21.
19. Ситников Л. А. Рукописи тобольского краеведческо-архитектурного музея-заповедника // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск, 1979. – С. 106.
20. Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. № 11. Сер. обществ. наук. – Новосибирск, 1970. – Вып. 3. – С. 14.
21. Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени / М. Н. Сперанский // Труды комиссии по древнерусской литературе Академии наук. – Л., 1932. – Вып. 1.
22. Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век. – Новосибирск, 2002. – С. 23 – 25.
23. Силаева И. А. Развитие книжной культуры Сибири конца XVI – XVII в. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Барнаул, 2010. – С. 16.
24. Резун Д. Я. Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII – начала XVIII

в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 17 – 47.

25. Велижанина Н. Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 194.

26. Велижанина Н. Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – нач. XX в. – Новосибирск, 1985. – С. 161.

27. Велижанина Н. Г. Иконостасы Тобольска в первой половине 20-х годов XVII столетия: опыт реконструкции по документальным источникам // Русские в Сибири. Культура, обычаи, обряды. – С. 161 – 162.

28. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири в XVII – начале XIX в. – Новосибирск, 1974. – С. 165.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

КРИЗИС СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА: ОБОСНОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Шумакова А. В.

THE CRISIS OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBAL PROBLEMS OF THE SOCIETY: DESCRIPTION OF THE EDUCATIONAL PARADIGM

Shumakova A. V.

В статье раскрываются кризисные явления в системе российского образования в контексте глобальных проблем общества (технократизм, изменение мировоззренческих ценностных ориентаций, нравственная деградация общества). На фоне актуализации недостатков традиционной образовательной модели констатируется, что поступательное развитие системы российского педагогического образования в общенаучном плане характеризуется постепенной сменой образовательной парадигмы. Автор обосновывает необходимость трансформации знаниевой парадигмы образования в личностно-ориентированные педагогические концепции и соответствующие практико-образовательные системы, в основе которых лежит общая идея о личности как субъекте творческого развития.

The article reveals the crisis phenomena in the Russian education system in the context of global issues of the society (technocratism, the change of the worldview of the valuable orientations, the moral degradation of society and other). Against a background of updating of disadvantages of the traditional educational model is stated that the progressive development of the Russian system of

pedagogical education in general scientific terms is characterized by a gradual change of the educational paradigm. The author substantiates the need for transform knowledge-education paradigm in individually oriented educational concepts and practice-relevant education systems, which are based on the general idea of the individual as a subject of creative development.

Ключевые слова: кризис, технократизм, технократическое сознание, авторитаризм, парадигма, образовательная парадигма, традиционная знаниевая парадигма образования, личностно-ориентированная парадигма образования.

Keywords: crisis, technocratism, technocratic consciousness, authoritarianism, paradigm, education paradigm, traditional knowledge paradigm of education, individually oriented paradigm of education.

В настоящее время российское общество и система отечественного образования переживают достаточно сложный период. С одной стороны, и в обществе, и в образовании в течение продолжительного времени наблюдаются достаточно серьезные кризисные явления, с другой (и это не вызывает сомнения) – определились четкие перспективы общесоциального развития, обуславливающие будущие возможности качественного изменения всех сфер общественных отношений и деятельности, в том числе и в системе образования. «Без этого немислимо действительное социальное становление и дальнейшее развитие личности» [5]. В современном мире значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала. [4]. Образование становится определяющим социальным институтом формирования высоко нравственной, духовно богатой, интеллектуально и физически развитой личности. [5].

Кризис в отечественном педагогическом образовании детерминирован проблемами, имеющими макрозначение для всей человеческой цивилизации. Речь идет о проблемах, которые в известном смысле являются «вечными», затрагивающими коренные стороны человеческого бытия. В контексте специфики сферы духовного производства обозначенные проблемы порождены приоритетом развития материальной составляющей культуры и соответствующим научно-техническим прогрессом. В свое время Н. А. Бердяев писал: «Не будет без преувеличения сказать, что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры... Техника умножает блага жизни. Но эта специальная область, не затрагивающая никак сознания и совести... не ставит никакой духовной проблемы» [3, С. 148]. При этом «мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано само возникновение культуры и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели» [3, С. 149]. Обозначенная Н. А. Бердяевым проблема не утратила актуальности (если не обострилась) и на современном этапе развития человеческой

цивилизации. Индустриальная парадигма культуры и порожденная ею техногенная цивилизация привели человечество к глобальной духовной катастрофе. А. М. Новиков, анализируя проблему кризиса системы образования в контексте глобальных проблем общества, приходит к выводу, что этот кризис обусловлен явлением технократизма.

Технократизм характеризуется дегуманизацией общества и культуры, которая, в свою очередь, есть следствие подчинения Человека служению научно-техническому прогрессу [11]. Поэтому в условиях технократического общества «человек делается орудием производства продуктов», а материальная «вещь ставится выше человека» [3, С. 149]. «В рамках техницизма создавались многочисленные социологические концепции развития, наиболее известными среди которых являются концепции индустриального и постиндустриального общества, основанные на идее о позитивной роли научно-технического прогресса» [8]. Современное общество, которое называют информационным, «имеет сложную структуру, множество противоречий» [4]. Оно создало культуру, основанную на идеологии прогрессизма и техницизма, потребления и полезности, изменившую самого человека. Межличностные отношения в такой культуре перестают регулироваться внерациональными способами: чувствами, обычаями, верой, любовью, идеалами, противопоставлением добра и зла, прекрасного и безобразного. Духовность редуцируется к разуму, а ценности заменяются информацией. Поэтому техническая цивилизация в своей абсолютизации наносит ущерб духовности человека, эмоциональной, чувственной сфере его личности. В этом плане «технизация духа, технизация разума может легко представиться гибелью и духа, и разума» [3, С. 153]. Как общекультурная ориентация технократическая идеология обуславливает проблему технократического сознания, что проявляется в сужении поля возможного выбора жизненных альтернатив, в дефиците положительных эмоций человека. В понимании мира природы, мира культуры и мира человека в сознании технократа господствуют одномерность и гиперрационализм.

На современном этапе требуются радикальные меры для выживания Человека Разумного как вида в условиях сформировавшейся технократической цивилизации, способствующей нравственной деградации общества. Одна из главных проблем, которую нужно решить научному сообществу, – создание таких психологических, педагогических и социальных механизмов, с помощью которых возможно гарантированное формирование высоких духовно-нравственных качеств настоящих и будущих поколений. В соответствии с природным законом эволюции образованные люди должны из поколения в поколение становиться все совершеннее и человечнее. Однако в последние десятилетия по многим причинам сформировалось огромное количество людей новой «породы» – с извращенным разрушительным смыслом и образом жизни. Как

правило, это люди с примитивными установками на личное материальное обогащение без должного духовно-нравственного фундамента, которые и составляют раковую опухоль общественного организма. Прекратить или замедлить эту эпидемию самоуничтожения Человека Разумного – одна из главных проблемных задач системы образования и высокой науки в целом. Другого более эффективного общественного механизма самосохранения в человеческой природе пока не существует.

В целом, мировое сообщество в XXI веке подошло к пониманию того, что своеобразным мостом от техногенной цивилизации к антропогенной может быть только такое по качеству образование и воспитание человека, которое формировало бы у него планетарное гуманистически ориентированное мышление, направленное на решение проблем, связанных с такими приоритетными ценностями, как, например, качество жизни человека, проблемами, решение которых не причинило бы вреда нашей планете, а значит, и самому человеку. Проявление технократизма порождает кризис культуры в образовании, характеризуемый следующим образом: кризис культуры в образовании выступает как кризис «образования человека», характеризующийся обеднением эмоционального и образно-эстетического восприятия мира, что обуславливает лишение человека необходимых этических доминант в жизни. Трансформация мировоззренческих ценностных ориентаций современного человека в чисто инструментальные, на первый взгляд, облегчает человеческое общежитие, делает поступки людей рациональными, соответствующими ожиданиям большинства. Но в действительности за внешней осведомленностью скрываются невежество, равнодушие, духовная неразвитость личности и систем межличностных отношений. Таким образом, самый опасный результат образования – это прекрасно информированный человек, не отягощенный совестью; кризис культуры в образовании обусловлен «дефицитом культуры в образовании» (В. П. Зинченко). Доминирующая функция современного образования связана с его ориентацией не на культуру, а только на социальный опыт, включенный в образовательный процесс. «Система образования является подсистемой общества в целом. Как и любая другая подсистема, она выполняет множество функций. Но генеральной функцией системы образования, объединяющей все остальные в известную целостность, является воспроизводство человека как субъекта культуры» [9, С. 125]. Поэтому дефицит культуры в образовании в той или иной степени обесценивает и сам социальный опыт, который должен обуславливать содержание образовательного процесса лишь в качестве структурного компонента.

Обозначенные кризисные явления так или иначе детерминируют поступательное развитие системы российского образования. Социальная ситуация в российском обществе характеризуется постепенной сменой образовательной парадигмы. Доминирующая в массовой практике репродуктивно-авторитарная, знаниевая модель образования становится препятствием на пути обновления общественного сознания и культуры современной России. Иначе говоря, конечно же, в условиях глобального техногенного кризиса и при реализации российского модернизационного проекта наше общество как никогда прежде нуждается в развитии и поддержании собственной культурной идентичности на основании развития традиций российской духовности и глубокой нравственности, но обязательно с учетом реалий современного противоречивого мира [2].

С другой стороны, современное общество отличается плюрализмом, в нем существует более одного базисного способа организации опыта. «Культурный идеал образования состоит не в том, чтобы дети усвоили предписанную групповую идентичность, но, напротив, в том, чтобы развить в них способность преследовать личные цели и выстраивать собственную идентичность, свободно выбирая из предоставляемых возможностей» [11].

В этой непростой двойственной ситуации возрастает роль личностно-ориентированного образования как социального механизма, обеспечивающего неразрывную связь времен и необходимое равновесие между личностью и обществом, человеком и природой, человека с самим собой. Поэтому кризис в образовании характеризуется своеобразным переходным периодом в развитии российской культуры – сменой идеалов образования, его переходом от просветительской парадигмы к личностно-ориентированной, от «человека образованного» – к «человеку культуры» (В. С. Библер). Так, А. Г. Асмолов отмечает, что в «современной ситуации педагогика, созданная во времена Я. А. Коменского и ориентированная на модель культуры как фабрики массового производства, которая с самого начала исходила из принципа усреднения знаний и их квантовой, временной раздачи по урокам, была хороша лишь для этой эпохи» и в настоящее время требует парадигмального пересмотра [1, С. 37].

Теоретический анализ исследуемой проблемы свидетельствует о необходимости обоснования новой парадигмы педагогического образования. При определении данной парадигмы необходимо учитывать существенные характеристики этого понятия. Опираясь на исследования С. В. Бобрышова, И. В. Кичевой, В. В. Краевского, Т. Куна, мы учитывали, что парадигма представляет собой совокупность научных достижений, убеждений, ценностей,

признаваемых всем научным сообществом в течение определенного периода времени и дающих этому сообществу модель постановки проблем и примеры их решений.

Логика методологического обоснования позволяет констатировать, что в качестве обоснования новой образовательной парадигмы педагогического образования выступает парадигмальная модель В. В. Серикова. Исследователь отмечает, что философия образования исследует личностный подход в педагогической теории и образовательной практике посредством таких категорий, как субъект, свобода, саморазвитие, целостность, диалог. Все эти категории отражают формы самопроявления личности. Поэтому личностно-ориентированное образование с этой точки зрения противопоставлено редукции целостного человека к отдельным частям его бытия – прагматизму, вещизму, функциональному развитию свойств личности, значимых для каких-либо утилитарных целей. Исходя из этого, новая парадигма педагогического образования, по мнению исследователя, является гуманитарной, культурологической, человековедческой [10]. Она исходит из понимания того, что главная задача педагога состоит в содействии физическому становлению, психическому развитию, духовному воспитанию учащегося. При этом учебная дисциплина, преподаваемый предмет, предметные знания в целом являются всего лишь средством (а не самоцелью) достижения этой цели. Следовательно, практическая ценность личностно-ориентированной парадигмы педагогического образования состоит в разработке таких регулятивов для образовательной практики, которые должны быть в известной степени альтернативны традиционному обучению, редуцирующему развитие личности будущего учителя преимущественно к формированию когнитивно-операционного опыта.

Таким образом, результаты проведенного анализа проблемы обоснования новой образовательной парадигмы позволяют сформулировать следующие выводы: развитие современной педагогической науки, образования в целом и педагогического образования, в частности, характеризуется процессами, обусловленными обновлением образовательной парадигмы. При этом в своем фундаментальном основании кризис в образовании в целом и педагогическом образовании, в частности, характеризуется кризисом духовности; обозначенные кризисные явления детерминируют поступательное развитие отечественного образования в контексте перехода от репродуктивно-авторитарной, знаниевой, к личностно-ориентированной парадигме. Данная парадигма в своем философском значении обосновывается в рамках этического значения категорий «свобода» и «необходимость», в их диалектическом единстве и взаимообусловленности, а в методологическом аспекте – в рамках значения категорий «субъект деятельности», «субъект – субъектные отношения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Кризис современного образования // Вузовская педагогика в информационном обществе. – М.: РГГУ, 2000. – С. 37 – 47.
2. Бакланов И. С., Зырянов И. Е. Социально-философский аспект проблем модернизации российского социума // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2012. – № 1. – С. 94 – 98.
3. Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – № 2.– С. 147 – 163.
4. Говердовская Е.В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 10 (57). Общественные и гуманитарные науки: СПб- 2008.-С.97
5. Говердовская Е.В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения(статья) Гуманитарные и социальные науки , №6 – Ростов-на-Дону, СКНЦ ЮФУ, 2011.-С.218
6. Гончаров В. Н. Общественная информация и политическая система общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3. – С. 144 –147.
7. Гончаров В. Н. Политическая информация в общественной системе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 106 – 110.
8. Колосова О. Ю. Техника и социотехноприродные перспективы человечества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 2 – 5.
9. Лифшиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 152 С.
10. Микеева О. А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // [Философия права](#). – 2009. – [№ 6](#). – С. 65 – 69.
11. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития. – М.: Эгвес, 2000. – 272 С.
12. Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя: монография / О. П. Морозова, В. А. Слостенин, Ю. В. Сенько – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 546 С.

ПОЛИТИКА

УДК 32

ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Пупыкин Р. А.

TECHNOLOGIES OF SOCIAL NETWORKS USAGE IN ELECTION CAMPAIGNS

Rupykin R. A.

В статье рассматриваются технологические аспекты использования интерактивных многопользовательских веб-сайтов (социальных сетей) в политическом процессе. Автором поднимается вопрос роли и значения социальных сетей в ведении информационных войн в политическом интернет-пространстве. Практическая часть данной статьи анализирует особенности использования социальных сетей в российских избирательных кампаниях 2011 – 2012 гг.

Technological aspects of usage of interactive multi-user websites (social networks) in political process are considered in the article. The author studies the problem of a role and a value of social networks in the informational wars being held in the political space of the Internet. The practical part of this article analyzes of social networks usage in Russian election campaigns of 2011 – 2012.

Ключевые слова: социальная сеть, блог, интернет-аудитория, электронные ресурсы, информационная война, избирательная кампания.

Keywords: social network, blog, Internet audience, electronic resources, informational war, election campaign.

Сегодня в жизни практически каждого человека немаловажную роль играют онлайн-социальные сети. Они занимают особое положение среди Интернет-ресурсов, так как помимо коммуникативной функции – поддержки общения, обмена мнениями и получения информации их членами – социальные сети являются серьезным инструментом информационного влияния, а также ареной информационного противоборства. Под социальной сетью на качественном уровне понимают социальную структуру, состоящую из множества агентов (субъектов – индивидуальных или коллективных, например, индивидов, семей, групп, организаций) и определенного в ней множества отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомства, сотрудничества, коммуникации) [1, С. 4].

Впервые термин «социальная сеть» был введен еще в 1954 г. социологом Джеймсом Брансом, однако массовое распространение получил лишь в начале 2000 годов. Первые компьютерные социальные сети появились в 1971 г., они состояли из групп военных, которые

использовались для создания и поддержания социальных связей такого компьютерного общения, как общение посредством электронной почты. Это был первый шаг к созданию Интернета и современных социальных онлайн-сетей. Следующим шагом стало изобретение IRC (англ. Internet Relay Chat — ретранслируемый интернет-чат) – сервисной системы для общения в режиме реального времени. Данный Интернет-ресурс был создан в 1988 году финским студентом Ярко Ойкаринено и представлял собой более «продвинутые» социальные сети. В 1995 году появилась первая приближенная к современным, социальная сеть Classmates.com, которую создал Рэнди Конрад, владелец компании Classmates Online, Inc. Посредством данного сайта зарегистрированные посетители могли находить и поддерживать отношения с друзьями, одноклассниками, однокурсниками и другими знакомыми людьми. На сегодняшний день в этой сети зарегистрировано более 40 миллионов человек, преимущественно из США и Канады. Концепция Classmates оказалась настолько успешной, что за последующие несколько лет появился ряд аналогичных сервисов. Началом бума социальных сетей принято считать 2003 – 2004 гг., которые связаны с созданием LinkedIn, MySpace и Facebook. С этого периода данные онлайн-ресурсы становятся своего рода интернет-пристанищем, где каждый может найти техническую и социальную базу для собственного виртуального «Я».

Исходя из этого, под социальной сетью понимаются веб-сайты, дающие возможность указать какую-либо информацию о себе или получить ее о других, а также поделиться своим мнением или выложить фото, видео, аудиозапись. Таким образом, сети, представляя собой автоматизированную социальную среду, дают возможность общаться группе пользователей, объединенных общими интересами.

На наш взгляд, существует два основных типа социальных сетей: интернет-блоги и интерактивные многопользовательские веб-сайты (социальные сети). Первые представляют собой личные сетевые дневники, в которых можно обсуждать то, что интересует автора и его друзей-подписчиков. А вторые предназначены для коллективного общения, их содержание зависит от самих участников сети. Сегодня данные онлайн-ресурсы играют большую роль в распространении информации, идей и влияния между ее членами. В информационной войне они выступают не только как «поле битвы», но также как серьезный мобилизационный ресурс. Рассмотрим подробнее описанные выше виды социальных сетей.

Интернет-блог – это один из самых мощных инструментов в информационной войне на просторах Интернета. Обычно блог сочетает в себе текст, изображения, гиперссылки на другие блоги, веб-страницы и другие ресурсы, имеющие отношение к теме блога. Важной частью большинства современных блогов является возможность читателям оставлять комментарии в интерактивном режиме. Существенным преимуществом блога в информационной войне является слабая

возможность его контроля. Блоги гораздо труднее контролировать, чем зарегистрированные и незарегистрированные печатные и аудиовизуальные СМИ. Сегодня блог является единственным доступным и наиболее безопасным средством выражения собственного мнения. Цензура, административное давление, ангажированность СМИ и сокращение сферы публичной политики способствуют тому, что критически мыслящие люди, занимающие активную гражданскую позицию, высказывают свое мнение в сферах, пока еще не столь жестко контролируемых государством.

Профессиональные политики, включая президентов развитых стран, так же используют блоги как для информирования, поиска сторонников и пропаганды своих идей, так и для контрпропаганды, борьбы с политическими оппонентами. Сегодня отечественные политики начинают активно использовать интернет-пространство для решения собственных политических задач. Так в «Живом Журнале» ведут свои блоги Председатель Правительства России Д. А. Медведев, лидер партии «Справедливая Россия» С. М. Миронов, бизнесмен и политик М. Д. Прохоров и др. В «Твиттере» первым из политической элиты летом 2010 г. зарегистрировался экс-президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев. На ресурсе Mail.ru ведет свой блог Владимир Жириновский. Руководители многих российских регионов и мэры городов зарегистрированы в различных социальных онлайн-ресурсах. На сегодняшний день свои блоги ведут уже больше половины российских губернаторов. Еще одним плюсом блогов является его информационная функция. Сегодня данные ресурсы выступают в качестве своеобразной альтернативы официальным СМИ. Так, к примеру, во время войны в Ираке появились блоги американских солдат, сообщавших о реалиях войны, а также их знакомых и родных, которые стали размещать солдатские письма с описанием происходящего. Эти блоги нанесли мощный удар по пропаганде администрации США.

Популярность такого рода онлайн-ресурсов, по мнению Ю. Г. Чернышева, «связана с возросшим стремлением современного человека к самовыражению, самостоятельному формированию круга своего общения и круга источников информации. Используя удобные технические возможности, блогеры быстро создают новые социальные сети, не ограниченные государственными границами сообщества по интересам, увлечениям и симпатиям» [2]. На сегодняшний день наиболее популярными блогами в России являются LiveJournal, Blogger.com, Blogs.mail.ru, Diary.ru, LiveInternet.ru, Lj.rossia.org, MySpace, Twitter.

Интерактивные многопользовательские веб-сайты, или попросту социальные сети, «представляют собой сайты, внутренне организованные по принципу связи профилей (страниц с личными данными) пользователей. Регистрируясь на таком сайте, человек может находить и добавлять в свой список контактов (так называемые

«друзья») знакомых, одноклассников, коллег и просто интересных людей. В свою очередь, у этих людей есть свои контакты. Таким образом, из взаимосвязанных частных цепочек «друзей» образуется сеть, которая, позволяя, с одной стороны, организовать личное коммуникативное пространство, с другой – дает возможность отследить контакты человека и при наличии общих знакомых установить с ним неформальные связи» [3]. Это существенный плюс, так как критичность восприятия информации в таком случае сразу понижается. Также отличительной особенностью данных социальных сетей является их массовость, которая помимо рекламы обеспечивается еще и тем, что существует большое количество людей, которые сумели восстановить при помощи данных сайтов свои потерянные связи и рекомендуют этот способ своим знакомым. Этим и объясняется тот факт, что русские аналоги зарубежных сетей Myspace.com и Classmates.com достаточно быстро завоевали популярность в нашей стране.

На сегодняшний день наиболее популярными российскими социальными сетями являются Odnoklassniki.ru, Vkontakte.com, а также Facebook. В большинстве своем данные ресурсы по структуре, функциям и половозрастному составу пользователей несильно отличаются друг от друга, однако серьезный манипулятивный потенциал принадлежит по большей части двум последним ресурсам. На наш взгляд, это связано не только с тем, что посредством данных сайтов возможна организация полноценного общения или обсуждения той или иной новости. Здесь также возможна организация групп по интересам, в том числе и политическим. В данных сообществах легко можно размещать фото- и видеофайлы, а также организовать их массовое обсуждение. Конечно, политизированные группы не столь популярны, по числу участников они входят далеко не в первую десятку групп «В контакте» или «Фейсбука», но некоторые из этих групп в несколько раз превосходят по численности аудиторию политических интернет-форумов и сообществ в блогах. В среднем численность наиболее активных политизированных групп колеблется между 800 и 5000 участников, но есть группы и с большим числом участников.

По целевой направленности политизированные группы данных сайтов можно условно разделить на 3 вида: 1) коммуникационные – направленные на обмен мнениями, 2) информационные и пропагандистские, 3) консолидационные – объединение единомышленников. Данные группы наиболее успешно реализуют функции консолидации, информирования и пропаганды.

Как правило, аудитория данных групп и сообществ в силу образовательного и возрастного уровня склонна к проявлению критического мышления. Так, обсуждая даже «свои» партии, участники достаточно точно подмечают не только их достоинства, но и недостатки, особенно по части оформления и содержания

агитационного материала. Конечно, результаты таких импровизированных «фокус-групп» не совсем показательны в социологическом плане, но тем не менее позволяют сделать выводы об ожиданиях политически заинтересованной молодежной интернет-аудитории. Также посредством политизированных групп реализуется информационная функция, это выражается в активном обмене ссылками на внешние ресурсы. В этом плане показательна группа «Свобода СМИ» [4]. В данной группе участники очень часто оставляют ссылки на заинтересовавшие их страницы изданий и телеканалов, в том числе молодежных и региональных, а также на отдельные статьи и события.

Еще одним значительным плюсом подобных групп является возможность консолидации единомышленников той или иной партии для общения и возможности координации совместных действий. Показательным примером такого рода использования групп может быть сообщество, созданное в контакте в 2012 году «4 февраля митинг за честные выборы», в нем насчитывалось более 65 тыс. чел. На главной странице данного сообщества распространялась информация о предстоящих митингах.

Несмотря на растущие возможности, предлагаемые социальными сетями, не стоит преувеличивать их значение, и это связано, по мнению специалистов Крестининой Е. С. и Чернышова Ю. Г., со следующими обстоятельствами [3]. Во-первых, вступление в группу или отметка о присутствии на событии вовсе не означает о готовности к активным действиям. Большинство пользователей, вступая в группу, в лучшем случае периодически просматривают материалы, не принимая участия в ее деятельности». Во-вторых, группы технически не предусмотрены для подробных, углубленных рассуждений, а сайт в целом носит развлекательный характер, что в совокупности порождает достаточно поверхностные дискуссии, порой излишне субъективные оценки, а также обилие ненормативной лексики. Все это приводит к тому, что достаточно часто информация тонет в «шуме» и не доносится до участников групп. Излишне эмоциональное общение в политизированных группах может иметь негативные последствия для их участников, учитывая, что дискуссии неанонимны.

Однако нужно помнить, что, присоединяясь к политизированной группе в соцсетях, человек заявляет о своей приверженности к определенной идее. «Сам факт вступления говорит об актуальности поднятой в группе проблемы, даже если дальше вступления активность большинства участников не идет. Помимо этого участие в подобных группах создает видимость действия, а также позволяет канализировать негативную энергию» [3].

К тому же электронные ресурсы, созданные сетевым сообществом в условиях кризисных ситуаций, могут под воздействием внешней среды в достаточно короткое время не только

трансформироваться в другие типы ресурсов, но и мотивировать участников сетевого сообщества на качественное изменение собственных действий. Это послужило причиной того, что данные интернет-ресурсы стали активно использоваться в информационных войнах, так как реагируют гораздо оперативнее и менее цензурируемы, чем газеты, радио и телевидение.

Зарубежный опыт ведения избирательной кампании в социальных сетях (online-конференции, политические ивенты, блогосфера) также был перенят и отечественными политтехнологами, блогерами и пиар-специалистами, которые применили данные знания на практике в период выборов в Государственную Думу и Президента РФ в 2011 – 2012 гг., развязав на просторах российского Интернета настоящую информационную войну.

Конец 2011 – начало 2012 г. были отмечены рядом громких скандалов, связанных с выборами депутатов Государственной Думы и Президента РФ. В этот период велась полномасштабная информационная война, включающая в себя и классические приемы пропагандистской направленности, и ddos-атаки на наиболее влиятельные в общественно-политическом отношении социальные ресурсы, Вызов в ФСБ создателя Vkontakte Павла Дурова, который отказался удалять оппозиционные группы в своей социальной сети по первому требованию властей, является еще одним подтверждением важности нового направления политического пространства. Лидирующее положение в данном противоборстве заняла оппозиция. Об этом говорит тот факт, что всего через несколько часов после подсчета голосов на думских выборах в 2011 г. практически на всех площадках глобальной сети появились заявления и видео о фальсификации и нелегитимности прошедших выборов, что вызвало серьезный общественный резонанс. Обычные пользователи распространяли данную информацию меньше чем за доли секунды, вступали в жаркие обсуждения, призывали перейти к решительным действиям и т.п. Именно благодаря сообществам, группам и микроблогам люди, относящиеся к так называемому «креативному классу», вышли на улицы. Поэтому, на наш взгляд, актуально рассмотреть сильные и слабые стороны в данной войне как представителей власти, так и оппозиции.

Безусловным преимуществом оппозиции в данной борьбе стал аспект наличия в их рядах не только представителей культурной интеллигенции, но, самое главное, и активных блогеров, критикующих власть и заслуживших авторитет у интернет-сообщества. У представителей же власти столь весомой поддержки на первых порах в Интернете не было, и лишь непосредственно перед выборами в блогосфере появились и проправительственные выразители интересов. В политическом языке даже появляется термин «Интернет-троллинг». Так, «в Интернете стали появляться посты, идеологически выдержанные в духе официоза, которые активным образом выводились

в топ путем использования технологий рейтинговых накруток и платной рекламы. Прокремлевские блогеры круглосуточно отслеживали активность оппозиции в «ЖЖ», стремясь переломить смысловой вектор постов противоположной направленностью комментариев» [5].

В большинстве случаев предпринятые действия не возымели должного успеха и тому есть несколько причин. На наш взгляд, это было связано, в первую очередь, с тем, что большинство работавших на штаб «Единой России» блогеров являлись активистами молодежных движений, которые в силу своего возрастного и еще недостаточного образовательного уровня не могли качественно выполнить поставленные задачи. А во-вторых, гораздо легче выстраивать стратегию протеста в сетевом пространстве в отличие от конструктивной «позитивной» стратегии. Также, помимо распространения пропаганды в социальных сетях, в информационной войне обнаружили себя еще два метода борьбы: метод кражи личной информации и ее последующего обнародования и кампания по скрытому черному пиару в социальных сетях.

Так, согласно первому методу, были взломаны почтовые ящики «главного оппозиционера» и его жены. Это стало настоящей сенсацией, которая, по мнению многих, должна была положить конец популярности и карьере Алексея Навального. Однако появившийся в открытом доступе материал не только не подорвал авторитета известного блогера, но и в какой-то мере добавил ему популярности. Для аудитории социальных сетей, наблюдающей за политическим контентом, опубликованные данные в большей степени сыграли в минус репутации партии власти. Что касается разоблачения представителей оппозиции, то, на наш взгляд, серьезно испортить репутацию удалось только лидеру партии «ПАРНАС» Борису Немцову. Данная цель была достигнута в ходе обнародования ресурсом Lifenews записи прослушки его телефонных разговоров, которые были растиражированы в электронных СМИ и привели к конфликтам среди организаторов митингов на Болотной и Сахарова.

Что касается второго метода, то он в полной мере был осуществлен посредством как запуска на YouTube видеороликов о визите лидеров оппозиции в американское посольство, так и выведением в топ-«ЖЖ» постов, «разоблачающих» тех или иных деятелей. Еще одним примером данного метода является видео, в котором якобы Владимир Путин сидит за решеткой в суде (набрало более пяти миллионов просмотров), но по «драматургии» напоминающее в принципе мелкое пакостничество.

Еще одним серьезным инструментом информационной войны, применяющимся в период 2011–2012 гг., стали ddos-атаки. Так, в день выборов в Госдуму РФ из-за ddos-атак оказались недоступны сайты радиостанции «Эхо Москвы», журнала The New Times, организации по мониторингу выборов «Голос», журнала «Большой город», Slon.Ru, а

также популярный ресурс LiveJournal, который дважды уходил в офлайн – 28 ноября и 4 декабря.

Стоит отметить, что не только блоги и онлайн-ресурсы представителей оппозиции подвергались массированным атакам хакеров. Штаб единых действий в поддержку В. В. Путина, созданный прокремлевскими движениями для укрепления рейтинга своего кандидата в преддверии выборов президента России, также заявил о том, что данный ресурс подвергся ddos-атакам со стороны оппозиции, а блоги активистов пропутинского движения были подвергнуты интернет-блокаде.

Стоит отметить, что в сети Интернет как обычными пользователями, так и серьезными пиарщиками и блогерами было выложено огромное количество видеороликов, компрометирующих как власть, так и оппозицию. И помимо социальных сетей, различных видеохостингов и блогов в президентской избирательной кампании были также использованы специальные сайты, посвященные либо требованиям по уходу Путина из политики, либо его поддержке. Так сайт «Путин должен уйти» давал возможность поставить свою подпись за отставку Владимира Владимировича. На сайте же «Мы за Путина» предлагалось просто зарегистрироваться в знак поддержки будущего президента.

Таким образом, Интернет-технологии использования социальных сетей стали политической нормой западных избирательных кампаний и активно входят в российское политическое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Модели влияния в социальных сетях. – М.: Физмалит, 2010. – 4 С.
2. Чернышев Ю. Г. Использование интернет-блогов в политической борьбе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/studies/2007/chrnshv.html>.
3. Крестинина Е. С., Чернышов Ю. Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2008/4-3/poli/TheNewsOfASU-2008-4-3-poli-03.pdf>.
4. Группа «Свобода СМИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/id10460152#/club522595> (дата обращения: 23.05.2012).
5. Чупрунов Е. Использование социальных сетей в ходе избирательной кампании в Государственную Думу РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.greensmm.ru/?p=40>

ПРАВО

УДК 347.4; 347.2/3

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПЕРУ

Сазонов В.Е.

PECULIARITIES OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP'S LEGAL SUPPORT AND IMPLEMENTATION IN PERU

Sazonov V.E.

Статья посвящена особенностям и проблемам реализации государственно-частного партнерства в Перу. Государственно-частное партнерство реализуется преимущественно в форме концессии, подписанного между государством и предприятием либо консорциумом предприятий, посредством которого государство (на национальном или региональном уровне) либо муниципалитет обеспечивает реализацию и эксплуатацию определенных общественных работ в инфраструктуре или предоставление инфраструктурных и иных публичных услуг в определенные сроки.

The article is devoted to the features and problems of public-private partnerships implementation of in Peru. Public-private partnership is realized mainly in the form of concession agreement signed between the government and the company or consortium of companies, through which the state (at national or regional level) or a municipality provides the implementation and operation of certain public works in the infrastructure or the provision of infrastructure and other public services in certain terms .

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, государственное управление, публичные интересы, Перу.

Keywords: public-private partnership, public administration, public interest, Peru.

Государственно-частные партнерства являются способом обеспечения предоставления публичных услуг пользователям, обращающихся к частным предприятиям.

Южная Америка является регионом мира, где опыт государственно-частного партнерства весьма велик. Более того, насчитывает для ряда стран (Бразилия и др.) сотни лет. Практически в каждой стране этого региона в той или иной мере задействованы механизмы государственно-частного партнерства для развития инфраструктуры, в других целях.

Специальные комплексные профильные нормативные правовые акты в области государственно-частного партнерства действуют в

следующих странах Южной Америки: Аргентина, Бразилия, Колумбия, Перу, Уругвай. В Чили и некоторых других странах реализовано минимально сбалансированное обеспечивающее правовое регулирование отдельных аспектов государственно-частного партнерства (в том числе вопросы концессий) при отсутствии специального комплексного профильного нормативного правового акта в области государственно-частного партнерства.

В настоящей статье обратимся к опыту Перу в связи с тем, что по развитости законодательства о ГЧП эта страна вместе с Бразилией находится намного впереди всех стран Южной Америки. Практический опыт государственно-частного партнерства в Перу официально ведется от 1998 года, когда был запущен проект линии электропередач Мантаро – Сокабайя (Línea de Transmisión Eléctrica Mantaro-Socabaya [1].

Нормативную основу указанного проекта составил Законодательный Декрет № 839 от 19.08.1996, введший в действие Закон о поощрении привлечения частных инвестиций в работу публичной инфраструктуры и в предоставление публичных услуг. Этот акт считается одним из первых нормативных актов в правовом обеспечении государственно-частного партнерства (в современном понимании) в Перу. В Перу государственно-частное партнерство реализуется преимущественно в форме концессии, то есть, договора, подписанного между государством и предприятием либо консорциумом предприятий, посредством которого государство (на национальном или региональном уровне) либо муниципалитет обеспечивает реализацию и эксплуатацию определенных общественных работ в инфраструктуре или предоставление инфраструктурных и иных публичных услуг в определенные сроки. Государственно-частное партнерство предполагает прямое предоставление публичных услуг потребителям со стороны частного предприятия [2].

Согласно Конституции Перу, «государство признает экономический плюрализм. Национальная экономика основывается на сосуществовании различных форм собственности и предпринимательства. Только на основании прямо выраженных предписаний закона допускается субсидиарное осуществление государством предпринимательской деятельности, в прямой или косвенной форме, при условии ее соответствия наивысшей степени публичного интереса либо явной национальной пользе. Предпринимательская деятельность подчиняется одним и тем же нормам права, независимо от того, осуществляется она частными лицами или государством» (статья 60). При этом согласно статье 62 Конституции Перу, «свобода договора гарантирует сторонам возможность заключения не противоречащего действующим нормам договора. Условия договора не могут быть изменены законом или иными нормативными актами. Споры, вытекающие из договорных отношений, разрешаются только в арбитражном или судебном порядке с применением механизмов защиты, предусмотренных договором или

законом. Посредством контрактов, имеющих силу закона, государство может давать гарантии или предоставлять обеспечение. Указанные контракты могут быть изменены на законодательном уровне, без ущерба для механизмов защиты, упомянутых в предыдущем абзаце» [3, с. 803-804].

Указанные статьи являются конституционно-правовыми основами государственно-частного партнерства в Перу.

Корпус нормативных правовых актов регулирующих концессии также включает следующие акты: Закон от 19.05.2008 № 29230 о стимулировании местных и региональных государственных инвестиций с участием частного сектора; Законодательный Декрет от 03.06.2008 № 1012; Рамочный Закон о государственно-частном партнерстве для создания производственной занятости и об установлении нормативного правового обеспечения ускорения процесса продвижения частных инвестиций;

– Президентский Указ от 08.12.2008 № 147-2008-PE «Об утверждении Регламента к Закону о стимулировании местных и региональных государственных инвестиций с участием частного сектора – Закону № 29230»; Президентский Указ от 08.12.2008 № 146-2008-PE – Регламент к Законодательному Декрету № 1012 об утверждении Рамочного Закона о государственно-частном партнерстве для создания производственной занятости и об установлении нормативного правового обеспечения ускорения процесса продвижения частных инвестиций; Законодательный Декрет от 03.06.2008 № 1017 – Закон о государственной контрактации; Президентский Указ от 31.12.2008 № 184-2008-PE – Регламент к Законодательному Декрету № 1017; Законодательный Декрет от 20.06.2008 № 1031 о содействии повышению эффективности государственных предприятий; Законодательный Декрет № 674 от 1991; Декрет-Закон от 06.11.1990 № 25844 – Закон о концессиях в области электроэнергетики.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим взаимодействие государственного сектора с частным в виде государственно-частных партнерств является Законодательный Декрет № 1012, введший в действие Рамочный Закон о государственно-частном партнерстве для создания производственной занятости и об установлении нормативного правового обеспечения ускорения процесса продвижения частных инвестиций. Данный Законодательный Декрет устанавливал рамочное регулирование государственно-частных партнерств, содержал нормы, способствующие привлечению частных инвестиций в публичный сектор, в том числе закрепил в перуанском законодательстве понятие государственно-частного партнерства, основные способы осуществления, а также принципы реализации проектов в рамках государственно-частных партнерств.

В соответствии со статьей 3 указанного Законодательного Декрета, «государственно-частное партнерство является одной из разновидностей участия частных инвестиций, включающих в том

числе опыт, знания, оборудование, технологии, в рамках которого происходит распределение ресурсов и рисков, причем, последние, как правило, несет на себе по большей части именно частный сектор, с целью создания, развития, улучшения, эксплуатации, содержания и технического обслуживания публичной инфраструктуры или предоставления публичных услуг».

Статья 4 указанного Законодательного декрета устанавливает классификацию государственно-частных партнерств:

1. Выделяется такой вид сотрудничества в рамках государственно-частного партнерства, который можно назвать самоподдерживающимся; при осуществлении реализации инфраструктурных проектов или предоставлении государственных услуг таким образом со стороны государственного партнера не представляется никаких финансовых гарантий, либо такие гарантии предоставляются, но на самом минимальном уровне, кроме того, нефинансовые гарантии предполагают минимальный уровень использования каких-либо государственных ресурсов, либо не предусматривают такой возможности вовсе [4].

2. В качестве второго вида государственно-частных партнерств указанный Законодательный Декрет признает финансируемую модель осуществления такого сотрудничества, в рамках которой, согласно специфике реализуемых проектов, государственный сектор осуществляет финансирование проектов или предоставление услуг совместно с частным партнером, либо предоставляет нефинансовые гарантии, подразумевающие использование государственных ресурсов.

Статья 5 Законодательного Декрета устанавливает основные принципы осуществления государственно-частных партнерств, к которым относится достижение эффективного уровня качества по соответствующей цене, транспарентность, компетентность, а также адекватное распределение рисков [5]. Следует также упомянуть Президентский Указ от 03.10.2003 № 027-2003-VIVIENDA, утвердивший Регламент территориального планирования и городского развития [6]., внесший существенный вклад в развитие государственно-частного партнерства в Перу.

Исполнение обязательств по договорам о государственно-частных партнерствах значительно отличается от исполнения обязательств по договорам на выполнение общественных работ, а также конечных результатов такой деятельности, поскольку общественные работы являются в данном случае промежуточным звеном в процессе осуществления предоставления услуг или реализации инфраструктурных проектов, лишь обеспечивая возможности для их осуществления в полном смысле [7].

Одной из распространенных схем осуществления государственно-частных партнерств является сотрудничество государственного сектора с частным в соответствии с моделью, во

всемирной терминологии обозначаемой аббревиатурой BOT, которая подразумевает заключение договора, в соответствии с которым создается компания специального назначения, несущая обязательства по обеспечению реализации всех элементов проекта, таких как сбор денежных и иных средств, выплата долга акционерам, найм строителей и осуществление контроля за их деятельностью, и, соответственно, обеспечивает осуществление строительства, эксплуатацию и дальнейшую передачу объекта инфраструктуры государственному партнеру. Если говорить о концепции перуанской модели государственно-частных партнерств, то можно отметить, что концессионер в данном случае получает финансирование в виде выплат государственным партнером возмещения по инвестиционным расходам, расходам на содержание, техническое обслуживание и эксплуатацию, которые уменьшаются за счет вычета размеров государственных пошлин, а также иных сборов, взимаемых за счет осуществления данной деятельности в рамках государственно-частных партнерств в форме концессий [8].

В соответствии с моделью государственно-частных партнерств, наиболее часто применяемой в Перу при осуществлении сотрудничества с Министерством экономики и финансов, Агентством по содействию привлечению частных инвестиций и Министерством транспорта и связи, основными выплатами, осуществляемыми государством концессионеру, являются, во-первых, ежегодные выплаты за выполнение работ, направленные на возмещение реальных расходов на строительство, улучшение или восстановление объекта инфраструктуры, а, во-вторых, ежегодные выплаты за обслуживание и эксплуатацию [9].

Обоснованно привести некоторые примеры реализации проектов в рамках государственно-частных партнерств в Перу. Так, первостепенное внимание уделяется привлечению частных инвестиций и реализации проектов по развитию и обеспечению социальной инфраструктуры и предоставления государственных услуг в сфере энергетики, портового и аэропортового проектирования и строительства, обеспечения и развития наземного транспорта, туризма, сельского хозяйства, строительства и обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений, а также в сфере развития телекоммуникаций [10].

Так, в сфере энергетики можно отметить реализацию таких проектов, как строительство линий связи Трухильо – Чиклайо (Trujillo – Chiclayo), Моебамба – Икитос (Moyobamba – Iquitos), газопровод в Трухильо. На настоящий момент осуществляется строительство Многоцелевого Северного причала в Кальяо (Terminal Norte Multipropósito del Callao), портовый вокзал в Икитосе и в Сан-Хуан-де-Марконе [11] (реализация строительства последнего, надо отметить, на настоящий момент приостановлена, поскольку план проекта был

принят без проведения какого-либо конкурса или тендера, и сейчас более приоритетной является реализация иного проекта) [12].

Заявлен проект ГЧП по строительству крупного международного аэропорта Чинчеро-Куско (Aeropuerto Internacional de Chinchero-Cusco).

Одной из проблем, возникающих при осуществлении государственно-частных партнерств в Перу, равно как и одной из причин, почему такого рода сотрудничество характеризуется низким уровнем дохода для частных партнеров, являются высокие риски, бремя которых, как правило, несет именно частный партнер. Однако, нельзя не отметить, что такого рода проекты имеют высокую социальную значимость, поэтому государство, в целях содействия привлечению частных инвестиций для участия в развитии и обеспечении инфраструктуры, а также предоставлении государственных услуг, контролирует, путем принятия соответствующих мер и принятия некоторых обязательств, вероятность возникновения и размеры таких рисков, а также уровень доходности проектов в рамках государственно-частных партнерств [13].

В связи с этим было принято Постановление Министерства экономики и финансов № 496-2007-EF/75, устанавливающая нормы в отношении некоторых вопросов, связанных с доходами, получаемыми от реализации проектов, а также Постановление Генерального директора Генерального управления по экономическим и социальным вопросам № 004-2007-EF/65.01, так же касающееся вопросов, связанных с доходами от эксплуатации проектов, реализуемых в рамках государственно-частных партнерств в виде концессионных соглашений [14].

Несмотря на проблемы процесс развития института государственно-частного партнерства в Перу был достаточно положительным, однако, учитывая большие инвестиционные потребности страны в обеспечении инфраструктуры, важно дальнейшее развитие этого института, чтобы помочь преодолеть разрыв инфраструктуры между тем, что имеется, и тем, что требуется стране. В 2012 году в Перу было заявлено 10 приоритетных проектов государственно-частного партнерства с суммарной ценой в 1 миллиард долларов США [15].

Основной орган осуществляющий управление в сфере государственно-частного партнерства – Агентство Перу по содействию привлечению частных инвестиций «Proinversion» (Agencia de Promoción de la Inversión Privada – Perú («Proinversion»)). Это Агентство разрабатывает и осуществляет национальную политику в области содействия привлечению частных инвестиций, а также осуществляет контроль за выполнением обязательств по оплате со стороны инвесторов, участвует в международных переговорах по инвестиционным соглашениям, представляет консультации органам государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Las Asociaciones Público Privadas en el Perú y los 10 proyectos priorizados para el 2012 // <http://www.gerenciapublica.org.pe/portal/index.php?option=com_content&view=article&id=956&catid=54&Itemid=74> . – 17.02.2012.
2. Las asociaciones público privadas en el Perú / Agencia de Promoción de la Inversión Privada. – Lima (Perú): ProInversión, 2005. – 12 p. – P. 4.
3. Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – Т. 3: Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 1168 с. – С. 803–804.
4. Aldunate E. PPS en América Latina. Experiencias de Brasil, Chile, Colombia y Perú / ILPES/CEPAL // <<http://www.eclac.cl/ilpes/noticias/noticias/8/37738/ZacatecasAldunate.pdf>>.
5. Decreto Legislativo de 03.06.2008 № 1012 // <<http://www.minsa.gob.pe/ogpp/app/Normatividad/DL%201012%20Ley%20Marco%20APP.pdf>>.
6. Decreto Supremo № 027-2003-VIVIENDA de 3 de octubre de 2003 – Reglamento de Acondicionamiento Territorial y Desarrollo Urbano // <<http://es.scribd.com/doc/17289992/DECRETO-SUPREMO-N-0272003VIVIENDA-Aprueban-el-Reglamento-de-Acondicionamiento-Territorial-y-Desarrollo-Urbano>>; <<http://www.caplima.pe/documentos/DS027-2003-VIV.PDF>>.
7. Las asociaciones público privadas en el Perú / Agencia de Promoción de la Inversión Privada. – Lima (Perú): ProInversión, 2005. – 12 p. – P. 4.
8. Las asociaciones público privadas en el Perú / Agencia de Promoción de la Inversión Privada. – Lima (Perú): ProInversión, 2005. – 12 p. – P. 6, 8.
9. Las asociaciones público privadas en el Perú / Agencia de Promoción de la Inversión Privada. – Lima (Perú): ProInversión, 2005. – 12 p. – P. 8–9. <http://www.minsa.gob.pe/ogpp/app/doc_complementarios/Asociaciones%20Publico%20Privadas%20en%20Peru.pdf>.
10. Principales Proyectos / Ministerio de Economía y Finanzas // <http://www.mef.gob.pe/index.php?option=com_content&view=article&id=338&Itemid=100906&lang=es>.
11. Principales Proyectos / Ministerio de Economía y Finanzas // <http://www.mef.gob.pe/index.php?option=com_content&view=article&id=338&Itemid=100906&lang=es>.

12. Terminal Portuario de San Juan de Marcona / ProInversion // <<http://www.proinversion.gob.pe/0/0/modulos/JER/PlantillaFichaHijo.aspx?ARE=0&PFL=0&JER=4354>>.
13. Pasivos Contingentes / Ministerio de Economica y Finanzas // <http://www.mef.gob.pe/index.php?option=com_content&view=article&id=338&Itemid=100906&lang=es>; *Huapaya Nava M.* Asociaciyn Pъblico Privada con participaciyn de empresas del Estado // *Gestiyn Pъblica y Desarrollo*. – 2011, Setiembre. – P. A5–A7.
<http://www.gestionpublica.org.pe/plantilla/rxv5t4/1029474941/enl4ce/2011/seti/revges_1331.pdf>.
14. Pasivos Contingentes / Ministerio de Economica y Finanzas // <http://www.mef.gob.pe/index.php?option=com_content&view=article&id=338&Itemid=100906&lang=es>.
15. Las Asociaciones Pъblico Privadas en el Perъ y los 10 proyectos priorizados para el 2012 // <http://www.gerenciapublica.org.pe/portal/index.php?option=com_content&view=article&id=956&catid=54&Itemid=74> . – 17.02.2012.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.72

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ СЕМАНТИКИ ВЕРБАЛЬНОГО И ОБРАЗНОГО МАТЕРИАЛА

Елисеев В. К., Чернецов А. А.

THE COGNITIVE NATURE OF PROCESS OF UNDERSTANDING OF VERBAL AND FIGURATIVE MATERIAL SEMANTICS

Eliseev V. C., Chernetsov A. A.

В статье представлен обзор психологических исследований, посвященных изучению когнитивных механизмов процесса понимания образного и вербального материала. По мнению большинства исследователей, предметные семантические связи, представленные в художественном тексте, рисунке или картине, являются основным фактором, определяющим динамику процесса понимания как вербального, так и образного материала.

The article presents the review of the psychological researches devoted to studying cognitive mechanisms of a figurative and verbal material understanding process. According to the majority of researchers the subject semantic links presented in the fiction text, drawing or a picture, are a major factor defining dynamics of process of understanding both verbal and a figurative material.

Ключевые слова: процесс понимания, когнитивные механизмы, предметные семантические связи.

Keywords: understanding process, cognitive mechanisms, subject semantic links.

Проблема понимания находится в настоящее время в ряду наиболее обсуждаемых проблем психологии. Такой интерес к ней объясняется тем, что понимание – одна из важнейших сторон познания, пронизывающая все сферы человеческой деятельности. В последнее время солидную экспериментальную проверку как в западной, так и отечественной психологии получила точка зрения на понимание текста как на творческий процесс активной смысловой его переработки. Понимание все чаще трактуется как процесс активной интерпретации не отдельных семантических элементов, а всего текста в целом. В ряде советских и зарубежных работ понимание текстовой информации, особенно в ранних исследованиях, представляется как реконструктивный процесс (Л. П. Добраев, Н. И. Жинкин, А. Н. Соколов, Г. Д. Чистякова и др.).

В одной из первых фундаментальных работ, выполненной А. Н. Соколовым [11], показано, что само по себе знание лексики не обеспечивает понимание фразы, фрагмента, а тем более текста в целом. Понимание текста на иностранном языке, по его мнению, в большей степени требует интеграции словесных значений в связное в смысловом отношении высказывание. Причем часто интеграция может быть основана не на выделении так называемых «смысловых вех», а на воссоздании адекватной содержанию текста предметной ситуации, описанной в нем.

Динамика понимания текста часто не совпадает с логическим ходом его изложения. Этот психологический феномен исследовал в своей работе Л. П. Добраев [4]. Чрезвычайно любопытным является выявленный ученым факт, что антиципация как механизм понимания может осуществляться и в плане содержания, и в плане изложения, т.е. в плане того, что будет сказано, и в плане того, о чем будет сказано. Протоколы экспериментов показывают, что антиципация содержания может в известной мере предвещать антиципацию изложения. Это происходит в том случае, если субъект в состоянии антиципировать развитие предметной ситуации, описанной в тексте.

Полноценное понимание законченного в смысловом отношении фрагмента или текста чаще всего определяется не только компетентностью испытуемых в той или иной области знаний, но и предполагает необходимость формирования у читателя конструктивного отношения к воспринимаемой информации и развития у него способности к ее интерпретации. Эта мысль не так давно получила свое экспериментальное подтверждение в исследовании, выполненном В. И. Наролиной [9]. Она выяснила, что

непрерывным условием проникновения в семантику фрагмента или целого иноязычного текстового сообщения является воссоздание субъектом целостной предметной ситуации, описанной в нем.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что при изучении процесса понимания текста нельзя абстрагироваться от содержательной семантики, описываемой в тексте предметной ситуации, и представить понимание текста только как реконструкцию его вербальной логико-грамматической структуры. Понимание всегда имеет свое содержание, свой предмет, это всегда понимание чего-то. Чтобы понять рассказ, недостаточно иметь представление о значении слов и фраз, необходимо воссоздать общую схему развития событий. Понимание изначально предметно, о чем свидетельствуют некоторые перечисленные нами интеллектуальные механизмы, такие, например, как совпадение предмета мысли и логических элементов, примат антиципации содержания над антиципацией изложения, предметность текстового концепта и др.

Особый интерес представляет исследование Г. Д. Чистяковой [12], реализовавшей идеи Н. И. Жинкина [7] о том, что смысловая схема, в которую перерабатывается содержание текста, носит сугубо предметный характер. Объектом понимания в ее экспериментах выступали учебные и научно-популярные тексты по физике и биологии. Полученные Г. Д. Чистяковой данные свидетельствуют о том, что в процессе понимания текста его содержание отражается субъектом в виде определенной структуры предметных отношений. Фактором оценки текста либо как понятного, либо как непонятного выступают связность и целостность возникающего у субъекта представления о его содержании. Исследование Г. Д. Чистяковой, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует о том, что понимание научного текста имеет предметный характер и представляет собой реконструкцию его содержательной семантики в соответствии с имеющимися у субъекта знаниями в этой области.

Понимание семантического содержания как отражения конкретного события, факта действительности наиболее существенно для художественного текста. В научном тексте на первый план выступает понимание общих закономерностей и специфических свойств (химических, физических и т.д.) объектов действительности. Поэтому понимание художественного текста носит несколько иной характер, чем понимание научного текста, хотя и в том, и в другом случае, безусловно, существуют некоторые общие закономерности и механизмы. Такой общей закономерностью, на наш взгляд, выступает воссоздание в сознании человека целостной предметной ситуации из ее элементов, представленных в тексте. Естественно, объектом понимания может выступать и логическая структура текста, а также жанровые, стилистические особенности и языковые средства выражения. Однако различные интерпретации одного и того же текста

возникают вследствие разного понимания именно описанных в нем событий, ситуации.

Процесс понимания художественного образного материала специфичен тем, что здесь более рельефно выступает предметная смысловая природа процесса понимания. На этом материале исследовался процесс понимания, в основном, у детей. Одним из первых в советской психологии изучал феномен понимания на образном материале известный психолог П. П. Блонский [1]. Он использовал достаточно сложные для понимания сюжетные картины. Результаты опытов показали, что для адекватного их понимания необходимо не просто воспроизвести предметную ситуацию, изображенную на картине, но и «оживить» ее, наделив персонажей вполне определенными мотивами поведения, и соотнести их между собой. Как выяснилось, школьники понимают смысл изображенного только в том случае, если они в состоянии связать все элементы предметной ситуации воедино. П. П. Блонский выделил стадии понимания, которые отражают степень проникновения субъекта в действительность: на первой стадии происходит замена восприятий понятиями, на второй стадии данному понятию придаются специфические черты, на третьей и четвертой стадии достигается соответствующий уровень знаний воспринимаемой действительности.

Следует подчеркнуть, что процесс понимания характеризуется не только воспроизведением ситуации из ее элементов, но и активной смысловой переработкой всего предметного содержания ситуации. На этот факт впервые обратил внимание известный советский психолог С. Д. Рубинштейн [10]. Используя в своих экспериментах образный материал, он выяснил, что стадии развития понимания у детей – это ступени интерпретации, характеризующиеся изменением воспринимаемого содержания и глубиной познавательного проникновения в него. Развитие способности понимать предполагает, по его мнению, переход от уподобляющей к умозаключающей интерпретации изображенной на картине ситуации.

Ценные, на наш взгляд, выводы содержатся в экспериментальном исследовании особенностей восприятия дошкольниками книжной иллюстрации, выполненном Т. О. Гиневской [3]. Она выяснила, что при анализе картины испытуемые чаще обращают внимание не на элементы, занимающие центральное место в его содержании (смысловой центр), а на элементы, имеющие второстепенное значение с точки зрения общей семантики, но выдвигающиеся на передний план благодаря своему положению, цвету или форме (структурный центр).

В более поздних исследованиях, выполненных так же на образном материале, выявлены некоторые сходные с перечисленными особенности понимания. Один из таких механизмов выявлен в работе С. А. Евлаховой [5], с точки зрения которой, понимание представляет собой структурирование ситуации из ее смысловых элементов, причем данное структурирование осуществляется по отношению к центральному персонажу как к смысловому центру ситуации.

Аналогичные факты выявлены в экспериментах В. А. Езикеевой [6], изучавшей понимание детьми школьного возраста иллюстраций художественного произведения. Полученные ею результаты подтверждают тот факт, что существенную роль в процессах понимания играет нахождение ребенком смысловых связей и увязывание этих связей в единую в смысловом отношении ситуацию. Понимание детьми изображений и литературного текста имеет много общего. Об этом свидетельствуют и экспериментальные данные американского психолога С. Фарнема-Диггори [13], показавшего, что понимание детьми текста и иллюстраций имеет общий механизм и зависит от возможностей ребенка выявить в них наличные семантические связи и определенным образом их структурировать.

Таким образом, проведенный анализ психологических исследований свидетельствует о когнитивной природе процесса понимания. Предметные семантические связи, отображаемые в художественном тексте, рисунке или картине, являются основным фактором, регулирующим и определяющим динамику процесса понимания как вербального, так и образного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П. П. Избранные психологические произведения / П. П. Блонский. – М.: Просвещение, 1964. – 577 С.
2. Гиневская Т. О. Значение композиции в восприятии детьми рисунка иллюстрации: на укр. языке / Т. О. Гиневская; Под ред. А. И. Зильберштейна // Ученые записки Харьковского пед. ин-та. – Харьков, 1941. – Т. 5. – С. 157 – 158.
3. Доблаев Л. П. Проблема понимания в советской психологии / Л. П. Доблаев. – Саратов, 1967. – 66 С.
4. Евлахова С. А. К вопросу о восприятии и осмыслении сюжетно-художественных картин учащимися вспомогательной школы / С. А. Евлахова // Доклады АПН РСФСР. – 1957. – № 3. – С. 153 – 156.
5. Езикеева В. А. О художественном восприятии иллюстрации детьми старшего дошкольного возраста / В. А. Езикеева // Дошкольное воспитание. – 1956. – № 7. – С. 6 – 12.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 156 С.
7. Рубинштейн С. Д. О понимании / С. Д. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М.: Просвещение, 1973. – С. 236 – 240.
8. Соколов А. Н. Психологический анализ понимания иностранного текста / А. Н. Соколов // Известия АПН РСФСР. – 1947. – Вып. 7. – С. 163 – 190.

9. Чистякова Г. Д. Преобразование содержания текста в процессе смысловой его переработки / Г. Д. Чистякова // Новые исследования в психологии. – М.: Педагогика, 1980. – С. 46 – 50.

10. Farnham-Diggory S. Precursors of reading pattern drawing and picture comprehension. Cognitive psychology and Instruction. N.Y. & London. Plenum Press, 1977.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.012

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА ПОНЯТИЙ «ЦИКЛ» И «ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ»

Мацунина Н. В.

THE INTERDISCIPLINARY ANALYSIS OF «CYCLE» AND «CYCLIC DEVELOPMENT» CONCEPTS

Matsinina N. V.

Статья посвящена междисциплинарному анализу понятий «цикл» и «циклическое развитие». Актуальность такого анализа определяется тем, что современные управленческие системы демонстрируют ряд недостатков, которые могут привести к блокировке управления и развитию структурного кризиса социальной системы. Автор статьи исходит из того, что цикл в социальных системах не является какой-то неизменной, имеющей значение для всех условий технологией управления.

The article is devoted to the interdisciplinary analysis of such concepts as «cycle» and «cyclic development». The urgency of the analysis is defined by modern administrative systems that show a number of shortcomings which can lead to blocking of management and the development of structural crisis of a social system. The author of the article issues from the idea that the cycle in social systems isn't an invariable technology of management that is important in all conditions.

Ключевые слова: циклическое развитие, цикл, социальный цикл, управление, системы управления, социальная система, социомеханика.

Keywords: cyclic development, cycle, social cycle, management, management systems, social system, sociomechanics.

Изучение циклических и ритмических повторяемостей в социальных феноменах является одной из наиболее важных задач социологии, о значимости которой говорил П. Сорокин. Он писал о том, что «ее нужно двигать вперед всеми средствами, потому что она открывает многие возможности решения наиболее важных

социологических проблем. Область повторяющихся феноменов дает возможность понять регулярности социальных процессов: где нет повторений, там нет возможности наблюдать регулярности и, следовательно, формулировать социологические законы или достоверные обобщения» [7]. Эта задача является актуальной и сегодня.

Современные управленческие системы обладают рядом недостатков, которые приводят к падению качества элементов управленческой системы, к возникновению в ней «паразитных информационных потоков» и соответствующих им деятельности процессов, которые могут привести к блокировке управления и развитию структурного кризиса социосистемы. К таким недостаткам исследователи относят: отчужденность управляемого объекта от системы управления; низкую эффективность управленческих механизмов; недостаточную пропускную способность информационных каналов; неадекватность рамочных ограничений, наложенных на пространство управления. В исследованиях по социологии управления отмечается, что выделенные проблемы не могут быть решены оптимизационными процедурами и требуют проектирования принципиально новых управленческих механизмов.

Необходимость преодоления функциональных недостатков современных управленческих систем, по мнению ряда ученых, усугубляется по мере приближения Евро-Атлантической (индустриальной) цивилизации к так называемому фазовому барьеру. Формально величина барьера определяет, сколько социальной энергии/ информации необходимо вложить в организующие структуры текущей фазы развития (в социомеханике сегодня выделены три цивилизационные фазы развития: архаичная, традиционная, индустриальная – и предсказана следующая (когнитивная) фаза), чтобы они начали соответствовать потребностям следующей фазы. Фазовый переход понимается как катастрофический парадигмальный сдвиг: меняется тип экономики, перестраиваются политические и административные механизмы и соответствующие ей этика и мораль.

Так как немногие социосистемы накапливают в текущей фазе информационно-энергетический ресурс, достаточный для преодоления фазового барьера, может возникнуть дисбаланс между формирующимися новыми тенденциями и возможностями управления их реализацией. Социосистема, оказавшаяся в окрестности фазового барьера, либо преодолевает этот барьер, либо подвергается деструкции (первичному упрощению) и отбрасывается в абсолютное прошлое. Это заставляет обращаться к вопросу об изучении циклов смены управленческих систем.

В исследовании социальных процессов традиционно выделяют их две специфические формы: «социальное развитие» и «социальный цикл». В течение многих десятилетий они были в центре внимания представителей различных социологических школ. Доминирующей

формой длительное время являлось «социальное развитие», которое представлено сегодня многообразным спектром теорий социального развития, отразивших разные подходы к исследованию «исторических закономерностей», «тенденций», «эволюции» человеческого общества.

Вторая форма социальных процессов – «социальный цикл», который представляет собой чередование подъемов и спадов в социальном процессе. Это движение называют также круговым, замкнутым (например, смена элит, поколений, наций, развитие организаций, государств, цивилизаций).

Теории циклического развития человеческого общества появились в глубокой древности. Циклическая концепция социальных перемен, как справедливо отмечал П. Сорокин, является старейшей в истории социальной мысли. Он отметил, что ее четкая формула дана уже в «Экклезиасте» («Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но [это] было уже в веках, бывших прежде нас») [7].

Еще одно древнее выражение веры в циклический характер социальных перемен, говорил он, заключено в древней астрологии: периодичность появления определенных звезд и вера в их влияние на судьбы людей привели к вере в то, что многие общественные явления периодически повторяются с течением времени.

К феноменам повторения, колебаний, флуктуации и циклов было приковано внимание многих мыслителей. Сыма Цянь, И. Чжоу, Конфуций, Платон, Аристотель, Полибий, Флор, Сенека, Н. Макиавелли, Дж. Вико и другие стремились усмотреть определенный порядок, ритм, периодичность, выявить смысл в хаосе исторических событий.

В канонической для конфуцианства и даосизма книге И. Чжоу «Всеохватнокруговые перемены» еще до новой эры было сформулировано учение о циклической смене «принципов», на которых покоится государственная власть: развитие мира, устройство определяются взаимодействием Инь и Ян – категорий, выражающих дуализм темного и светлого, мужского и женского, земного и небесного, пассивного и активного. Концепция описывает 64 основные постоянно повторяющиеся ситуации.

Конфуций сформулировал закон о трех стадиях, которые циклически повторяются с течением времени, таких как: Стадия Беспорядка, Стадия Малого Спокойствия, Стадия Великого Сходства. Наряду с этими непериодическими крупными циклами Конфуций отмечает наличие малых социальных циклов, повторяющихся каждые три, девять, восемнадцать, двадцать семь и тридцать лет в соответствии с природой процесса. Восточные учения о цикличности были в

дальнейшем развиты древнегреческими философами и историками (Платон, Полибий, Аристотель, Плутарх).

Одним из наиболее видных древнегреческих представителей циклической концепции является Платон. Платон утверждал, что история любой культуры или любого народа проходит последовательно через стадии появления, развития и утончения, достигает вершины и из-за какой-либо причины (наводнение, чума и т.д.) приходит в упадок и распадается: «Видя, что все, что имеет начало, имеет также свой конец, даже совершенная конституция со временем исчезнет и растворится» [7]. Полибий предложил свою универсальную формулу циклического повторения применительно к формам правления: монархия (вырождается в тиранию) – тирания (уступает место аристократии) – аристократия (вырождается в олигархию) – олигархия – демократия (обречена выродиться в охлократию) – охлократия – монархия. По мнению Полибия, от этой точки цикл начинается, чтобы повториться снова.

В эпохе Возрождения привлекает, прежде всего, взгляд на цикличность великого мыслителя Николо Макиавелли, который обозначил два основных вида исторических циклов. Первый относится к циклической последовательности форм правления и представляет лишь повторение теории Полибия. Второй он выразил так: «...Все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность – беспорядок, а беспорядок – погибель, и, соответственно, новый порядок порождается беспорядком, порядок порождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие» [4, С. 175].

Еще один великий итальянский мыслитель Вико разработал теорию циклического развития наций. С его точки зрения, каждый народ проходит через три постоянно воспроизводящихся этапа: эпоху богов (детство), героев (юность), людей (зрелость – высшая точка цивилизации). Каждый цикл завершается общим кризисом и распадом данного общества.

Наблюдая циклические процессы и флуктуации, ученые пытались найти им объяснение. Например, арабские философы считали, что двадцатилетняя периодичность Великого соединения Юпитера и Сатурна вызывала смену правителей на троне, восстания, государственные кризисы. Цикличность многих жизненных процессов в Древней Греции также связывали с ритмами движения созвездий и планет. «Космические» причины цикличности усматриваются и в исследованиях отечественных ученых, для которых идея управления будущим стала центральной идеей исследований. Идеи «космизма» разрабатывались выдающимися русскими учеными В. В. Докучаевым, Н. А. Морозовым, К. Э. Циолковским, В. И. Вернадским.

Так, А. А. Чижевский в 1918 г. в диссертации на тему «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» собрал и проанализировал материал по истории человечества за 2500

лет, охватывающий более 80 стран и народов. Позже в книге «Физические факторы исторического процесса» он пришел к выводу о том, что течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежутки времени, равный в среднем арифметическом 11 годам, и синхроничных в степени своей периодической пятнообразовательной активности Солнца. В 11-летнем всеобщем историческом цикле он выделил 4 фазы, отметив, что поворотные пункты всемирной истории в основном приходятся на третью, главную фазу цикла.

Циклические, волновые процессы рассматривались применительно к истории развития не только человеческого общества в целом, но и его отдельных сфер: экономики, политики, науки, культуры. Впервые предположение о наличии длинных волн в экономике было высказано в 1847 г. английским ученым Х. Кларком.

Этот интерес снизился в начале второй половины XIX в. под влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина, но уже в конце XIX в. интерес ученых снова переключился на циклические теории, так как исследования эволюционных процессов, исторических тенденций и закономерностей, популярные на протяжении этого периода, либо не нашли подтверждения в реальной практике, либо подвергались серьезной критике.

Новый толчок к изучению феномена длительных колебаний дала разработанная К. Марксом в 60-х годах теория экономических кризисов. На значительном эмпирическом материале Маркс показал, что материальной основой периодического циклического движения экономики является средний срок жизни основного капитала. В XIX в. он составлял 10 – 13 лет.

О циклических процессах писали в 90-е годы XIX в. – 10-е годы XX в. Н. Я. Данилевский, М. И. Туган-Барановский, К. Каутский и др. Например, русский философ и социолог Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» [2], изданной в 1869 г., выделил в истории локальный «культурно-исторический тип» (цивилизация), который подобно биологическим организмам проходит, по его мнению, четыре стадии: зарождения, возмужания, дряхления и гибели. В экономической теории наиболее значительными в этот период были работы голландских экономистов-марксистов Я. ван Гельдерена, С. де Вольфа и особенно русского ученого Н. Д. Кондратьева, посвященных проблеме длинных волн.

В книге «Длинные волны конъюнктуры» Кондратьев изложил свою теорию длинных волн с периодом 50 – 60 лет. По его мнению, волнообразные движения представляют собой процесс отклонения от состояния равновесия, к которому стремится капиталистическая экономика. В отличие от К. Маркса он считал, что существуют равновесия трех видов: равновесие «первого порядка» – между обычным рыночным спросом и предложением. Отклонения от него

рождают краткосрочные колебания длительностью 3 – 3,5 года, то есть циклы движения товарных запасов; равновесие «второго порядка», достигаемое в процессе формирования цен производства путем межотраслевого перелива капитала, вкладываемого главным образом в оборудование. Отклонение от этого равновесия Кондратьев связывал с циклами средней продолжительности (7 – 11 лет); равновесие «третьего порядка» касается основных капитальных благ (зданий, инфраструктурных сооружений, а также квалифицированной рабочей силы). Они должны соотноситься со структурой производства, источниками сырья, ценами, занятостью. Это равновесие также периодически нарушается, и возникает необходимость создания нового запаса «основных капитальных благ», соответствующего новому техническому способу производства. С точки зрения Н. Д. Кондратьева, обновление «основных капитальных благ», отражающее движение НТП, происходит не плавно, а толчками и является основой больших циклов конъюнктуры (50 – 60 лет). Каждая волна состоит из четырех фаз: подъем, спад, кризис, восстановление. При этом ученый отмечает, что каждая последующая фаза есть результат кумулятивных процессов, накапливаемых в ходе предшествующей фазы [3, 335].

С конца 30-х годов XX века западные экономисты длинные циклы стали называть циклами Кондратьева. Особый интерес к теории Кондратьева был обусловлен в том числе и тем, что он исследовал взаимодействие экономических циклов с социальными и считал, что войны, социальные потрясения включаются в ритмический процесс развития больших циклов и оказывают могущественное влияние на темпы и направления социально-экономической динамики. При этом им впервые было проведено различие между «промежуточными войнами», играющими роль стимулятора в начале фазы подъема, и «окончательными войнами» и переворотами в конце подъема, играющими роль шлюзов и разрешающими противоречия, накопившиеся в период подъема.

Появившаяся в 40 – 60-е годы XX века так называемая кейнсианская теория, предполагавшая, что найден рецепт преодоления циклического характера движения капиталистического производства, вновь приостановила интерес к исследованию больших циклов. Однако уже у концу XX века стало ясно, что волновые процессы и флуктуации все чаще дают о себе знать не только в экономической, но и в политической, социальной, культурной и других сферах общественной жизни. Теоретические основы их исследования в конце XX в. всколыхнули интерес к разработке проблем цикличности во всех этих сферах.

Обращаясь к философскому осмыслению циклического развития, следует назвать теорию истории человечества, которая принадлежит Освальду Шпенглеру. В своей работе «Закат Европы» (1918 г.) он приходит к выводу о том, что в истории отсутствует

линейный процес. В ней, скорее, можно выделить ряд отдельных, уникальных высших культур, которые, реализовав всю сумму возможностей «в форме людей, языков, догм, искусств, государств, наук, они умирают» [8, 106]. По его мнению, история является «коллективной биографией таких культур», при этом каждая индивидуальная культура переживает циклы детства, юношества, зрелости и старости: она возникает, растет и, выполнив свое предназначение, умирает (фаза упадка именуется цивилизацией). При этом жизненный путь высших культур нельзя объяснить с точки зрения причинности. Скорее, это предопределенный цикл, проявление внутренней необходимости, или судьбы, которую можно лишь угадать интуитивно [9].

Идею цикличности развивал в своей книге «Древняя Русь и Великая степь» [1] Л. Н. Гумилев, который представил ее через изучение цикла развития этноса. Каждый этнос проходит в своем развитии ряд фаз: фазу подъема (примерно первые 300 лет существования этноса от момента пассионарного толчка), акматическую фазу (300 – 600 лет), фазу надлома (600 – 800 лет), инерционную фазу (800 – 1000 лет), фазу обскурации (1000 – 1200 лет), которая знаменует собой «сумерки этноса», его старение и исчезновение. Весь цикл существования этноса, или цикл этногенеза, составляет, согласно Гумилеву, 1200, иногда до 1500 лет.

Более подробно эта концепция разработана О. Тоффлером, выделившим в истории человечества три волны. Первая связана с возникновением сельскохозяйственной цивилизации (в результате неолитической революции). Вторая волна завершилась формированием индустриальной цивилизации (ведущую роль здесь сыграла промышленная революция). С конца XX века в истории человеческого общества началась третья волна.

Теории цикличности чаще всего предлагались философами, экономистами, историками или философами истории. Однако эта проблема изучалась и в социологии. Так, например, Вильфредо Парето в «Трактате всеобщей социологии» (1916) дал классический анализ социальных циклов в более узких пределах отдельных обществ. Парето представил образ общества в виде социальной системы, которая проходит через повторяющиеся циклы – равновесие, дестабилизацию, потерю равновесия и новое равновесие. Это относится к обществу в целом, но то же происходит и с составляющими его сегментами – политикой, экономикой и идеологией. Соответственно существуют всеобщий социальный цикл и специфические циклы: военно-политический, экономико-индустриальный и идеологически-религиозный, причем каждый из них следует одинаковой модели [9].

Социальные и исторические изменения рассматриваются как циклические смены элит: их восхождение, упадок и замена. По выражению Парето, «история – это могила аристократии» (т.е. элиты

всех типов). Механизм данного процесса заключается в чередовании «остатков», которые завоевывают и теряют свою главенствующую роль внутри элиты.

Крупнейший вклад в формирование и развитие теории цивилизаций внес Питирим Александрович Сорокин. В своем труде «Социальная и культурная динамика» он обосновал периодическую смену социокультурного строя – идеационального (сверхчувственного), чувственного, идеалистического (позднее названного интегральным) и смешанного. Фактически речь идет о закономерной смене эпох в динамике глобальной цивилизации.

С точки зрения П. Сорокина, о многих социальных процессах нельзя говорить с позиций концепции цикличности, более корректна концепция долговременных бесцельных флуктуаций. Так, ставя вопрос, существует ли в рамках одного и того же общества непрерывная цикличность в колебаниях среднего уровня благосостояния и дохода или нет, он считает, что нет достаточных оснований для определенного ответа. Это, по его мнению, касается также проблем социальной стратификации и социальной мобильности. Под социокультурными флуктуациями Сорокин понимает процессы, которые время от времени повторяются в социальной и культурной жизни и в человеческой истории. Он исследует цикличную траекторию социокультурной динамики во времени и пространстве. Так, например, изучение им динамики экономических условий показало наличие в ней краткосрочных и долговременных флуктуаций, периодов подъемов и спадов, причем типы экономических отношений модифицируются при смене социокультурного строя.

Одной из самых распространенных теорий, объясняющих колебания социокультурных процессов, является концепция смены поколений. Имеются различные подходы к ее трактовке [6]. Считая, что смена поколений обуславливает обновление общества, О. Конт придавал большое значение оптимальному соотношению между категориями изменений и постоянства, обеспечивающими ритм прогресса. Немецкий социолог Карл Манхейм также объясняет социальные изменения сменой поколений. Он отмечает, что возникновение новых возрастных групп и их взаимодействие с культурным наследием прошлого неизбежно приведет к социальным изменениям. По мнению испанского философа Хосе Ортеги-и-Гасета, противодействие двух основных элементов поколения – элиты и массы – приводит к периодической смене полемической эпохи, или «времени молодых», кумулятивной эпохой, или «временем стариков».

Таким образом, можно говорить о том, что в науке существуют различные концепции, которые описывают общество или его отдельные подсистемы (экономика, социальная политика, культура и т.д.) с точки зрения циклического развития. На данном этапе развития науки под «циклом» традиционно понимается некоторая совокупность

процессов и явлений, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени и приводящих социальную систему (социальные объекты) в исходное или подобное исходному состояние.

Общей чертой таких концепций независимо от отрасли знания является представление о жизненных циклах как о более или менее универсальных схемах, которые присущи развитию любой культуры, цивилизации или этноса. Как отмечает В. И. Пантин, «... подобные теории, улавливая некоторые общие закономерности в развитии различных этнических, национальных или цивилизационных образований, часто не учитывают уникальные черты и особенности, присущие каждой конкретной социальной системе» [5].

В последнее десятилетие присущие данным концепциям представления о цикле как о замкнутом круге подвергаются критике, основанной на понимании того, что ни один общественный цикл не может вернуться к исходному состоянию. В связи с этим получили развитие теории, которые рассматривают общественно-исторические циклы как открытые. Речь идет о том, что циклическое развитие каждый раз приводит социальную систему в новое состояние, хотя оно частично и подобно исходному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/gumilev/ancient_rus.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – М., 1991.
3. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – С. 335.
4. Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. с ит. Н. Я. Рыковой. – 2-е изд. – М.: Наука, 1987. – С. 175.
5. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3359.html>.
6. Российская цивилизационная школа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civil.newparadigm.ru/civil1.htm>.
7. Сорокин П. Циклические концепции социально-исторического процесса // Россия и современный мир – 1998. – № 4 (21) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/18_s/or/okin_07.htm.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. – Новосибирск, 1993. – С. 106.

9. Штомпка П. Социология социальных изменений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://polbu.ru/sztompka_sociology/ch55_all.html Matsinina N.V.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

МЕСТО СУБКУЛЬТУРЫ «ФУРРИ» В СИСТЕМЕ СУБКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Арнаутова А. Ф.

THE PLACE OF FURRY SUBCULTURE IN SUBCULTURAL FORMATIONS

Arnautova A.F.

В статье рассматривается сущность субкультуры «фурри» как социально-лингвистического понятия с целью уточнения его терминологического содержания. Автором проанализированы характеристики ряда смежных терминов: фэндом и мейнстрим. В результате проведенного исследования были выделены исторические, типологические, и аксиологические характеристики этого явления на материале английской и русской лингвокультур.

The article discusses the problem of the correlation between the notions of the mainstream, fandom, subculture and the correlated phenomena of English furry subculture and Russian furry subculture.

Ключевые слова: субкультура, мейнстрим, фэндом, англоязычная субкультура «фурри», русскоязычная субкультура «фурри».

Key words: fandom, subculture, furry subculture, English furry subculture, Russian furry subculture.

Тема, обозначенная в заглавии статьи, представляет определенный интерес в связи со сложившейся социокультурной ситуацией в Северо-Кавказском регионе. Сосуществование в тесном контакте представителей молодежных субкультур (как религиозных, так и маргинальных) может привести к затруднениям в межкультурной коммуникации.

Новейшие исследования зарубежной и отечественной антропологии уделяют особое внимание проблеме субкультурных образований. Относительно конкретизации принципов выделения субкультур на теоретическом уровне можно говорить о той или иной коллективной или авторской концепции [5, 6, 7]. В объем этого понятия включают различные образования с точки зрения историко-культурного и историко-типологического подходов. Предметом исследования настоящей статьи является уточнение понятия

субкультурного образования «фурри» на эмпирической основе исследования этого феномена. С целью выявления терминологического содержания понятия «субкультурное образование» необходимо проанализировать ряд следующих дефиниций его концептуального оформления: мейнстрим, фэндом, субкультура. Взятые в своей совокупности, они не делают весь материал культуры по одному основанию. Они выделяют определенные пласты культуры, тем не менее, основание, на котором производится это деление, каждый раз иное. Возведение слова «мейнстрим» в ранг типологического понятия, обозначающего художественное течение, потребовало обработки его в обыденном языке. Так, например, в словаре «Longman dictionary of English language and culture» дана следующая дефиниция этого понятия: «Mainstream – 1. The main or most widely accepted way of thinking or acting in relation to a subject. 2. Aime to include a child with learning problems or physical disability in a class with children developing in the expected way» [1. С. 845]. В словаре «Merriam Webster's Dictionary» определяют его следующим образом: «The dominant course, tendency, or trend» [2. С. 546]. В англо-русском словаре «АВВУ Lingvo» приводится следующее толкование понятия: «Мейнстрим, основное течение, господствующая тенденция, главное направление (в искусстве)» [3].

Происхождение английского слова «фэндом» отражает существеннейшую для английской национальной культуры сторону: «Fandom – n. fans collectively, as of a motion-picture star» [1. С. 324]. В электронном словаре «АВВУ Lingvo 12» данное понятие получает следующую переводческую трактовку: «Fandom – 1) любители, фанатики, болельщики; 2) фанатство, поклонение» [3]. В энциклопедическом словаре понятие «фэндом» получает следующую дефиницию: «Фэндом (англ. fandom – фанатство) – сообщество поклонников, как правило, определенного предмета (писателя, исполнителя, стиля)» [4. С. 198].

Фэндом может иметь определенные черты единой культуры, такие как: общий сленг, свои издания и веб-сайты. Однако большинство фэндомов не образуют субкультур, поскольку в фокусе их внимания находится единственный объект, представляющий специфический интерес. Также понятие субкультуры иногда подменяют понятием «увлечение» (геймеры, хакеры и т.п.). Лингвокультурные сообщества людей с общим хобби могут образовывать устойчивый фэндом, но при этом не иметь признаков субкультуры (общего мировоззрения, стиля жизни, имиджа) [5. С. 176].

Далекие друг от друга явления могут быть соединены внутренними генетическими линиями роста и преемственности для формально-логического подхода. Например, в трудах современных исследователей субкультура понимается как «свод накопленных определенным мировоззрением ценностей и порядков группы людей, объединенных специфическими интересами, определяющими их

мировоззрение: Subculture – n. the behavior, beliefs and customs of a particular group of people within a society, often a group whose behavior is disapproved of by most people» [1. С. 1387].

Попытаемся применить к вышеуказанным дефинициям формально-логический принцип, который раскрыл бы существенные признаки этих понятий. Становится очевидным, что дефиниции «субкультуры» и родственных ей понятий являются разнородными. Субкультура есть социокультурное образование, отличающееся от фэндома такими признаками, как общее мировоззрение и единый образ жизни. Мейнстрим, в противоположность субкультуре, является главенствующим направлением в искусстве.

В Большом энциклопедическом словаре приводится следующее определение субкультуры: «1. Субкультура – система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества. 2. Субкультура (подкультура) – понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре (контркультура). Современное общество, базирующееся на разделении труда и социальной стратификации, представляет собой систему многообразных групп и субкультур, находящихся в различном отношении друг к другу (например, молодежная субкультура, различные профессиональные субкультуры)» [4. С. 456].

По нашему мнению, вышеперечисленные характеристики этого понятия позволяют сделать вывод, что субкультура превратилась в особую устойчивую социально-культурную и духовную форму существования социума, отражающую его обособление от системы ценностей традиционной культуры. Мы считаем, что невозможно уточнить специфику данного термина, не охарактеризовав научные подходы к изучению субкультур.

Анализ результатов исследования данной проблематики позволил нам выделить три подхода к изучению субкультур: 1) в антропологии и социологии субкультурные сообщества изучаются с исторической точки зрения (многополярность человеческого сообщества). Идеи обоснование этой концепции мы находим в работах антрополога Ф. Боаса. Дальнейшее развитие она получила в трудах Э. Сепира и Б. Уорфа [5. С. 80]. 2) С типологической точки зрения субкультура определяется как вид доминирующей культуры, контркультура или делинквентная форма культуры. В рамках этого подхода субкультура является видовым понятием по отношению к родовому понятию культуры и представляет собой тип человеческой деятельности. Этот подход был обоснован концепциями Г. Хофстеде и Э. Холла [6. С. 59]. 3) С аксиологической точки зрения субкультура является определенной системой ценностей. В работах Ф. Клухона и Ф. Шродбека рассматриваются культурные различия в системах ценностей различных субкультур [7. С. 160].

Резюмируя, попытаемся определить место субкультуры «фурри» в системе западных молодежных субкультур и субкультурных образований на территории России. Как социологическая категория субкультура рассматривается нами в рамках следующего теоретического подхода: субкультура – субкультура «фурри» – англоязычная субкультура «фурри» – русскоязычная субкультура «фурри».

Термины «furry», «пушистость», «терри», «воро» вошли в речевую практику молодежных субкультур сравнительно недавно. В их структуре и семантике можно проследить связь с понятиями «мех», «пух», греческим словом «therio», что означает «зверь», и медицинским термином «зоантропия». Все эти слова обозначают новый для России молодежный субкультурный феномен, представляющий исследовательский интерес. Информация об интересующих нас терминах социального, лингвистического и культуролого-страноведческого плана содержится в интернет-словарях.

«The word furry has several meanings, dependent on the context in which it is used. Predominantly, it means "consisting of or resembling fur". It also pertains to an interest in anthropomorphic animals and/or mythological or imaginary creatures which possess human or superhuman capabilities. The plural form of furry in all its contexts is furs or furies; the subjects of furry interest are also known as furies. Because people in the fandom tend to identify closely with their avatars (or fursonas), the word is often used to mean a group of furry characters in art or roleplay» [15].

Фурри, транскрипц. – *фёрри* (от англ. furry – *пушистый, покрытый мехом*) – жанр творчества об антропоморфных животных и сообщество его поклонников. Антропоморфные животные встречаются в комиксах, мультипликации, видеоиграх и аллегорических новеллах, особенно в жанрах научной фантастики и фэнтези. Антропоморфизм персонажей выражается в человеческом поведении, мимике, речи, деталях анатомии, прямохождении или ношении одежды. Поклонники фурри называются фуррями. Творчество и деятельность, которая ведется фуррями, включают в себя рисование, создание фанфиков и оригинальной литературы, фурсьютов (костюмов антропоморфов) и других изделий [8].

Очевидно, что в XXI веке социальная дифференциация «фурри» имеет разветвленный характер и делится на новые социальные подгруппы.

Современные фурри – это смешанное лингвокультурное сообщество, которое включает как фурри (собственно пушистых), так и нефурри (териантропов, ворофилов, «иных»). Англоязычная субкультура «фурри», согласно исследованиям Ф. Паттена, подразделяется на следующие идеологические группировки: «Against Fur Zombies» (противники изготовления мягких игрушек из меха реальных животных), «Anti-Were and Furry Resource» (ресурс против оборотней и драконов), «Burned Furs» (сожженные фурри, сторонники

позитивного изображения этой субкультуры), «Military Furry» (фурри-военные) [8].

По степени зооморфной самоидентификации носители субкультуры относят себя к фурри, териантропам и ворофилам. Культурный стереотип фурри способствовал появлению териантропии. В этимологическом словаре «Oxford Concise Dictionary of English Language» приводится следующая дефиниция лексемы «therio»: «Therio – Gr. therion, dim. of ther. – wild beast» [14: 426]. В 1901 г. Я. Я. Грот ввел этот термин в научный оборот в работе «*The tale of Cheu Chen's slave shows a new feature in Chinese tiger-lore, which, like so many others, we find also in therianthropy elsewhere in Asia*» [11. С. 60]. В медицинских источниках встречается термин «зоантропия» [9. С. 45], под которым он понимал разновидность психического отклонения. Параметры культурных отличий териантропов от фурри описал Л. Д. Темплтон в работе «Териантропия как стиль жизни» [8]. Так, в частности, им было введено понятие «ментальных отличий» териантов от фурри, обосновано понятие «шейпшифтинга», «фенотипа» и «тотема». Териантропы отождествляют себя психически и физически со зверем, именем которого называются. Вид животных, с которыми идентифицируется териантроп, в англоязычном сообществе называется териотипом или териостороной (англ. therioside). Представители этого ответвления обладают фенотипом и тотемом. Фенотип – это вид животного, с которым ассоциирует себя териантроп, а тотем – это животное-покровитель териантропа. Шейпшифтинг – гипотетическая возможность изменять форму своего тела [8].

И, наконец, укажем еще и на третье понятие субкультуры «фурри» – понятие «воро», принятое для обозначения садомазохистских тенденций этой субкультуры. Внимания заслуживает тот факт, что в лексиконе «фурри» есть социолект «воро», в котором существует ряд субкультурем, имеющих значение «пожирать» – убивать, например: «Ворофилия (лат. Vorage – «пожирать» и др.-греч. φιλία — «люблю»), или воро (vore) – вид фантазий, связанных с получением удовольствия от процесса поглощения живого существа. Эти фантазии могут находить выражение в рассказах, рисунках, комиксах и ролевых играх в Интернете» [9]. Следовательно, условием групповой интеграции в субкультуру является зооморфная идентификация носителя субкультуры с видом животного – антропоморфа, оборотня или хищника.

В 2002 г. американский социолог Д. Раст провел опрос «Социология фурри», результатом которого явились следующие данные: 1) представителями субкультуры являются преимущественно белые американцы; 2) в данной субкультуре проявляется толерантность по отношению к нетрадиционным сексуальным отношениям [9. С. 43].

Преподаватели факультета психологии Калифорнийского университета города Дэвис в 2007 г. опросили 609 участников этой субкультуры, свои выводы они изложили в статье «Furry». Анализ

содержательных позиций опроса показал, что участниками фурри-сообщества являются: 1) белые; 2) процентное соотношение гетеросексуалов и гомосексуалистов составляет, соответственно, 32 % и 25 %; 3) образование неоконченное высшее или высшее; 4) большинство респондентов не носит фурсьют; 5) 82 % опрошенных посещает фурри-конвенты [8]. Исследователи считают, что носители субкультуры, участвующие в социальном взаимодействии, должны разработать особый способ коммуникации своих идентичностей. Для этого необходимо использовать символы, соответствующие их притязаниям на определенный статус в конкретной социальной ситуации.

Авторы статьи «Gerbal furrries» К. Gerbasi, N. Paolone и J. Hugnier, ссылаясь на вышеуказанную работу, исследуют данную субкультуру с точки зрения девиантного поведения [12. С. 79]. Исследователи акцентируют внимание на механизме организации субкультурного взаимодействия, распределении ролевых статусов между участниками общения и выработке этических границ коммуникации. Данные проведенного ими социологического опроса развенчивают миф о фурри, созданный СМИ, как о представителях преимущественно мужского пола, отличительный признак внешности которых – борода, а сферой занятости являются компьютерные технологии.

Таким образом, эти исследования перечисляют следующие социологические параметры этой субкультуры: психологическую идентичность с животным, девиантное поведение в сексуальной сфере и ментальные черты субкультуры, соотносимые с примитивной тотемистической культурой.

В отечественной культурологии изучением этой субкультуры занимаются Д. Розанов, Е. Овчинников и А. А. Чубур. Д. Розанов характеризует имидж этой субкультуры и бытовые особенности поведения. В статье «Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. Попытка осмысления» А. А. Чубур приводит статистические данные о численности фурри в Москве и Санкт-Петербурге, а также сводную таблицу видового состава антропоморфных животных и хищников в фурри-арте [11. С. 85]. Он относит происхождение этой субкультуры к примитивной культуре первобытного общества.

Следует отметить, что вышеуказанные характеристики субкультурной общности «фурри», зафиксированные в опросах, мозаичны и не поддаются описанию в рамках унифицированной модели. В 2009 – 2012 гг. нами была предпринята попытка сопоставительного исследования зарождения и эволюции субъязыка субкультуры «фурри» в США и России. Рассмотреть этот вопрос полностью в рамках нашей статьи не представляется возможным, однако наметить основные подходы к анализу и толкованию специфики свойственной субкультуре «фурри» поведенческой практики, типов коллективного поведения, ритуальности и символики, за которыми просматриваются различные ценностные структуры,

вполне возможно. Согласно концепциям отечественных социологов (А. С. Запесоцкого, В. А. Лукова, С. К. Бондаревой) [7. С. 79], признаками молодежной субкультуры выступают: определенная шкала ценностей, специфическая статусная структура, общая досуговая деятельность, специальный канал коммуникации. Рассмотрим эти параметры на конкретных примерах.

В истории русскоязычной субкультуры «фурри» можно выделить следующие этапы: 1) образование сообщества (конец 90-х); 2) проведение Русфуренций (встреч носителей субкультуры с 1999 г.); 3) расширение ареала рамок субкультуры (Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Ростов-на-Дону, Пятигорск, Волгоград, Владивосток, Брянск, Новосибирск и т.д.); 4) распространение сетевых объединений «пушистых» («Theanthropy.ru», портал оборотней «Логово», портал «Feral Wiki»).

В Пятигорске состав участников этой субкультуры насчитывает двести членов [8]. Носители субкультуры идентифицируют себя как фурри по двум критериям: приверженность к антропоморфным животным и определенный «звериный» склад психики. Из них 40 % идентифицирует себя с семейством волчьих, 25 % – с кошачьими, остальная часть относится к другим представителям животного мира. Произведенный нами количественный подсчет показал, что возрастной и социальный состав участников субкультуры «фурри» представлен: старшими школьниками (30 %), студентами (50 %), а также выпускниками вузов в течение последних пяти лет (20 % от общего числа). Состав участников можно разделить по общей заинтересованности в процессе на три большие группы: 1) фурри-лайфстайлеры, проявляющие звериные черты в бытовой сфере (общение на русскоязычной версии субъязыка «фурри», перенесение фурсоны в реальный мир); 2) фурри-организаторы, занимающиеся фурри-артом, организацией парадов, подготовкой участников и изготовлением фурсьютов; 3) «любители», привлеченные элементами внешней атрибутики этой формы досуга. Культурная деятельность фурри включает: участие в ролевых играх и фурри-конвентах, производство фурсьютов, создание литературных и художественных произведений. Ценностные ориентации перечисленных выше групп отражены в специфическом языковом коде. Анализ содержательных оценочных позиций этой субкультуры позволил нам выделить ценностные сферы данного сообщества: 1) участие в фурри-конвентах – как основной вид досуговой деятельности; 2) уход от окружающей действительности – как результат нахождения в маске фурсоны; 3) мистическая составляющая атрибутов субкультуры и связанные с ними характеристики (ночные прогулки вокруг Машука с «тотемом», «шейпсифтинг» в полнолуние и т.п.); 4) художественное и литературное творчество (рисование фурсон и сочинение фанфиков). Актуализация вышеперечисленных составляющих вызвана отказом от социализации в рамках современного социума.

Исследование нами значений терминов «мейнстрим», «фэндом», «субкультура», субкультура «фурри» (англизоязычная субкультура «фурри», русскоязычная субкультура «фурри») показало предметный статус этих культурных терминов в терминологическом аппарате социологии и культурологии. Различия в типах мыслительной ориентации зафиксированы в культурных смыслах объекта мысли «фурри», «терианов» и «воро». В рамках субкультуры «фурри» находит выражение зооморфная самоидентификация индивида. Социум этой субкультуры можно рассматривать как лингвокультурную общность носителей британского и американского вариантов английского языка, а также носителей русского языка. Их субкультурное единство обеспечивается при помощи следующих экстралингвистических факторов: наличия объекта психологической идентификации – антропоморфного животного – и социальной общности. Лингвистическим фактором является наличие особого субъязыка как средства субкультурной коммуникации и лингвистической самоидентификации.

Специфическими чертами этого субкультурного объединения в Пятигорске являются: закрытый тип, эклектическое мировоззрение (объединение характеристик фурри, терианов, воро), носителями субкультуры является детско-молодежная группа в возрасте от пятнадцати до тридцати лет: фурри-лайфстайлеры, фурри-организаторы и поклонники антропоморфных животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. – England: Longman, 2006. – 1620 p.
2. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – USA: Merriam-Webster, 2004. – 1623 p.
3. Словарь АBBYY Lingvo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ABBYY_Lingvo_12.ru.
4. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Под общ. ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 С.
5. Александров, Р. Ю. Социально-философские аспекты развития молодежной субкультуры / Р. Ю. Александров // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 5. – С. 77 – 81.
6. Глядя на Запад? = Looking west?: культурная глобализация и российские молодежные культуры / Хилари Пилкингтон [и др.]; пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 2004. – 278 с.
7. Головин В. В. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село / В. В.

Головин, М. Л. Лурье // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 56 – 70.

8. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru>.

9. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology [Text]/ ed. by T. F. Hoad. – New York: Oxford University Press, 1996. – 552 p.

10. Фералвики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.feralwiki.ru>

11. Чубур А. А. Furry-art: от цифровой графики до сводов пещер. Попытка осмысления [Текст] / А. А. Чубур // Вестник Брянского университета. – Брянск: 2009. – С. 78 – 85.

12. Gerbasi K., Hughier J., Paolone N. Gerbal Furrries [Text] / K. Gerbasi, J. Hughier, N. Paolone. – USA: Science and Animals, 2010. – Pp. 77 – 89.

13. Rust D. Sociology of Furry [Text]. – USA: Sociologic Review of Philadelphia: University of Philadelphia press, 2002. – Pp. 38 – 49.

УДК 811.11

**СТАТУСНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«АНГЛИЙСКИЙ ВИКАРИЙ»**

Бровикова Л. Н.

**STATUS REPRESENTATION OF AN ENGLISH
VICAR AS A LINGUISTIC AND CULTURAL
PERSONALITY TYPE**

Brovikova L. N.

Статья посвящена вопросу о статусной репрезентации лингвокультурного типажа «английский викарий». Рассмотрена специфика системы клерикальных обращений и титулов, принятых в Великобритании как средства поддержания статуса типажа.

The article deals with the methods of representing the status of an English vicar as a linguistic and cultural personality type. It lays special stress on the system of clerical titles and addresses in the English language.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, английский викарий, статусная репрезентация.

Keywords: a linguistic and cultural personality type, concept, an English vicar, status.

Типаж «английский викарий» является исторически важным для британской лингвокультуры и представляет собой культурно-

специфическую и общественно-значимую личность, оказывающую влияние на представителей данного этноса. Лингвокультурный типаж, как отмечают В. И. Карасик и О. А. Дмитриева, это узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. В исследовательском отношении типаж представляет собой разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность [2, С. 6]. Английский викарий является узнаваемым типажом лингвокультуры Великобритании и представляет собой важный источник о фундаментальных ценностях англичан в вопросах религии и веры.

Понятийные характеристики типажа раскрываются с помощью словарных дефиниций:

Vicar. A clergyman appointed to be the priest of a parish in the Church of England [8, С. 339].

Vicar – an Anglican priest who is in charge of a church and the area around it (called a parish) [10, С. 1715].

Таким образом, викарий – это священник англиканской церкви, выполняющий обязанности настоятеля прихода. Викарий занимает среднюю ступень в иерархической структуре англиканской церкви и имеет определенный статус как духовное лицо и руководитель прихода, в связи с чем типаж демонстрирует набор статусных признаков (особая одежда – сутана, территория – приход, жилище – дом викария, рабочее место – церковь, а также хорошее образование, вознаграждение за выполнение должностных обязанностей, наличие свободного времени, приватность, ухоженность).

Осуществляемые викарием религиозно-идеологические функции накладывают значительный отпечаток на статусные требования к нему, предъявляемые обществом. По мнению В. И. Карасика, формула социального статуса человека является семиотической по своей сути и включает статусный индекс (ролевые признаки человека), статусный вектор (указание на неравенство или равенство участников общения) и статусную репрезентацию (выражение уважительного отношения к адресату путем его возвышения либо самопринижения говорящего) [3, С. 18]. Являясь духовным наставником и руководителем, викарий обязан занимать позицию над паствой и поддерживать определенную дистанцию в общении с прихожанами, чему способствует существование в английской лингвокультуре статусно значимой системы наименований священнослужителей (clerical titles) и обращений к ним (addresses).

Статусный индекс викария диктует соответствующий способ статусной репрезентации, выступающий в качестве яркого эмблематического маркера: викария принято именовать «*the Reverend*» («преподобный»), имя и фамилия, например: *the Reverend Cuthbert Simpson* [9, С. 24], или, соответственно, *the Reverend Simpson*. Слово «Reverend» является производным от «reverence»:

Reverence – a feeling of great respect or admiration for sb/sth [10, С. 1311].

Таким образом, представление о необходимости уважительного отношения к викарию со стороны других лиц заложено в самом понятии «*Reverend*». Кроме этого, в письменной речи английское слово «преподобный», предворяющее имя и фамилию (или фамилию) священника, пишется с заглавной буквы, что свидетельствует об особом положении человека, к которому оно относится. Существует несколько вариантов написания, в том числе полные и сокращенные, а именно: *the Reverend Martin Soulis, the Reverend Soulis, the Revd Soulis, the Rev. Soulis, the Rev Soulis*. Изредка викарий может именоваться «*Mister*», что соответствует формально-вежливому наименованию лица мужского пола: *Mister Libby* или, соответственно, *Mr. Libby*. Менее формальным, но также содержащим указание на статус, является наименование *Vicar* + фамилия (обычно используется ближайшим окружением викария).

В прямом обращении к викарию используется слово «*Reverend*», в сочетании с фамилией священника, например: *Reverend Daley*. Допустимым вежливыми обращениями к викарию являются: «*Reverend Sir*» или «*Sir*». Люди, хорошо знакомые с викарием, могут использовать обращение «*Vicar*». Оно часто пишется с заглавной буквы [7, С. 1440]: 1) *She said, «Sure is, vicar», and she patted the seat beside her* [Atkinson, 2005, с. 374]. 2) «*That's not strictly true, though, is it, Vicar?*» [11, С. 101].

Система названий и обращений, принятая в лингвокультурном сообществе Великобритании, направлена на поддержании общественного статуса викария, его значимости и авторитета. Отметим, что внимание в данном случае акцентируется либо на сане священнослужителя (*Reverend*), либо на должности (*Vicar*), либо на статусе респектабельного гражданина (*Mister*) или вышестоящего лица (*Sir*).

В высокой церкви (как направлении внутри церкви Англии, тяготеющем к использованию элементов католической традиции) викария могут именовать *Father* + фамилия, *Father* + имя или *Father* + имя + фамилия (*Father O'Brian, Father Sebastian, Father Sebastian O'Brian*). Традиция также допускает обращение «*Father*» (во всех случаях пишется с большой буквы), например: 1) «*Father Martin will be able to supply a list. Are we to expect you for dinner?*» «*Not tonight, Father, if you'll excuse me. I hope to be back for Compline*» [9, С. 57]. («*Отец Мартин сможет составить список. Ждать ли вас сегодня к обеду?*» «*Не сегодня, святой отец, простите меня. Я надеюсь сегодня вернуться в Комплаин*».) 2) *Called him Father Stanhope because she knew it would appeal to his vanity* [12, С. 94]. (*Звала его отец Стэнхоуп, потому что знала, что это польстит его самолюбию.*)

В семиотически окрашенном обращении «*Father*» прослеживается аллюзия как на высший авторитет и всеобъемлющую

власть Бога как «отца небесного, создателя всего сущего», так и на власть отца как главы традиционного британского семейства. Называя священника «Father», верующий тем самым признает себя участником ролевой оппозиции Взрослый (Родитель) – Ребенок, принимая доминирование, власть и авторитет «отца» (по Э. Берну) [1, С. 17].

Тем самым статусная репрезентация викария как компонент формулы социального статуса приходского священника предполагает уважительное отношение к нему. Необходимо отметить, что статусная репрезентация в данном случае является простой – говорящий подчеркивает высокое положение адресата.

Применение статусно сниженного обращения по отношению к викарию не принято в лингвокультуре Англии как неприемлемое с точки зрения этикета: это считается грубым, неприличным, слишком фамильярным, даже для хорошо знакомых с викарием людей. Викарию, по мнению британцев, подобает оказывать должное уважение в соответствии с его саном и положением. Фрагменты текстовых источников содержат только одну ситуацию, когда это правило нарушается. Так, в XIX веке лендлорд мог допустить единичные случаи обращения к викарию (как правило, младше него по возрасту) по фамилии с целью указать последнему на свое доминирующее положение, обычно с целью выражения своего недовольства действиями приходского священника: 1) «*Садитесь, Олифант [преподобный Олифант]*» [4, С. 267].

В современных текстовых источниках нам не удалось отметить случаев статусно сниженного обращения к викарию со стороны каких-либо лиц, что говорит о неизменно прочном авторитете англиканского приходского священника в обществе и высокой статусности типажа в массовом сознании сегодняшних британцев.

К прихожанам, особенно младше по возрасту, викарий часто обращается по имени (в то время как они обязаны называть его в соответствии с общепринятой системой клерикальных обращений), что определяет статусный вектор, свидетельствует о неравенстве участников общения, доминирующей позиции викария как духовного наставника.

В качестве текстовых примеров, подтверждающих существующую между викарием и паствой дистанцию в общении, можно привести фрагменты, в которых викарий прямо указывает прихожанину/прихожанке на неуместность фамильярного поведения по отношению к себе. Неодобрение может проявляться вербально и невербально (через мимику, жесты, тон голоса): 1) *It was when she was putting his hand on his [the local vicar's] thigh that he realized what she was up to and told her he wouldn't see her again* [12, С. 94]. (Когда она положила руку ему на колено, он понял, чего она добивается, и сказал, что больше не хотел бы ее видеть.) 2) *I can give you precisely one minute, then I must go off to the diocesan meeting for which I'm already twenty minutes late* [11, С. 51 – 52]. (Я могу дать Вам ровно одну

минуту, я должен идти на совещание к епископу, на которое и так уже опаздываю на двадцать минут.) 3) *He dismissed that suggestion with a wave of the napkin he still held. «Of course not. This is a vicarage, not a hostel»* [11, С. 55]. (Он отмахнул ее предложение взмахом салфетки, которую все еще держал в руке. «Конечно, нет. Это дом викария, не общежитие».)

Необходимость поддержания статуса определяет коммуникативное поведение викария, направленное на сохранение расстояния между ним и жителями прихода: 1) *The vicar stepped quickly between us. «That's enough!» He faced Brenner. «Carl, I appreciate you're upset, but I'd thank you not to use language like that in my presence. Scarsedale conviction in his authority was absolute* [6, С. 241]. (Викарий быстро встал между нами. «Довольно!». Он повернулся к Бреннеру. «Карл, я понимаю, вы расстроены, но я буду благодарен, если вы не будете использовать подобную лексику в моем присутствии». Уверенность Скарсдейла в своем авторитете была абсолютной.) 2) *«But you can't just turn on my doorstep, out of the blue, demanding sanctuary like a medieval martyr»* [11, С. 56]. (Но вы не можете просто появиться у меня на пороге как гром среди ясного неба и требовать убежища как средневековая мученица.)

Во время проведения ритуальной службы и отправления обрядов, требующих произнесения церковных литургических текстов, викарий обращается к Богу от имени паствы, что позиционирует его как представителя божественной власти на земле, утверждая его высокий авторитет как посредника, передающего волю Бога верующим или просьбы верующих Богу: *Prevent us, o Lord, in all our doings with thy most gracious favour* [9, С. 33]. Дискурсивные формулы, принятые в англиканстве, подчеркивают исключительное положение священника по сравнению с прихожанами как лица, наделенного особыми полномочиями говорить с Богом. В ходе службы действия верующих также ориентированы на проявление уважения к священнослужителю: прихожане встают, когда викарий входит в помещение, соблюдают тишину, когда он говорит; по окончании службы прощаются с викарием.

Представители лингвокультуры считают, что приходскому священнику приличествует некоторое дистанцирование от паствы. Верующие должны соблюдать определенный этикет при обращении к викарию по разным вопросам. Викарий имеет рабочий кабинет, где принимает посетителей, для чего отводятся приемные часы. Личное пространство священника не принято нарушать. Приватность, возможность уединения викария для написания проповедей, молитвы, размышления осознаются британцами как свидетельство его элитарности: *He [the vicar] valued his privacy* [9, с.32]. (Он [викарий] ценил свою приватность.) 2) *Она [жена викария], должно быть, привыкла, подумала я, защищать мужа от назойливых посетителей* [5, С. 431 – 432].

Типаж «английский викарий» обладает ярко выраженными статусными характеристиками. В лингвокультуре Великобритании статусная репрезентация данного типажа находит реализацию в проявлении уважительного отношения к нему со стороны окружающих, что вербализовано в языке посредством исторически устойчивой системы наименований викария как священнослужителя и системы обращений к нему как к духовному лицу. Невежливое и фамильярное обращение к викарию табуированы в рассматриваемом этносе как нарушение правил приличия. Паравербальные особенности, отличающие действия верующих, направлены на выражение почтения по отношению к приходскому священнику,

В ходе проведения викарием религиозных ритуалов его особая роль как представителя церковной и божественной власти подкрепляется посредством применения ряда устойчивых дискурсивных формул. Коммуникативное поведение викария нацелено на укрепление собственного статуса. Должностные особенности (наличие личного кабинета, установленные для приема посетителей часы) способствуют сохранению подобающей церковнослужителю дистанции между ним и прихожанами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2012. – С. 17 – 40.
2. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 18.
3. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 6.
4. Клуб привидений / Рассказы. – СПб: Азбука, 2011. – С. 267.
5. Стюарт М. Собрание сочинений. Т. 6. – М., 2006. – С. 431 – 432.
6. Beckett Simon. The Chemistry of Death. – London, 2006. – С. 241.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Second edition. – Cambridge University Press, 2005. – С. 1440.
8. Dictionary of Britain. – Oxford University Press, 1995. – С. 339.
9. James P. D. Death in Holy Orders. – London: Faber and Faber, 2001. – С. 24, 32 – 33, 57.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Eighth edition. – Oxford University Press, 2011. – С. 1311, 1715.
11. Robinson Catherine. Celia. – London: Penguin Books, 2001. – С. 51 – 52, 55 – 56, 101.
12. Walters M. The Shape of Snakes. – London: Pan Books, 2001. – С. 94.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

Гончаров В. Н.

POLITICAL CULTURE IN POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY: MAIN MODELS

Goncharov V. N.

Простая констатация факта существования того или иного комплекса элементов, которые можно было бы объединить в категорию политической культуры, сама по себе не снимает вопрос о том, как эти элементы реализуются в конкретном политическом процессе, поведении различных групп и слоев населения. Одни и те же политические установки, ценностно-нормативные ориентации и идейно-политические принципы у разных социальных групп в конкретном политическом поведении проявляются по-разному. Поэтому в каждой политической культуре можно выделить совокупность тех или иных черт и характеристик, которые придают ей определенную специфику, что в свою очередь позволяет выделить в рамках единой политической культуры отдельные субкультуры, в которых в той или иной концентрации могут преобладать конфессиональные, этнические, региональные или иные начала.

Simple ascertaining of the fact of existence of this or that complex of elements which could be united in category of political culture, in itself doesn't remove a question of how these elements are realized in particular political process, behavior of various groups and population segments. The same political installations, valuable and standard orientations and the ideological and political principles at different social groups in particular political behavior are shown differently. Therefore in each political culture it is possible to mark out set of these or those lines and characteristics which give it a certain specifics that in turn allows to allocate within uniform political culture separate subcultures in which in this or that concentration confessional, ethnic, regional or other beginnings can prevail.

Ключевые слова: политическая культура, политическая система общества, либерально-демократическая модель политической культуры, авторитарная модель политической культуры, тоталитарная модель политической культуры, общественное сознание.

Keywords: political culture, political system of society, liberal and democratic model, political culture, authoritative model political culture, totalitarian model political culture, social consciousness.

Каждой политической системе общества соответствует особая, собственная базисная модель (или модели) политической культуры, которая в каждом конкретном государстве проявляется в национально-специфических формах. Как правило, важнейшие элементы каждой базовой модели характеризуются универсальностью и определяются общемировоззренческими установками и ориентациями людей независимо от их национально-государственной принадлежности. В этом качестве в обобщенной, абстрагированной форме они составляют системообразующие компоненты политической культуры и разделяются большинством населения.

В формировании национального самосознания, самой национальной идентичности участвуют общественно-исторические [5], национально-культурные, географические, религиозные и другие особенности каждого народа. Естественно, что они накладывают глубокий отпечаток на содержание и форму каждой национальной политической культуры. Существенную роль в формировании ценностей, норм, институтов и способов мышления различных социально-культурных общностей оказывают и нерелигиозные компоненты: этнический, надэтнический, национально-государственный, хозяйственно-культурный, социальный, позиционирование по отношению к традициям и инновациям, идентификация себя с традиционным обществом или модернизационным проектом; региональные особенности высшего профессионального образования обусловлены климатогеографическими, историческими, экономическими, политикоадминистративными, этническими, социокультурными и нормативно-правовыми условиями; условиями функционирования и развития самой системы образования. [8]

Все это предполагает необходимость выделения соответствующих моделей политической культуры с учетом всех отмеченных моментов. Уже первые авторы, обратившиеся к данной проблематике, предложили собственные типологизации политических культур современного мира. Г. Алмонд выделяет секулярную, гомогенную, политическую культуру. По его мнению, она секулярна в том смысле, что для нее характерны сосуществование множества ценностей, установок, ориентаций, рациональный расчет при принятии решений и разрешении споров и конфликтов, индивидуализм. В то же время она гомогенна в том смысле, что подавляющее большинство авторов политического процесса разделяют основополагающие цели политической системы и средства их достижения. Рольевые структуры, такие как политические партии, заинтересованные группы и средства массовой информации пользуются относительной самостоятельностью. Отдельные индивиды принадлежат одновременно множеству пересекающихся групп. В итоге, в обществе превалирует терпимость к разнообразным позициям и интересам, что создает условия для консенсуса и прагматического политического курса.

Развивая типологию Алмонда, У. Розенбуам выделяет «фрагментированные» и «интегрированные» типы политической культуры, между которыми находятся различные модели и промежуточные типы. Фрагментированный тип характеризуется отсутствием консенсуса относительно основополагающих принципов политического устройства общества. В его основе лежит заметная социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая [6] и иная фрагментация общества [8]. Это создает благоприятные условия для идеологической непримиримости и бескомпромиссности между конфликтующими группами, препятствует выработке определенных общепринятых правил политической игры.

Если руководствоваться типологизацией политической системы по ее основополагающим системообразующим признакам [1], то можно выделить следующие более или менее отчетливо очерченные крупные типы или модели политической культуры: либерально-демократическую, авторитарную и тоталитарную. Между ними располагается целый спектр всевозможных национальных, региональных или иных вариантов и разновидностей политической культуры.

В настоящее время мы имеем дело со смешанными типами политической культуры. Предлагаемые модели политической культуры нужно понимать в смысле веберовских идеальных типов. В определенном смысле это теоретические конструкции, в которых присутствует значительный элемент абстракции, допущения и редукции. Реальное положение вещей значительно сложнее. Отсюда то разнообразие, сложность и многослойность, которые в рамках одной и той же модели обнаруживаются в конкретных национально-страновых реальностях.

Основные факторы и этапы формирования и эволюции либерально-демократической политической культуры в целом совпадают с важнейшими вехами формирования и эволюции гражданского общества и правового государства. Более того, все эти три компонента в совокупности составляют либерально-демократическую общественно-политическую систему. Она связана с утверждением и легитимизацией в процессе капиталистического развития новой, по сравнению со средневековьем, системы миропонимания, где свободный индивид признается в качестве самостоятельной единицы социальной действительности. Важнейшим компонентом сформировавшейся на основе этого миропонимания политической культуры стала идея индивидуальной свободы, самоценности отдельного индивида, прирожденных, неотчуждаемых прав каждого человека на жизнь, свободу и частную собственность. Центральное место здесь занимает убеждение в том, что частная собственность – основа индивидуальной свободы, которая, в свою очередь, рассматривается в качестве необходимого условия самореализации отдельного индивида.

В наиболее законченной форме подобная постановка вопроса нашла отражение в политической демократии и ее важнейших институтах, построенных на принципах политического и идеологического плюрализма, парламентаризма, выборности должностных лиц. Важным компонентом этой модели стала идея плюрализма, предполагающая господство во всех сферах общественной жизни принципа многообразия: в социальной сфере – различных классов, слоев, заинтересованных групп; в культурной – разнообразие этнических, региональных или иных культур, культурных типов и течений, средств массовой информации, отделения церкви от государства, различных конфессий, церковных деноминаций, вероисповеданий; в политической – политических сил, партий, организаций.

Еще со времен Аристотеля считается, что демократические системы сохраняют жизнеспособность и эффективно функционируют в силу активного участия граждан в делах общества, обеспечения высокого уровня информации о состоянии общественных дел и широко распространенного чувства гражданской ответственности. Что касается современных условий парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма партий и политических организаций, представляющих разного рода заинтересованные группы, то очевидно, что ни одно правительство не может завоевать власть без согласия большинства избирателей. Здесь состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение имеют немаловажное значение. Общественное мнение приобрело беспрецедентное значение и влияние. Более того, при парламентском режиме в современных условиях как ценность правительственных программ, так и достоинства политических деятелей, как правило, измеряются их популярностью.

Либерально-демократическая модель включает принцип «согласия не соглашаться» с мнением и позициями других членов или групп общества. В таком случае при решении сколько-нибудь значимых проблем в идеале отвергается волевое навязывание позиций одной части общества другой его части. Где нет свободы несогласия, там нет и не может быть демократии, независимо от того, как она называется. Этот постулат в странах с либерально-демократической, парламентской системой выражается в принятии большинством населения принципов представительства различных слоев и категорий населения в системе власти, плюрализма партий, разного рода организаций, средств массовой информации различных ориентаций, разнообразных религиозных или иных верований, идейно-политических, социально-философских течений, идеологий.

В либерально-демократической модели политической культуры политическому плюрализму соответствует религиозный и идеологический плюрализм. Здесь и религия, и идеология, которые при всех их различиях эпистемологического, сущностного и концептуального характера в методологическом плане представляют

собой однопорядковые явления, отделены от государства. Парламентская демократия с ее этнокультурными, социальными, социокультурными и иными формами плюрализма не приемлет ни государственной религии, ни государственной идеологии. Здесь идеология, равно как и религия, отделена от государства, хотя, как представляется, нет каких-либо законодательных актов, узаконивающих это положение. Признав плюрализм интересов и партий, религиозных, этнокультурных, социально-экономических и иных различий, нельзя не признать плюрализм идеологий или идеологических течений в каждой отдельной стране, позиции которых по ряду важнейших вопросов совпадают, особенно что касается системообразующих аспектов. Такое положение вещей и создает основу «единства в многообразии», консенсуса по основополагающим вопросам государственно-политического устройства.

Все вышеперечисленные компоненты (перечень их, естественно, можно дополнить) в совокупности составляют базовую модель либерально-демократической политической культуры. Эта базовая модель с теми или иными национально-культурными модификациями прочно утвердилась в наиболее развитых странах. В странах, где существуют традиции, обычаи, ценности, унаследованные от многовековой и чрезвычайно богатой истории, свои особенности социально-экономического и общественно-исторического развития. Запоздалый и неравномерный, растянувшийся на многие десятилетия процесс утверждения капиталистических форм производства, сильные позиции монархии, аристократии, церкви в политической жизни, устойчивости традиционных, по преимуществу консервативных ценностей в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения буржуазных общественно-политических структур и соответствующих парламентских форм политической жизни. Здесь сохраняют большую значимость антикапиталистические по своей сути установки и ориентации, «на равных» с буржуазно-либеральной шкалой ценностей существует другая, добуржуазная социокультурная и идейно-политическая традиция. Эти и другие особенности, определившие общественно-исторический и политико-культурный ландшафт региона [2, С. 121 – 168]. Весь набор ценностей, установок, ориентаций, составляющих политическую культуру этих стран, с переходом их на путь политической демократии и буржуазного парламентаризма не мог исчезнуть бесследно и не оказать влияние (порой существенное) на конфигурацию и сущность как новой партийно-политической системы, так и самой политической культуры.

Тот или иной комплекс черт и характеристик, обуславливающих их специфику и особенность, можно обнаружить и в других национальных или региональных вариантах либерально-демократической модели политической культуры. Два других типа политической культуры, соответствующие разновидностям

политической системы диктаторского типа, определяются авторитаризмом и тоталитаризмом. Между ними существуют различия по целому ряду характеристик. Например, если тоталитаризм предполагает полное подчинение всех сфер жизни государственному началу, то авторитарный режим в целом оставляет на усмотрение самих частных лиц вопросы отправления религиозной веры, экономической деятельности, семейной жизни, если это не противоречит интересам сохранения существующей системы. Он, в принципе, не затрагивает существующую социально-классовую стратификацию, иерархию властных структур, привычные формы семейных и личных отношений. Но при всем том между тоталитаризмом и авторитаризмом много общего, что зачастую делает линию разграничения между ними весьма условной. Авторитаризм, в частности, означает неограниченное господство в государстве какого-либо отдельного лица, какой-либо группы людей, узурпировавших власть парламентскими или насильственными методами. Этот же принцип с теми или иными нюансами характерен и для тоталитаризма.

Дадим анализ тоталитарной модели политической культуры. Как было показано выше, главными признаками либерально-демократической политической культуры являются следующие: разграничение между гражданским обществом и государством, существование многих партий, идеологий, идеологических течений; терпимость к мнениям других; соблюдение зафиксированных в конституции правовых норм. По всем этим вопросам тоталитарная политическая культура придерживается прямо противоположных позиций. Сущностная черта тоталитаризма – это тотальная слитность всех сфер жизнедеятельности. Это в равной мере относится и к социокультурной сфере. По сути дела, применительно к тоталитарной системе весьма проблематично говорить о политической культуре как самостоятельной, четко выделившейся подсистеме со своими более или менее отчетливо сформулированными элементами и характеристиками. Эти последние интегрально и воедино слиты с общими социокультурными характеристиками членов тоталитарного общества. Поэтому здесь остается выделить и проанализировать те признаки и элементы тоталитарного сознания, которые касаются политических реалий.

Антропологический компонент тоталитаризма как особого социально-философского феномена состоит в стремлении к изменению человека в соответствии со своими социально-философскими и идеологическими установками. Неслучайно важное место в комплексе идей и методов, направленных на изменение самой человеческой онтологии, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его внутренним миром. Более того, ставится задача полной трансформации человека, конструирования нового типа личности с особым психическим складом, особой ментальностью. Учитывая роль традиции

в формировании и утверждении личностного начала человека, тоталитаризм ставит одной из своих первоочередных целей ее уничтожение, что порождает амнезию исторической памяти. Происходит размывание сложившейся традиционной социально-классовой стратификации, достижение культурной, религиозной и даже этнонациональной однородности. Единственной «референтной группой» для личности осталось государство. Делается все для того, чтобы фрагментировать общество, лишить человека унаследованных от прошлого социальных и иных связей и тем самым изолировать людей друг от друга.

Тоталитарное сознание воспроизводится, и его эффективность обеспечивается тем, что оно как бы находится в состоянии постоянного движения к «обновлению». Это накладывает неизгладимую печать на сознание, образ мыслей широких слоев населения. Как отмечал М. Геллер, «спешка одурманивает, не позволяет оглянуться, разобраться в происходящем, оценить средства и цели. Темпы оправдывают все, становясь модным психологическим средством принуждения, лишая одновременно воли к сопротивлению надеждой на близкое достижение цели и передышку» [3, С. 62]. С этой точки зрения немаловажное значение имело и то, что в тоталитарном сознании – нереальная действительность, искусственно сконструированная на основе идеологии.

Важной составной частью тоталитарного сознания является догматизм. Дж. Оруэлл подчеркивал, что «любая пропаганда представляет собой ложь, даже когда говорят истину». А ложь, в свою очередь, по удачному выражению В. Н. Ильина, «есть вид насилия и, последовательно проводимая, всегда приводит к насилию – скрытому или открытому. Но и обратно: насилие есть проявление лжи» [4, С. 76].

Тоталитарность существенно снижает или же вовсе устраняет способность к критическому анализу реалий современного мира, места своей социальной или референтной группы, самого себя в реальном социальном окружении. Поэтому вполне естественны характерные для тоталитарного сознания крайние схематизм и редуционизм, сводящие все и вся к одной единственной идее – истине. Ее можно назвать политическим мессианством, внушающим предопределенный гармонический и совершенный порядок вещей, основанный на одной единственной идее – истине. Здесь наука и искусство, экономика и политика, философия и промышленность, мораль и отношения между полами и многое другое направляется к одной единственной ключевой идее. Здесь достигается некая слитность различных структур – экономических, политических, научных. Цементирующим началом выступает идеология.

В итоге вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира, формирующий особый тип сознания до мировоззренческого уровня. В тоталитарной ментальности сознательно и целенаправленно он воспроизводится и поддерживается мощным идеологическим аппаратом государства. При всей этой противоречивости и парадоксальном сочетании противоположных, казалось бы, начал определяющим в тоталитарном сознании является конформизм.

Утверждение конформизма и одномерного взгляда на вещи проявляется, как правило, у лиц, не уверенных в себе, испытывающих определенный комплекс неполноценности, не чувствующих под собой твердой опоры. Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им необходимую уверенность.

Выделенные характеристики тоталитаризма надо понимать в идеально-типологическом смысле. Вряд ли правомерно говорить о всеобщей тотализации политического сознания [7]. В реальной жизнедеятельности общества, политической системы общества положение вещей значительно сложнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К. С. Политическая наука. – М.: Наука, 1994.
2. Страны Южной Европы в современном мире. – М.: Наука, 1989.
3. Геллер М. Машина и винтики. – М.: МИК, 1994.
4. Ильин В. Н. Религия революции и гибель культуры. – Париж: Умса-press, 1987.
5. Микеева О. А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // *Философия права*. – 2009. – № 6. – С. 65 – 69.
6. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. [Человек этнический: проблема этнической идентичности](#) // . – 2010. – Т. 4. – С. 396 – 408.
7. Амиров Д. Ю., Бакланов И. С. Повседневность, обыденное политическое сознание и формирование институтов власти // *Философия права*. – 2009. – № 4. – С. 66 – 69.
8. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2012. – № 4. – С. 17 – 20.
9. Говердовская Е.В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения// *Гуманитарные и социальные науки* – 2011- №6 – С.218

УДК 002+316.77

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

Колосова О.Ю.

**PERSONAL INFORMATION CULTURE: THE
PROBLEMS OF ESTABLISHING**

Kolosova O. U.

Процесс информатизации создаёт условия информационной самореализации каждой личности для раскрытия творческих возможностей и способностей в обстановке свободного доступа к любой информации, включённой в память общества, социальные коммуникации и информационные банки на базе новейших информационных технологий. Информация является особым феноменом, важнейшей составляющей всего процесса эволюции общества, необходимым условием аккумуляции, трансляции, совершенствования социокультурного опыта.

The process of informatization creates conditions of information self-realization of each personality for disclosure of creative opportunities and abilities in the conditions of a free access to any information included in memory of society, social communications and information banks on the basis of the latest information technologies. Information is a special phenomenon, the most important component of all process of evolution of the society, a necessary condition of accumulation, translation, improvement of sociocultural experience.

Ключевые слова: информационное общество, информация, информационно-когнитивный процесс, личность, информационная культура личности

Keywords: information society, information, information-cognitive process, personality, personal information culture.

Информация имеет большое значение для каждого периода историко-культурного развития, в процессе его формирования и развития. Разумеется, при этом, имеются в виду те формы и специфика функционирования, которые отображали особенность конкретного типа общества, например, социальные институты, обеспечивающие надлежащую информационную практику. Настойчивое увеличение объёма и содержательной глубины информации на базе качественного изменения науки, накопление знаний, объединяющих анализ и синтез навыков, выражающихся в практической жизнедеятельности людей, непрерывная передача сведений от одного поколения к другому (на обыденном и специализированном уровне) – это всё в процессе

цивилизационного развития всегда было одним из самых существенных, социальных механизмов, который обеспечивал процессы устойчивости и эволюции всего общества, а также некоторых сфер деятельности человечества.

В настоящий период информационные процессы, к которым имеет отношение и получение знаний об окружающем мире, по сути, обуславливают развитие современной цивилизации. Значение таких процессов в эволюции природных систем постоянно увеличивается в зависимости их усложнения. Японский социолог Е. Масуда предложил новый методологический подход, концептуально анализирующий совершающиеся трансформации - это концепция «информационного общества» - идея, вначале выглядевшая утопичной. Истоки теории информационного общества лежат в концептуальных положениях постиндустриальной доктрины, которые подчёркивают центральную роль знания и констатируют ускоряющийся сдвиг от производства материальных благ к производству услуг и информации [4]. Вследствие целостности информационной сети, связывающей такое общество, у человечества возникает возможность выбора единых целей, а у личности - реализации своего творческого потенциала.

Позднее, в конце 60-х гг. XX века японский философ К. Кояма, взяв за основу положение о начале «информационной революции», предложил идею становления «информационного общества». Через двадцать лет У. Мартин сформулировал основные постулаты, характеризующие данный процесс: информация представляет собой немаловажный стимулирующий фактор общественных трансформаций и способствует созданию «информационного сознания»; информация рассматривается как ресурс, товар, услуга, фактор, влияющий на добавочную стоимость и занятость; независимость информации содействует процессам в политике, способствующим выработке единых взглядов в обществе; возрастает социокультурная ценность информации [1, С. 40].

Можно сказать, что теория информационного общества вовсе не представляется нереальной, и это выявилось с использованием новых информационных технологий и, в первую очередь, компьютеров и систем телекоммуникационных связей. Появляется новая информационная культура. В производстве и науке используется информация, полученная новыми методами. Общество разделяется по принципу возможного доступа к знанию, источникам информации, информационным сетям. На основе систем автоматизации связи и свободного пользования ей каждый человек может овладеть информацией, которая необходима ему для профессиональной деятельности или личного пользования. Расширяется автоматизация и роботизация управления производственными и технологическими процессами. Свыше половины трудоспособного населения занято в

сфере информационной деятельности. Теория «информационного общества» предопределила направление развития «материального тела» культуры в конце XX века. В формировании информационного общества большое значение имеют и естественные процессы самоорганизации, и модернизация информационных технологий.

Итак, в основе развития и существования особого этапа цивилизационного развития, именуемого информационным обществом, лежит особый феномен (информация), обладающий свойством взаимодействия, как с духовным, так и с материальным миром человека. С одной стороны, информация формирует материальную сферу бытия человека, выступая в качестве инновационных технологий, компьютерных программ. С другой стороны, она является основополагающим средством межличностных связей, неизменно появляясь, изменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного индивида к другому.

Человечество за все время своего существования выработало колоссальные духовные и материальные ценности в виде достижений наук, мировоззренческих взглядов, духовной и материальной культуры народов. Все эти достижения представлены в виде знания, которое нередко «теряется», не применяется, не бывает востребовано. Для того чтобы стать достоянием общества, знание должно быть превращено в информацию, отчуждено от своего непосредственного носителя, выражено в символической форме и зафиксировано в материальном носителе. Информация в противоположность знанию не связана с конкретной личностью, она в одинаковой степени доступна всем, хотя возможности обратиться к ней у каждого свои, основывающиеся на личном опыте. Информационно-когнитивный процесс базируется на двух аспектах: превращение личностного знания в информацию и последующее извлечение, воссоздание этого знания из информации. В познавательной цепочке: «знание - информация, как превращенное знание - новое знание» наиболее слабым звеном является неумение находить и брать нужную информацию, использовать ее.

Проблема применения всех знаний человечества в качестве информации является одной из первостепенных в осмыслении существа процесса производства и использования информационных ресурсов. Проблема неумения пользоваться имеющейся информацией требует более подробного изучения мотиваций принятия решений об использовании этого знания в качестве информации и, как следствие, исследования потребностей в информации.

Действие современных информационных технологий нельзя рассматривать как однозначно позитивное. Благодаря информационным технологиям человек существенно приумножает объемы потребляемой информации, развивает мышление, активизирует познавательную деятельность, развивает художественный вкус. Однако с расширением пределов своего восприятия, мышления, познания, человек обретает зависимость от информационных технологий.

Информационный пресс, изменение традиционного уклада и образа жизни, возрастание объема операторских работ, изменение характера межличностного общения (все меньшее количество общений «человек - человек» и все большее «человек - машина – человек» и «человек - машина») - все это тоже проявления информатизации общества и влияние этого процесса на личность.

Однако нельзя не учитывать, что техника сама по себе не ведет к однозначно предопределенным социальным последствиям, а гуманистический эффект информатизации зависит от того, в каких социальных условиях она реализуется, какова социально-экономическая структура общества, создающего и эксплуатирующего новую технику и технологии, и какую позицию занимает личность в данной структуре.

Можно говорить о том, что проблемы бытия и развития личности в информационном обществе сводятся к вопросу социализации человека в условиях информатизации общества. Социализация личности может совершаться как в условиях стихийного воздействия на личность всевозможных факторов жизни в обществе, так и в условиях целенаправленного ее воспитания.

В связи с высокой динамикой информационных процессов в обществе, уже непозволительно основываться на случайных обстоятельствах социализации в условиях информатизации, необходимо целенаправленно готовить личность к жизнедеятельности в информационном обществе. Человек должен приобрести определенные знания, умения и навыки для успешного оперирования информацией, обладать качествами, позволяющими совершенствовать эти знания, умения и навыки соответственно современным информационным технологиям, иметь мировоззрение информационного общества. Для решения этих задач надо формировать и развивать информационную культуру личности, которая становится определяющим фактором социализации в информационном обществе.

Информационная культура является одним из элементов общей культуры, связана с социальной природой человека и является продуктом его всевозможных творческих способностей. Концепция информационной культуры личности основана на трактовке человека как создающего, воспринимающего и продуцирующего информацию. Информационная культура личности рассматривается как инструмент освоения и адаптации к условиям внешней среды и как способ гармонизации внутреннего мира человека в процессе овладения всем объемом социально-значимой информации.

Можно выделить следующие элементы информационной культуры: уже известные знания о природе, обществе, мышлении, технике и способах деятельности; способы деятельности, которые воплощаются в умениях и навыках личности; опыт творческой поисковой деятельности по решению новых, возникающих перед обществом проблем; нормы отношения к миру, друг другу.

Процессы информатизации общества дают возможность более глубокого овладения человечеством информацией в качестве ресурса развития с использованием средств информатики в целях интенсивного роста интеллектуального потенциала культуры и на основании этого – гуманистического преобразования всей деятельности людей. На базе имеющейся информационной сферы человечество осваивает процессы производства и рационального применения информации, справляется с информационным кризисом и наиболее полно осуществляет право доступа любого человека к информации, деятельного и истинно демократического участия в общественно важных событиях. Вследствие информатизации общества изменяется не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей. Информационная деятельность современного человека становится одной из значимых сторон общественно-производственной деятельности, она включена в производство не только в связи с необходимостью реализации науки, но и в связи с возрастанием роли знакового общения в системе «техника - человек».

В условиях информатизации общества одним из важнейших инструментов формирования потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок, воздействия на мировоззрение человека в целом, механизм воспитания и обучения становятся информационные технологии. При этом информационные технологии могут привести как к позитивным, прогрессивным изменениям в развитии личности, так и спровоцировать негативные последствия. Человек, с расширением границ своего восприятия, мышления и познания, получает зависимость от информационных технологий.

Массовое внедрение новых технологий помимо прочих проблем породило проблему защиты человеческого сознания не только от техногенного воздействия индустрии, и, прежде всего, от проникающего воздействия на сознание личности мощных информационных технологий. Для изучения такого рода научных проблем и задач выделился новый раздел общей экологии человека - экология сознания. В этом разделе рассматриваются проблемы взаимоотношений человеческого общества и информационного пространства в условиях интенсивного процесса информатизации всех видов человеческой деятельности. Особого внимания заслуживают

проблемы формирования и защиты индивидуального сознания в информационной инфраструктуре общества, а также сдвиги в индивидуальном и коллективном сознаниях под влиянием мощных факторов воздействия информационного взрыва и новых информационных технологий. Целостность личности предполагает, прежде всего, единство социального и биологического [3]. И, отмечая влияние информационных технологий на интеллектуальный, творческий и духовный потенциал, нельзя не отметить влияние современных компьютерных технологий на физическое здоровье человека и, прежде всего, опасность негативного влияния.

Говоря о содержании понятия «информационная культура», необходимо дополнить его такими аспектами, как информационная этика, эстетика и гигиена компьютерных информационных технологий, информационная безопасность, включая меры по защите человеческой психики. Формирование информационной культуры личности является социальным заказом данного этапа развития общества [2], так как культура строящегося информационного общества будет определяться уровнем культуры людей.

Информационная эпоха способствует новому образу бытия, новой культуре, доставляя её в самые дальние уголки планеты. Благодаря международным коммуникациям нивелируются время и пространство, мир сжимается. Вследствие того, что стала доступна мгновенная передача информации на огромные дистанции, стираются географические границы, расширяется интеграция специалистов, учёных, студентов, общественности до глобальных размеров. Современные люди живут не в разобщённых обособленных мирах, а в «плюрализме миров и культур». Информационные технологии меняют индивидуальность, заставляют человека подчиняться необходимости всеобщей взаимозависимости, делают возможным «поле одновременности» для жизнедеятельности людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Martin W. J. Op. cit. - London, 1954.
2. Бакланова О. А., Душина Т. В. Методологические основания современных концепций общественного развития // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. - 2011. - № 2. - С. 152-154.
3. Бакланов И. С. Биологические и социальные предпосылки экзистенции интеллектуализма // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. - 2004. - № 12. - С. 90-93.
4. Гончаров В. Н. Социально-философские аспекты исследования информационного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - №5. - С. 34-37.

УДК 316.62 – 316.643.2

**ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА
ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Лопата В. В.

**BASIC METHODOLOGICAL STRATEGY OF
RESEARCH OF THE GENDER IDENTITY
PHENOMENON IN CONTEMPORARY SOCIAL
PHILOSOPHY**

Lopata V. V.

В статье рассматриваются основные методологические комплексы социально-философского анализа гендерной идентичности, в числе которых автор особо выделяет герменевтику и аксиологический подход, которые наиболее релеванты в отражении рефлексивного субтекста научного текста, в понимании человека как ценностной иерархической системы, роли пола и гендера в этой системе, специфически решают проблему трансформации пола и гендера в современном обществе, их возможностей и рисков, и, следовательно, могут служить адекватности социального исследования, а также выработке непротиворечивой конвенциональной нормативности в области гендерных исследований.

The article discusses the main methodological complex social and philosophical analysis of gender identity, including hermeneutics and axiological method (especially emphasized by the author) that are the most relevant in the reflection of reflective subtexts of scientific text, in understanding by a person as a hierarchical nonequilibrium system, the role of sex and gender in the system, specifically solves the problem of the transformation of sex and gender in contemporary society, their opportunities and risks, and therefore can serve as an adequate social studies, and the development of a consistent conventional normativity in gender studies.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, герменевтика, ценность, феноменология, семиотика, современное общество.

Keywords: gender, gender identity, hermeneutics, value, phenomenology, semiotics, contemporary society

На сегодняшний день проблемное поле, связанное с формированием и функционированием идентичности [7], в том числе этнической идентичности [2], и особенно гендерной идентичности и ее философской рефлексией является, без преувеличения, одним из наиболее востребованных, интересных и сложных. Теоретико-методологические стратегии изучения феномена гендера представляют собой сегодня целый комплекс глубоко детализированных

философских, социологических, психологических, культурологических и иных исследовательских инструментов, которые формировались, специализировались и ранжировались в процессе рационального различения такого феномена как гендер, складывания в философии соответствующего концепта, осмысления и ценностного наполнения феномена гендерной идентичности, которое имело свой эволюционный путь развития, начиная от биологизаторского понимания сущности гендера через различные теории социальных ролей к современной теории гендерной идентичности [11].

Сложность исследования феномена гендерной идентичности связана с многочисленностью тех аспектов, измерений феномена гендера, которые проявляют себя в каждом конкретном (политическом, этноконфессиональном, социологическом, социально-психологическом и даже техногенном [7]) контексте. Эти социокультурные проекции гендера порождают интереснейшую особенность данного феномена – непереваемость в единую систему измерения различных ипостасей феномена гендера, вследствие чего гендер как социокультурный феномен практически никогда не исследуется сам по себе, а всегда предполагает наличие многомерных контекстов, что, в свою очередь, порождает взаимно не редуцируемую (растущую в прогрессии) множественность концепций гендера как матриц определенных прототипов или архетипов, эталонных идентичностей, априорных схем интерпретации. Соответственно, для исследования этой множественности необходимо соблюдать требование междисциплинарной поддержки и привлекать наиболее разнообразный методологический инструментарий [5]. Дисциплинарные ракурсы исследования гендера между собой взаимосвязаны, но имеют существенные методологические и инструментальные различия [13]. Например, гендер как часть особого социального языка, специфический текст, специфическую систему знаков имеет смысл анализировать и описывать в герменевтическом, феноменологическом и семиотическом ключе. Феноменологический инструментарий посредством исследования эволюции формы и содержания наиболее полно отражает постепенное переструктурирование гендера и гендерного сознания (поведения, гендерных практик) в процессе перехода от традиционного общества к современному (так может быть описан процесс постепенного выхода из жестких предписанных обществом гендерных ролей, переход к культуре само моделирования и самопроектирования индивидуальной идентичности). Семиотический инструментарий располагает средствами обращения к социальной памяти, бытийствующей в таких ее формах как язык, архетип, текст. Семиотика удостоверяет определенный порядок их возникновения по мере

трансформации общества и развития культуры. Архаические структуры социальной памяти постепенно перерастают в мифо-архетипические, а архетипические в рационально-текстовые (при этом первая и вторая форма не исчезают, а продолжают успешно функционировать в общественном сознании, что может блестяще иллюстрироваться многочисленными гендерными предрассудками и мифами, латентно свернутыми на уровне коллективного бессознательного или актуализированными в сознании современного общества) [6].

Относительно герменевтики как методологического инструментария декодирования социального текста, нужно высказать несколько замечаний, проясняющих исходные предпосылки герменевтического опыта как правомерного способа решения вопроса о формировании и механизмах функционирования гендерной идентичности.

Во-первых, герменевтика как метод очень удобна для анализа тех социальных и культурных феноменов, которые не имеют однозначного толкования и целый пласт ценностно-смысловых характеристик, нуждающихся в процедуре «понимания». Удобство это заключается в том, что Хайдеггер в свое время дальновидно избавил герменевтику от онтологических затруднений, вывел проблему понимания из эпистемологической плоскости, что избавило герменевтику от необходимости каждый раз доказательно отстаивать свои достоинства в качестве метода познания [3]. Понимание было истолковано как самоочевидность, внутри которой застает себя индивид и посредством которой он себя воспринимает. Это традиция, конституирующая понятность мира и себя. Поэтому она по сути своей амбивалентна, что дает основания превратить понимание в совокупность особых действий, которые можно обозначить классическим термином «метод». Следовательно, «понимать» значит осуществить последовательность некоторых действий или набросить на объект анализа некоторую структуру в качестве априорного условия его понимания. Это открыло широкую возможность для интерпретации социальных и культурных явлений, поскольку (как выяснилось позже) нет ни одной области межчеловеческих отношений, где бы не присутствовал феномен понимания. Он пронизывает все сферы, включая не только гендерные стереотипы, но и эстетические вкусы, нравственные поступки, обмен мыслями и переживаниями и прочие интеллектуальные акты [1]. Сложность герменевтического подхода состоит в том, что герменевтический опыт нельзя свести к овладению некоторыми навыками, например, навыками владения предметами и употребления инструментов. Это особый опыт – опыт становления человека, способного встретиться с Чужим. Опыт признания этого

чужого как автономного, но не отчуждаемого. Это признание позволяет осуществить опыт самоосознания как самоограничения. Одновременно с этим, он признает принципиальную открытость сознания индивида, то есть, конституируя границы своей личности, индивид всегда имеет возможность для Встречи с Другим и переговоров с ним (основанных на взаимной разделяемости сообщений и ценностей, фундирующих их).

Во-вторых, герменевтика не сводится к инструментальной составляющей или «чистой» методологии. Она не абсолютизирует познавательные акты. Этот подход предполагает, что важнейшие предпосылки естественных и особенно гуманитарных наук связаны с неэпистемическим опытом переживания собственных, в том числе, гендерных, особенностей, своей вины, ответственности, желания свободы и справедливости, чувствами веры и надежды. И хотя многие человеческие решения опираются на факты и доказательства, а не на душевные эмоции, главное значение герменевтики состоит в том, чтобы указать на значимость этого опыта. Таким образом, герменевтика настаивает на необходимости нравственного признания, а понимание представляет форму не только познавательного, но и этического действия.

На первый план герменевтика выдвигает такие методы понимания, как конгенитальность, транспозицию (психологическое перенесение в ситуацию автора), эмпатию (вчувствование), историческую реконструкцию, актуализацию традиции. Все варианты современной герменевтики утверждают множественность интерпретаций и смещают центр интереса на процедуры философской саморефлексии, что особенно важно в постсовременной мультикультурной ситуации исследования проблемы гендера. Она проблематизировала идею зависимости интерпретатора от собственных культурных ценностей и стандартов, а, следовательно, неправомочность претензий на привилегированное истолкование текстов чужой культуры, что также чрезвычайно важно в ситуации мультикультурализма. Для экспликации гендерной идентичности в социально-философском аспекте особенно важно учитывать не только буквальные, то есть, очевидные отображения гендера в культуре, но и те многочисленные, не заметные на первый взгляд, смыслы, которые стоят за их возникновением. К. Гирц понимал культуру как сеть символических смыслов, опутывающих человека [4], на основе чего П. Рикёр очертил «собственно герменевтическое поле», представляя его как «круг выражений с двойным смыслом», «где один смысл, – прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» [10]. Таким образом, все события культуры являются проявлениями более глубоких архетипических моделей.

Следовательно, анализировать культуру должна интерпретативная наука, занятая поисками значений и смыслов культурных репрезентаций. Для исследования проблемы гендера очень важен этот момент, поскольку даже если гендерное различие отсутствует в культуре, его незримая проекция как «фантом» искажает любые социальные практики и результаты деятельности, не говоря уже о мотивах деятельности. Присутствие гендерной компоненты в культуре всегда ощущается в качестве предельных смыслов, она как «математический предел» всегда инспирирует попытки своего обнаружения и конкретной символической фиксации. Онтологическая «неуловимость» гендера, которого (в отличие от биологического пола) в предметном мире как такового не существует, нуждается в обработке специальным инструментарием, которые способны сделать недоступное восприятию объектом исследования. При таком взгляде гендерный дискурс превращается в сочетание герменевтики и семиологии вещей [12].

Герменевтическая трактовка гендера восходит к представлению Гадамера о том, что человек должен обладать определенного рода «предпониманием», чтобы понять то или иное явление действительного мира. Интерпретатор должен понять также социокультурную ситуацию, в которой живет и действует сам, а также ему предстоит уяснить имеющиеся в нем самом «предрассудки». Только выполнив все условия, он будет иметь основу для истолкования, интерпретации и оценки тех или иных событий и процессов. Исследователь сможет приблизиться к истине только в постоянном «диалоге» с «текстом», с окружающим сегодняшним миром и миром истории. Герменевтика, однако, не сводится к интерпретации. Она предполагает участие интерпретации и характеризуется «перформативностью», то есть условием понимания выступает активное действие в социальном жизненном мире. Но коммуникативный опыт основан на притязаниях и оценках. Кроме того, социальный исследователь не может описывать свои объекты неценностно. Следовательно, возникает вопрос о контролируемости этих установок и подключении к исследованию проблемы гендера аксиологического подхода. Ценностное измерение общественной жизни в целом и ее отдельных феноменов (в том числе и гендера) является, по нашему мнению, одним из наиболее эффективных методологически разработанных инструментов социальной философии. Осмысление ценностей как интегративной основы существования общества, их природы, влияния на человека началось практически со времени появления философской рефлексии как особого вида познавательной деятельности. Именно иерархия ценностей (принцип иерархизма) может служить методологическим ключом к пониманию того, как устроена та или иная социальность, социокультурная система и функционирующие в ней идентичности [9].

Ценностный подход в исследовании феномена гендера (в его

сочетании с феноменологическим и герменевтическим подходами) выполняет важную инструментальную роль. Он релевантен для описания глубинных ценностно-смысловых доминант общественного сознания, способствует выделению мифологической или архетипической основы в содержании текста, поскольку мифическая оценка эмоциональна, лишена рациональной рефлексии и недоступна логическому анализу.

Ценностный подход также констатирует, что гендер выполняет функцию эмоционального наполнения социальных практик, производит их позитивацию (или негативацию в том случае, когда практики необходимо элиминировать). Также ценностная оценка может способствовать скорейшему внедрению рациональных знаний в существующий социальный опыт путем эмоционального наполнения и метафорического перевода в узнаваемые образы (хотя с тем же успехом она способна этот процесс затормозить). Гендер непосредственно участвует в формировании и трансформации общественного сознания и формировании социальной иерархии данного общества. Гендерная стереотипизация закрепляет в сознании индивидов и их групп представление о том, что какой-либо объект или процесс является ценностью, которая должна быть «защищена» от возможных рисков либо о том, что сами по себе риски являются ценностью и их существование должно поддерживаться обществом, ориентированным на уважение свободы выбора. Такое «включение» может иметь как поверхностный характер (в результате простого информирования), так и глубокий (социоонтологический), предполагающий внедрение информации о риске в различные пласты мировоззрения. Аксиологический подход также утверждает, что гендер в современном обществе часто используется как «катализатор» ценностей, поскольку имеет возможность эмоционально образно заострять тот или иной аспект ценности, гиперболизировать, подчеркивать. Создание современных «вторичных» гендерных стереотипов тесно соотносится с конкретными потребностями общества, его стратегиями выполнения насущных задач. Эти стереотипы создаются как ответ на общественные экспектации, он есть отражение ценностей общества (или его частей), его желаний и потребностей.

Таким образом, сложное сочетание общественных инвариантов, социокультурных норм, и даже случайных событий становится матрицей, внутри которой формируется индивид (и происходит репрезентация, его гендерной идентичности, в зависимости от биологического пола, а иногда, в последнее время, даже вопреки ему). На уровне языка как знаково-коммуникативной системы эти гендерные практики всегда имеют свою проекцию, отражение, что может быть релевантно описано в методологическом формате герменевтики. Аксиологический подход также может быть признан как релевантный и дополняющий герменевтический. При этом ценности могут быть

представлены как реально действующие регуляторы, необходимые для нормативной определенности гендерной иерархии общества, в ценностных системах происходит встречное движение: от абстрактных к конкретным формам и обратное – к абстракциям и идеалам. Все эти ценностные уровни строго функциональны с социально-философской точки зрения. Идеальные утопические абстракции служат ориентиром финальных целей, конкретные ценности – предметом реальных частных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. [Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории.](#) - 2010. - Т. 4. - С. 396-408.
  2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988. - 704 с.
  3. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. - 560 с.
  4. Гончаров В. Н. Общественная информация в системном представлении // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – №2. – С. 21-27.
  5. Клименко Н. С. Философские и социальные аспекты современной гендерологии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. - 2012. - № 1. - С. 204-207.
  6. Колосова О. Ю. [Техника и социотехноприродные перспективы человечества // Гуманитарные и социально-экономические науки.](#) - 2011. - № 3. - С. 2-5.
  7. Микеева О. А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // Философия права. - 2009. - № 6. - С. 65-69.
  8. Мирошников Ю. И. Аксиологические основы структурной упорядоченности культуры // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 4. Кн. 2. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. - 252 с.
  9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит, ст. И. Вдовиной. - М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. - 624 с.
  10. Сеченова Е. Г. Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. - 2012. - № 1. - С. 86-91.
  11. Столярова О. Е. Инструментальный реализм Д. Айди // История философии. - М.: ИФ РАН, 2000. - Вып. 5. - 228 с.
- Тищенко Ю. Г. Гендер как инструмент социологического анализа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. - 2012. - № 1. - С. 1

ЭКОНОМИКА

УДК 2964

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Дамирчари М. Р.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF ROSTOV REGION: PROBLEMS OF STABILITY AND SAFETY

Damirchari M. R.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты социально-экономического развития Ростовской области. Особое внимание уделено проблемам устойчивости и безопасности. В частности, был проведен анализ показателей социально-экономического состояния региона; выявлены в отдельных отраслевых сегментах негативные тенденции, кризисные ситуации; обозначены основные угрозы и разработаны рекомендации, целенаправленные на перевод экономики региона на траекторию устойчивого и безопасного развития.

The article examines theoretical and practical aspects of socio-economic development of Rostov region. Much attention is given to problems of stability and safety. In particular: were analyzed indicators of the socio-economic status of region; were identified negative trends and crises in separate industry segments, also were revealed the main threats and elaborated recommendations to stabilize economy and region's safety development.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, устойчивое и безопасное развитие, экономическая безопасность, износ основных фондов, промышленность, инвестиции.

Keywords: region, socio-economic development, sustainable and safe development, economic security, depreciation of fixed assets, industry, investment.

Обеспечение экономической безопасности является важнейшей задачей государства. От положения дел в этой сфере зависит безопасность страны, общества и каждого гражданина.

Анализируя современное состояние и динамику развития экономики России, можно сказать о сосредоточении в ней в целом и в отдельных региональных и отраслевых сегментах негативных тенденций, кризисных ситуаций, которые требуют тщательной оценки и взвешенного прогноза для своего решения. Действительно, именно состояние экономических систем предопределяет многие угрозы для государства на долгосрочную перспективу. Весь спектр угроз и рисков в сфере экономики настолько широк, что в определенном смысле охватывает все сферы хозяйства и направления развития экономики.

Причем основными источниками угроз выступают накопленные диспропорции в структуре экономики, а также резкое повышение роли внешнего фактора и неопределенность происходящих в мире процессов [2]. Ярким примером данных угроз является глобальный экономический кризис, затронувший все регионы, в том числе и Ростовскую область.

Анализ социально-экономической ситуации в Ростовской области отражает, что в ведущих отраслях, также как и в целом по стране, в 2010 г. обозначились позитивные тенденции. По оценке Министерства экономического развития Ростовской области, в 2011 г. в области темпы роста валового регионального продукта по сравнению с 2010 годом увеличены на 7,2 % , что выше, чем прирост ВВП в России (на 4,3 %). Рост обеспечен за счет опережающего развития всех видов промышленного производства, сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли. Но глобальный экономический кризис 2008 – 2009 гг. не мог не оказать деструктивного влияния на динамику экономики области. Однако в 2009 г. в результате мирового финансово-экономического кризиса ВРП Ростовской области в реальном выражении снизился на 10,8 % относительно уровня 2008 г. В сравнении с динамикой ВВП России и ВРП субъектов ЮФО экономика Ростовской области испытала одно из самых существенных сокращений [1].

На фоне отсталости целого ряда секторов отечественной экономики серьезную угрозу для страны в целом и ее регионов, в связи с вступлением в ВТО, представляет неурегулированность вопроса поставок товаров иностранных компаний на рынок России. К примеру, особую остроту в Ростовской области приобретают вопросы защиты отечественных производителей в таких секторах, как обрабатывающая промышленность, сфера торговли и ремонтных услуг, сельскохозяйственное производство, транспорт и связь, строительный комплекс, занимающие в структуре валового регионального продукта наибольший удельный вес.

Особенно важно обеспечение устойчивого и безопасного развития, в связи с высоким уровнем износа основных фондов в регионах. В Ростовской области в целом по обрабатывающей промышленности износ машин и оборудования в 2010 г. составил 34,9 %, при этом около 60 % предприятий обрабатывающих производств имеют степень износа машин и оборудования 50 % и более. Зачастую крупные предприятия располагают незагруженными производственными площадями и инженерной инфраструктурой, дефицит которых сдерживает активизацию инвестиционной деятельности в Ростовской области.

Рассматривая степень износа основных фондов в промышленности, учитывая, что средний возраст машин и оборудования в отраслях очень высок, следует предвидеть возможные ограничения производства конкурентоспособной по цене и качеству продукции и иные социально-экономические негативные последствия. Остается весьма острым и ряд социальных проблем, обуславливаемых состоянием экономики. Здесь наибольшую тревогу вызывает проблема высокой дифференциации населения по уровню доходов. Так, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила на 2010 г. по Ростовской области 656,1 тыс. чел. (15,3 % общей численности населения) [1].

Что касается научно-технологической сферы, то, безусловно, развитие науки и технологий сегодня стало ключевым, системообразующим фактором устойчивого социально-экономического развития регионов России, фундаментом обеспечения ее обороны и безопасности. Вместе с тем, несмотря на принятые в последние годы меры, в этой области положение сложное. Реальные предпосылки к возникновению угроз национальной безопасности России сохраняются. Остается крайне низкой доля наукоемкой продукции в регионах. Ветшают основные фонды научных организаций, сокращается число отечественных ученых и специалистов из-за оттока в другие сферы деятельности и эмиграции. Имея высокий научно-технический потенциал, Ростовская область характеризуется недостаточным уровнем реализации промышленных инноваций, проявляющимся как в незначительном количестве инновационно активных предприятий, так и в низкой доле инновационной продукции в общем объеме продукции. В структуре затрат на исследования и разработки Ростовской области в 2010 г. основная доля приходилась на средства бюджета (43,3 %) и средства организаций государственного сектора (15,9 %), что говорит о низкой инвестиционной активности частного сектора. В немалой степени это объясняется тем, что Ростовская область не располагает достаточно эффективной региональной инновационной системой, обеспечивающей трансформацию научных идей в технологии и продукты, позволяющей концентрировать инвестиционные и интеллектуальные ресурсы на прорывных направлениях [1]. Сложившиеся обстоятельства ставят в качестве первоочередных задач государственной экономической политики разработку эффективной стратегии обеспечения экономической безопасности экономики как страны, так и ее регионов, причем наиболее остро эти проблемы касаются большинства регионов страны.

Проблеме обеспечения национальных интересов России в сфере экономики на уровне регионов посвящен ряд научных публикаций и исследований. Отметим, что, несмотря на проводимые исследования в данной области, до сих пор нет достаточной полноты в трактовке места

и роли субъектов в обеспечении устойчивого и безопасного развития региона, существуют проблемы в разработке современных механизмов и инструментов обеспечения этих интересов регионами [3].

В связи с этим считаем необходимым учесть рекомендации современных теоретиков и практиков о важности разработки на уровне регионов – паспорта безопасности субъекта РФ (далее – паспорт).

Данный документ должен содержать исчерпывающий анализ имеющегося состояния безопасности в области экономики, в социальной и экологической сферах, в природной и техногенной сферах, а также прогнозы о возможных угрозах и стратегических рисках регионов, таких как: экономические, террористические и криминальные угрозы, угрозы в коммунально-бытовой и жилищной сферах, угрозы социального и политического характера, угрозы в информационной сфере.

Кроме того, в этом документе должны быть определены показатели нарастания угроз, достигнутый и приемлемый уровень защищенности, а также программные меры обеспечения безопасности. Необходимо наглядно и объективно зафиксировать в количественных показателях наиболее «узкие» места, что позволит обеспечить оптимальное распределение соответствующих сил и финансовых средств.

Его принятие позволит: разработать стратегию и тактику обеспечения безопасного и устойчивого развития региона; разработать и реализовать целевые программы по обеспечению безопасности региона от конкретных угроз; совершенствовать нормативную правовую базу обеспечения безопасности личности, общества, региона; сформировать и обеспечить проведение единой политики органов государственной власти в регионах, в экономических и социальных структурах. Кроме того, данный паспорт может стать индикатором безопасности инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический ежегодник «Ростовская область в цифрах. 2010»: Стат. сб. / Ростовстат. – Ростов н/Д, 2011.

2. Щербакова Т. А., Агапова Т. Н. Управление региональной структурно-инвестиционной системой: концепция, теория, методология. – Таганрог: Издательство ИП Кравцова В. А. «Танаис», 2010.

3. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под редакцией В. К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005.

УДК 332.1

**РЕСУРСНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА
НА ЮГЕ РОССИИ**

Латушко Н. А., Свиридов О. Ю.

**RESOURCE AND INSTITUTIONAL
PRECONDITIONS OF FORMATION OF REGIONAL
FINANCIAL CENTER
IN THE SOUTH OF RUSSIA**

Latushko N. A., Sviridov O. Y.

В настоящее время г. Ростов-на-Дону выступает в качестве одного из ведущих на Юге России Центров по оказанию финансово-экономических услуг. Авторами анализируется кредитно-финансовой система Южного федерального округа и Ростовской области, приводятся обоснования создания в г. Ростове-на-Дону финансового центра.

The justification of formation of Rostov-on-Don interregional financial center based on credit and financial system of the Southern federal district is given in the article.

Ключевые слова: ЮФО, банковский сектор, финансово-кредитная система, кредитная организация.

Keywords: Southern Federal District, banking sector, financial and credit system, credit organization.

Создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в мировое экономическое пространство, определяют особую роль Юга России в силу его благоприятного географического положения, а также наличия значительного ресурсного, производственного, научно-технического, образовательного и кадрового потенциала. Город Ростов-на-Дону является одним из ведущих на Юге России центров оказания финансово-экономических услуг. Ситуация в сегменте рынка банков г. Ростова-на-Дону отражает основные недостатки российского банковского сектора, такие как: низкая капитализация, дефицит ресурсной базы, высокая стоимость и краткосрочный характер кредитования, недостаточная конкурентоспособность.

Ростовская область является лидером на Юге России по активности кредитных организаций и их филиалов. В значительной мере это объясняется производственно-экономическим и торговым потенциалом региона (табл. 1.).

Таблица 1

Сравнительный анализ распределения действующих кредитных организаций и филиалов ЮФО в 2006 – 2010 гг., на начало года [4]

Наименование	2006 год		2008 год		2009 год		2010 год	
	Число кредит. орг. н.	Число филиалов						
Российская Федерация	1 253	3 295	1 136	3 455	1 108	3 470	1 058	3 183
Южный федеральный округ	128	471	118	485	115	503	113	484
Республика Калмыкия	2	4	2	4	2	4	2	3
Краснодарский край	21	106	18	107	16	110	17	105
Астраханская область	5	29	5	29	5	30	4	26
Волгоградская область	6	63	5	66	5	74	5	63
Ростовская область	24	95	22	100	23	110	20	109

По состоянию на 01.01.2010 г. банковский сектор Ростовской области занимает 5-е место среди регионов Российской Федерации и 1-е в Южном федеральном округе по количеству действующих кредитных организаций и филиалов (табл. 2).

Таблица 2

Регионы с наибольшим количеством действующих кредитных организаций и филиалов в 2009 г. [1]

Регион	Количество кредитных организаций и филиалов в регионе
Московский регион	800
В том числе:	
- Москва	685

- Московская область	115
Санкт-Петербург	191
Тюменская область	162
Нижегородская область	132
Ростовская область	131
Краснодарский край	130
Республика Татарстан	120
Свердловская область	119
Челябинская область	116
Самарская область	107
Всего по РФ	4241

В регионе расположено наибольшее в ЮФО число кредитных организаций. Все они относятся к категории «финансово-стабильные» (таб. 3).

Таблица 3

Количество действующих кредитных организаций и их филиалов на 01.06.2011 г. [1]

Регион	Количество кредитных организаций в регионе	Всего	Кредитные организации, головной офис которых находится в данном регионе	Кредитные организации, головной офис которых находится в другом регионе
ЮФО	47	305	21	284
Адыгея	5	6	1	5
Республика Калмыкия	2	3	-	3
Краснодарский край	14	102	2	100
Астраханская область	5	25	5	20
Волгоградская область	4	58	-	58
Ростовская область	17	111	13	98

Так, по состоянию на 1 января 2011 г. на территории г. Ростова-на-Дону и Ростовской области действовало 17 кредитных организаций с 13 филиалами, 98 филиалов кредитных организаций других регионов, из которых 19 – филиалы Сбербанка России, 11 представительств

кредитных организаций. Из 17 действующих в городе кредитных организаций 10 осуществляют свою деятельность в форме акционерных обществ, 7 – в форме обществ с ограниченной ответственностью. Лицензии на осуществление банковских операций в иностранной валюте имеют 16 кредитных организаций, из них 3 кредитные организации имеют генеральные лицензии, 1 – лицензию на проведение операций с драгметаллами. За пределами Ростовской области действовало 7 филиалов региональных организаций.

Для сравнения, банковская сеть Краснодарского края представлена 1546 кредитными организациями и их подразделениями, в их числе: 17 действующих кредитных организаций с 6 филиалами на территории региона, 99 филиалов «иногородних» кредитных организаций, их которых 30 являются филиалами Сбербанка России, 8 филиалов самостоятельных инорегиональных банков. Для обеспечения доступности банковских услуг на территории Краснодарского края действуют 1128 дополнительных офисов, 158 операционных касс, 40 кредитно-кассовых офисов, 77 операционных офисов и 3 обменных пункта.

По количеству действующих кредитных организаций и филиалов в ЮФО Краснодарский край занимает 2-е место. За 2010 г. количество региональных ростовских банков сократилось на 3 единицы: ЗАО «Донской народный банк» и «Ростпромстройбанк» (ОАО) ликвидированы 05.02.2010 г. и 22.09.2010 г., соответственно, в связи с реорганизацией в форме присоединения к ОАО «ОТП банк» (г. Москва) и ОАО КБ «Восточный» (г. Благовещенск Амурской области), и преобразованы в филиалы этих кредитных организаций, а у ОАО КБ «Донбанк» с 21.12.2010 г. Банком России отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

На фоне общего сокращения численности банков наблюдается и перераспределение их количества по группам, выделенным в зависимости от величины зарегистрированного уставного капитала, в сторону укрупнения последнего (табл. 4).

Таблица 4

Группировка действующих кредитных организаций в Ростовской области по величине зарегистрированного уставного капитала [1]

Дата	до 3 млн руб.	от 3 до 10 млн руб.	от 10 до 30 млн руб.	от 30 до 60 млн руб.	от 60 до 150 млн руб.	от 150 до 300 млн руб.	от 300 млн руб. и выше
01.07.2010	-	-	1	2	5	7	4
01.07.2009	1	0	1	2	7	7	4
01.07.2008	1	0	1	3	6	7	4
01.07.2007	2	-	3	5	6	6	2

В качественном отношении банковский сектор Ростовской области представлен в основном малыми и средними банками. Наиболее крупными нерегиональными кредитными организациями являются ОАО «Юго-Западный Банк Сбербанка РФ», банк «ВТБ», ОАО «Газпромбанк», ОАО «Россельхозбанк», региональными – ОАО КБ Банк «Центр Инвест», ООО КБ «Донинвест», которые входят в десятку лидеров региональных банков Юга России. Удельный вес налоговых платежей коммерческих банков в общем объеме платежей, поступивших в бюджетную систему РФ от финансовой деятельности по Ростовской области, представлен в таблице 5.

Таблица 5

Удельный вес налоговых платежей коммерческих банков в общем объеме платежей по Ростовской области [2]

Показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	В % 2010 г. к 2007 г.
Поступления налог. платежей в бюджет. систему РФ от финанС. деят., тыс. руб.	2878550	3837917	2555217	3739099	129,9
в том числе от ком. банков	2692343	3681199	2512354	3683012	136,8
Уд. вес налоговых платежей ком. банков в общем объеме налоговых платежей, в %	93,5	95,9	98,3	98,5	–

На долю коммерческих банков приходится значительная часть общего объема налоговых поступлений от финансовой деятельности в регионе, наибольшие платежи приходятся на федеральный бюджет и самые незначительные – на местный.

Суммарные активы банков Ростовской области за год выросли на 23 %, это незначительно меньше, чем в целом по стране (24 %) и ниже достижений предыдущего периода – в 2010 году совокупные активы выросли на 28 % и на 1 января 2011 года составили 107389,4 млн руб., что позволяют сделать вывод о наращивании многими коммерческими банками в 2011 г. своих активов, резко снизившихся после кризиса 2008 г.

Таблица 6

Крупнейшие банки региона по активам на 1 января 2012 года

Наименование	Активы		Капитал		Прибыль, млн руб.	Рентабельность, %	
	руб. На 01.01.2012, млн	Изменение за год, %	руб. На 01.01.2012, млн	Изменение за год, %		Активов	Капитала
Центр-Инвест	59 275	14	7 080	15	1 333	2,4	20,1
Донинвест	4 822	20	592	6	14	0,3	2,5
Донкомбанк	3 448	7	506	78	31	0,9	7,9
Донхлеббанк	2 109	7	245	-2	2	0,1	0,8
Стелла-банк	1 965	4	277	-1	27	1,4	9,8
Кредит экспресс	1 459	115	347	16	32	3	10
Земельный	1 379	-7	546	1	26	1,8	4,8
Сельмашбанк	1 075	20	237	5	18	1,8	7,7
Русский национальный банк	1 074	9	315	-1	38	3,7	12,1
Ростфинанс	939	46	194	8	15	1,9	8,1

Активы инорегиональных банков, действующих в Ростовской области, составили 718889,4 млн руб. Но в целом же активы РБС области с учетом инорегиональных банков за 2010 г. показали 15-процентный рост, что соответствует общенациональной тенденции. При этом отношение суммарных банковских активов региональной банковской системы 2010 г. составило 131 %, против 129 % по итогам 2009 г. По данному показателю Ростовская область существенно опережает средний показатель по ЮФО. Общий объем ресурсной базы банковского сектора Ростова и области (включая филиалы кредитных организаций других регионов) за 2010 г. увеличился на 18,0 % и составил 488,0 млрд руб. (по итогам 2009 г. отмечался рост на 2,7 %). При этом реальные ресурсы банковского сектора Ростова и области (без учета межбанковских расчетов) увеличились на 26,6 % (по итогам 2009 г. отмечался рост на 9,0 %).

В структуре ресурсной базы банковского сектора города и области собственные средства кредитных организаций на 1 января 2011 г. составили 70,0 млрд руб. и увеличились за год на 15,7 %. В составе собственных средств совокупный капитал региональных кредитных организаций составил 10,4 млрд руб. и сократился за год на 8,9 %. Средства, привлеченные от клиентов, главным образом вклады населения и средства предприятий и организаций на счетах в кредитных организациях, по-прежнему составляют основу реальных банковских ресурсов. Так, остатки вкладов населения на депозитных счетах в кредитных организациях города и области продолжали расти, увеличившись за 2010 г. на 38,5 % и превысив темпы их роста за 2009 г. на 14,6 процентных пунктов. В номинальном выражении сумма вкладов населения по состоянию на 1 января 2011 г. составила 162,2 млрд руб. Остатки средств на счетах предприятий и организаций в кредитных организациях на 1 января 2011 г. составили 68,6 млрд руб., увеличившись за год на 29,1 %. Вклады населения в номинальном выражении на 01.01.2011 г. составили 166 322,0 млн руб [1], что превышает показатель предыдущего года на 35 % и несколько опережает общероссийскую тенденцию. Вклады юридических лиц имели не столь бурный рост, но все же показали увеличение на 15 пунктов (и составили 20 520,0 млн руб.). Средства физических лиц привлекались под достаточно высокий процент (8 – 12 %) годовых (средняя ставка по Сбербанку РФ составляет 8 %).

Портфель банковских кредитов, выданных заемщикам Ростовской области, вырос в 2010 г. на 8,8 %, достигнув к 1 января 2011 г. исторического максимума – 306 млрд руб. В 2010 г. действующие на территории Ростовской области банки выдали кредитов на срок более 1 года на сумму 86,1 млрд руб., что на 28 % больше, чем в 2009 г.

Ростовская область характеризуется наибольшим количеством выданных кредитов среди регионов ЮФО. В сочетании с относительно низкой стоимостью кредита данный показатель свидетельствует о сравнительной доступности на территории Ростовской области кредитных ресурсов для предприятий и организаций. Общий объем ресурсов банковского сектора ежегодно увеличивается, в том числе по сравнению с 2009 г. – на 18 %. Основным источником формирования ресурсной базы кредитных учреждений являются привлеченные средства физических лиц (вклады населения), что составляет 87,3 %. Средства юридических лиц являются вторым по значимости источником формирования ресурсной базы (по состоянию на 1 января 2011 г. они составили 12,7 %) [4]. В 2010 г. общий объем кредитов, предоставленных кредитными учреждениями, действующими на территории Ростовской области, составил 448,7 млрд руб. По

сравнению с 2009 г. данный показатель увеличился на 25,3 %. Из общего объема кредитов, размещенных в Ростовской области, 79,7 процента выдано реальному сектору экономики. Наибольшую кредитную поддержку получили предприятия обрабатывающих производств (30,3 процента) и предприятия оптовой и розничной торговли (22,4 процента).

В регионе процентные ставки по кредитам за 2010 г. снизились во всех сегментах без исключения: ипотека, потребительское кредитование, кредитные линии крупным предприятиям, кредиты малому бизнесу. В среднем к концу 2010 г. ставки в рублях для юридических лиц понизились на 3 – 7 %. Продолжающийся рост просроченной задолженности по кредитам – с 7,2 % до 8,5 % в 2010 г. (выше среднероссийской почти в 2 раза). Хуже всего ситуация обстоит у корпоративных заемщиков – у них доля просроченной задолженности выросла с 8,3 % до 9,8 %. Когда банкиры говорят о допустимых рисках, то, как правило, речь идет о 10 % просрочки от суммы портфеля РБС. Казалось бы, данный показатель в Ростовской области приближается к критическому, однако большая часть проблемной задолженности сосредоточена в банках с государственным участием, поэтому системных сбоев быть не должно.

Очевидно, что региональный банк не может конкурировать с федеральными структурами по ряду ключевых параметров, поэтому ему необходимо использовать собственные инструменты, обеспечивающие конкурентные преимущества: наработанные связи с экономическими агентами в регионе, расширение сети отделений, разработку более гибкой и либеральной линейки продуктов, отличающихся от массовых предложений федеральных банков и учитывающих специфику региона. Например, региональный банк, формируя стратегию посткризисного развития, должен учитывать сезонность получения прибыли предприятиями и физическими лицами, особенности бизнеса (к примеру, перерабатывающие заводы).

Региональные банки хорошо работают с корпоративными клиентами, представляющими местную промышленность, производство стройматериалов. Например, федеральные банки не очень стремятся кредитовать легкую промышленность в силу ее низкой конкурентоспособности на локальном рынке: малоформатный бизнес имеет свои специфические риски.

Региональные банки достаточно успешно занимаются обслуживанием среднего и малого бизнеса, потому как кредитованием финансово устойчивых крупных предприятий заняты крупные банки. Целевая группа для региональных банков – это средние компании, нуждающиеся в качественном банковском обслуживании, но на которые не желают расплытаться крупнейшие банки. Для регионального

банка остается возможность выхода в высокорисковые сегменты, которые пока неинтересны крупным структурам – кредитование стартапов, венчурных проектов, специализированных предприятий.

Региональный клиент, в свою очередь, очень тщательно подходит к выбору обслуживающего его банка, и высокая степень доверия, неформальные отношения и гарантии, которые даются ему лично, становятся определяющими. Осторожность клиента обусловлена негативным опытом сотрудничества с крупными игроками федерального уровня, которые не считают региональный рынок комплексного обслуживания (privatebanking) перспективным и используют таких клиентов исключительно как доноров средств. В связи с этим перспективная стратегия развития региональных банков связана с местным бизнесом. Для обеспечения финансовой устойчивости региональные банки должны быть кэптивными банками и действовать в рамках финансово-промышленных групп или работать с малым бизнесом. Среди субъектов Российской Федерации, входящих в ЮФО, Ростовская область уверенно занимает лидирующее место по уровню развития страховой инфраструктуры.

Таблица 7

**Отдельные показатели деятельности страховых организаций
ЮФО
в 2007 – 2009 гг. (тыс. руб.) [3]**

Наименование	2007 год		2008 год		2009 год	
	Страховые премии (взносы)	Выплаты по договорам страхования	Страховые премии (взносы)	Выплаты по договорам страхования	Страховые премии (взносы)	Выплаты по договорам страхования
Российская Федерация	775 082 991	486 597 211	954 754 167	633 233 605	979 099 328	739 908 096
Южный федеральный округ	16 643 812	12 699 637	20 701 818	15 299 759	21 160 842	17 068 239

Республика Калмыкия	212 734	207 985	311 576	301 243	365 694	360 374
Краснодарский край	2 173 852	1 631 746	2 139 153	1 224 547	1 801 665	1 449 968
Астраханская область	-	-	-	-	-	-
Волгоградская область	996 695	571 084	2 257 317	1 126 851	756 863	337 710
Ростовская область	10 602 502	7 540 563	12 463 835	9237114	13 031 631	9 902 264

В г. Ростове-на-Дону Ростовской области действуют 22 страховые компании и 72 филиала иногородних страховых компаний. Развита сеть институтов коллективного инвестирования. В частности, в Ростовской области функционируют 7 негосударственных пенсионных фондов, что составляет 54 процента от количества фондов, действующих в субъектах ЮФО.

Наиболее крупные страховые компании, действующие в г. Ростове-на-Дону (в порядке убывания собранных премий (кроме ОМС) за 1 кв. 2011 г.): «РОСГОССТРАХ», «ЖАСО ЛИТЕР-ПОЛИС», «ГУТА-СТРАХОВАНИЕ», «АЛЬФА-СТРАХОВАНИЕ», «АДМИРАЛ», «ВСК», «РЕСО-ГАРАНТИЯ», «УРАЛСИБ», «ИНГОССТРАХ», «СПАССКИЕ ВОРОТА» – предлагают своим клиентам широкий спектр услуг по личному и имущественному страхованию, добровольному страхованию жизни, здоровья от несчастных случаев, страхованию гражданской ответственности, финансовых рисков, страхованию транспорта, грузов, перестрахованию и других услуг. Возрастает уровень интеграции крупных ростовских страховщиков: экономически они объединились в страховой пул, а политически – в профессиональную Ассоциацию страховщиков Дона. В г. Ростове-на-Дону расположен Ростовский филиал саморегулируемой организации «Национальная ассоциация участников фондового рынка» (НАУФОР). Наличие на территории области филиала НАУФОР дает региону возможность иметь собственный голос в Совете НАУФОР. Членом НАУФОР является ООО «Титан-Инвест» [3].

Таким образом, стратегическим направлением развития кредитно-финансовой сферы г. Ростова-на-Дону, вследствие ресурсной самодостаточности, может являться ориентация на формирование в г. Ростове-на-Дону межрегионального финансового центра на базе кредитно-финансовой системы Южного федерального округа. Очевидно, что функционирование данного финансового центра

принесет экономике региона растущий объем инвестиций, стабилизацию доходов и повышение уровня жизни, обновление инфраструктуры. Также проектирование финансового центра-интегратора должно способствовать формированию благоприятного макроэкономического фона, достижению глобальной конкурентоспособности, созданию эффективной социальной инфраструктуры, развитию человеческого капитала в нашей стране.

Однако для реализации стратегии формирования такого центра важно выделить роль регионов. В связи с тем, что финансовые ресурсы в России по регионам распределены неравномерно, возможной моделью развития такого института могут выступить межрегиональные финансовые центры на базе федеральных округов или в рамках макрорегионов. Создание региональных финансовых центров является актуальной задачей, так как рубль постепенно становится привлекательной валютой для других государств и переход на расчет в рублях будет способствовать укреплению финансового потенциала России.

В глобальной экономике в настоящее время существуют благоприятные внешние факторы, способные улучшить перспективы развития России и национальных финансовых институтов, которые развивают интеграционные тенденции на рыночном пространстве СНГ. В числе позитивных моментов можно отметить высокие цены на ресурсы на мировом рынке и возобновление притока капиталов, а также более активное оздоровление в сфере кредитования. Кроме того, запуск нового механизма интеграционного взаимодействия между Россией, Белоруссией и Казахстаном в виде создания Таможенного союза тоже может дать дополнительный импульс для развития процессов интеграции и транснационализации капитала и услуг крупных отечественных банков на мировом рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационно-аналитические материалы ГУ ЦБ РФ. URL: www.cbr.ru.
2. Информационно-аналитические материалы УФНС по РО.
3. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года.
URL: [http:// www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416](http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416).
4. Финансы России. 2012. URL: [http:// www.gks.ru / wps / wcm / connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138717651859](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1138717651859).

УДК 339.138

ЭВОЛЮЦИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ КОНЦЕПЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Макеенко И. П.

EVOLUTION OF THE MARKETING CONCEPT IN THE CONTEXT OF ECONOMY DEVELOPMENT

Makeenko I. P.

Маркетинг рассматривается в статье как экономический процесс, связанный с проведением ценовой, товарной и сервисной политики в условиях постоянно меняющейся экономической конъюнктуры. В последнее время, по мнению автора, все более продуктивным представляется понимание маркетинга как качественно новой философии производства, предполагающей формирование у деятелей рынка маркетингового мышления в процессе своей деятельности и осуществление детального анализа, прогнозирования изменений рынка и разработку на их основе программ и планов, наилучшим образом удовлетворяющих запросы потребителей.

Marketing is considered as the economic process connected with carrying out price, commodity and service policy in the conditions of constantly changing economic environment. Recently more and more productive the understanding of marketing as qualitatively new philosophy of production assuming formation at figures of the market of marketing thinking in the course of the activity and implementation of the detailed analysis, forecasting of changes of the market and development on their basis of programs and the plans which are best satisfying inquiries of consumers is represented.

Ключевые слова: маркетинг, сбытовой маркетинг, товарный маркетинг, потребительский маркетинг, комплексный системный маркетинг, социально-этический маркетинг, микромаркетинг, метамаркетинг, макромаркетинг, социальный маркетинг, конверсионный маркетинг, стимулирующий маркетинг, развивающий маркетинг, ремаркетинг, синхромаркетинг, поддерживающий маркетинг, демаркетинг, противодействующий маркетинг.

Keywords: marketing, selling marketing, commodity marketing, consumer marketing, complex system marketing, social and ethical marketing, micromarketing, metamarketing, macromarketing, social marketing, the conversion marketing stimulating marketing, developing marketing, remarketing, the synchromarketing, supporting marketing, the demarketing, counteracting marketing.

В мире современного бизнеса «маркетинг» относится к наиболее употребляемым понятиям. Этому понятию придается самое разнообразное смысловое значение. С позиции предприятия, маркетинг – это комплексная система организации и управления производственно-хозяйственной, коммерческой и сбытовой деятельностью, ориентированная на удовлетворение конкретных потребностей

определенного сегмента покупателей. Здесь подчеркивается один из основополагающих принципов маркетинга – производить продукцию в адрес заранее определенного потребителя.

С этим определением перекликается определение в словаре американской ассоциации маркетинга: маркетинг – это предпринимательская деятельность, которая управляет продвижением товаров и услуг от производителя к потребителю или пользователю, или социальный процесс, посредством которого прогнозируется, расширяется и удовлетворяется спрос на товары и услуги путем их разработки, продвижения и реализации.

В этих определениях несколько преувеличивается роль движения товаров от производителя к потребителю и игнорируется важность взаимодействия производителей, продавцов и покупателей, а также воздействие на маркетинг различных социальных групп. Поэтому многие авторы стремятся давать более широкие определения понятия маркетинга. Так, Ф. Котлер считает, что маркетинг – это человеческая деятельность, направленная на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена [1]. С несколько иных позиций рассматривают маркетинг Дж. Эванс и Б. Берман: маркетинг – это предвидение, управление и удовлетворение спроса на товары, услуги, организации, людей, территории и идеи посредством обмена [2].

Некоторые специалисты считают, что и эти определения должны быть еще больше расширены и включать предпринимательскую деятельность. Известный специалист в области управленческого консультирования и менеджмента П. Друкер предлагает следующее определение: маркетинг – это вся деятельность фирмы, направленная на достижение видимого результата, предлагаемого потребителю в виде эквивалента его деньгам [3]. Более лаконичен другой американский специалист Дж. Маккарти: маркетинг – это 4 Пи (по первым буквам английских слов: product – товар; price – цена; place – место реализации, рынок; promotion – продвижение товара).

В последнее время принципы маркетинга используют не только на уровне предприятий, но и на уровне отраслей и национальных экономик в целом. Такой подход отражен в Германской энциклопедии маркетинга: «Маркетинг – это эффективный инструмент покрытия потребностей в системе рыночного хозяйства... Он имеет своей целью устранение напряженности между общественным спросом и экономическим предложением». С начала XX века происходили глубокие изменения экономической среды под влиянием преобразования общественного производства, усложнения взаимосвязей в экономике, развития монополистических и государственно-монополистических форм регулирования хозяйственных отношений, обострения конкурентной борьбы. Эти изменения непосредственно влияли и на эволюцию маркетинга, который в своем развитии прошел ряд этапов.

Этап сбытового маркетинга. Первый этап эволюции маркетинга – период с начала до 70-х гг. XX века. Маркетинг ассоциировался со сбытом производимой продукции и поэтому назывался сбытовым. Он представлял собой предпринимательскую деятельность, связанную с направлением потока товаров и услуг от производителя к потребителю. На этом этапе эволюции маркетинга американскими экономистами были сформулированы его основные принципы. Так, А. Шоу интерпретировал маркетинг как систему управления производством, распределением и реализацией продукции, что означало попытку выделить и описать отдельные функции маркетинга. С точки зрения Р. Кокса, маркетинг – это анализ организации и деятельности сбытовых структур промышленных фирм, оптовых и розничных торговых, а также транспортных фирм, посреднических и рекламных кампаний. Достаточно обобщенное изложение различных концепций маркетинга на этом этапе было дано американским экономистом Р. Брейером, который определил маркетинг как совокупность спроса, предложения, экономического пространства, времени и конкуренции.

Этап товарного маркетинга. Для второго этапа развития маркетинга – период с конца 40-х до начала 70-х гг. XX века – характерны: высокие темпы расширения масштабов производства на более высокой стадии научно-технического прогресса; организация новых и новейших производств и высоких технологий; расширение международного разделения труда. В этот период многие фирмы западноевропейских стран стали широко пользоваться в своей деятельности приемами маркетинга. Появилась возможность создавать значительно большее число самой разнообразной продукции, в том числе множество товаров-заменителей. Маркетинговые исследования стали охватывать и сферу производства товаров.

Этап потребительского маркетинга. Появление на рынках огромного количества товарной продукции, создаваемой на базе новых технологий и достижений в области управления производственными процессами в условиях все более ужесточающейся конкуренции, со всей остротой поставило перед потребителями проблему выбора нужной продукции. Пришло понимание, что целесообразнее и выгоднее вкладывать средства в создание и производство тех товаров, которые наверняка будут пользоваться спросом на рынке, чем пытаться производить то, что с трудом на рынке сбывается. А это уже означало необходимость повернуться лицом к потребителю, к выяснению его предпочтений и отношений к фирмам-производителям и их продукции. Еще в конце 50-х гг. XX века П. Друкер писал: «Если мы хотим знать, что такое бизнес, мы должны начать с его цели... Существует лишь одно достоверное определение цели – создание потребителя... Что думает потребитель о своей покупке, в чем видит ее ценность – вот что имеет решающее значение, определяет сущность бизнеса, его шансы на успех» [3]. Поэтому ориентация на потребителя, на рынок составили

основную идею маркетинга на третьем этапе его эволюции, получившего название потребительского. Но уже с середины 70-х гг. XX века маркетинг переходит в следующую, четвертую, стадию.

Этап комплексного системного маркетинга. Существуют различные характеристики этого этапа эволюции маркетинга. Одни специалисты называют его комплексным системным маркетингом, превращающимся по существу в доктрину современного бизнеса, его философию, основное средство взаимодействия между фирмой и окружающей средой. Такой взгляд на маркетинг обусловлен следующими причинами: существенное ускорение и удорожание научно-технического прогресса; рост масштабов и усложнение форм конкурентной борьбы; необходимость постоянного обновления товарного ассортимента и, как следствие, увеличение финансовых рисков. Другие специалисты (например, Ф. Котлер) считают, что в настоящее время мы имеем дело с социально-этическим маркетингом с упором на сохранение и укрепление благополучия каждого конкретного потребителя и общества в целом. На этом этапе фирмы нацеливаются на удовлетворение разумных потребностей в соответствии с интересами общества и на отказ от продажи товаров, противоречащих интересам общества.

Концепция социально-этического маркетинга требует сбалансированного учета таких факторов, как прибыль фирмы, покупательские потребности и интересы общества. И именно на этом пути ряд компаний добивается значительного роста продаж и доходов. Другая характерная черта эволюции маркетинга – его глобализация [4], заключающаяся в использовании методов маркетинга не только на товарных рынках, но и в некоммерческой сфере «...в контексте социальной, культурной, экономической и прочих видов интеграции» [5, С. 396]. В последнее время в экономической литературе встречаются такие понятия, как «микромаркетинг», «метамаркетинг», «макромаркетинг» и «социальный, глобальный маркетинг». Микромаркетинг – это маркетинговая деятельность фирм; метамаркетинг – управленческая сфера различных некоммерческих структур; макромаркетинг – деятельность государства в сфере рынка; социальный, глобальный маркетинг – некоммерческие сферы деятельности. Успешное применение маркетинга в разных сферах человеческой деятельности предполагает наличие соответствующей инфраструктуры, под которой понимается комплекс организаций и учреждений, способствующих широкому применению маркетинга в различных сферах человеческой деятельности человека. При этом необходимо формулирование четко обоснованных целей или задач, а также следует различать цели фирмы и цели маркетинга. Цели фирмы носят, как правило, долгосрочный, стратегический характер, и они не подвергаются сиюминутным корректировкам и изменениям. Цели маркетинга конкретны и ситуационны, то есть могут пересматриваться

в связи с изменением окружающей среды фирмы. Реализация целей маркетинга способствует достижению целей фирмы. Анализ экономических целей фирм в странах с устоявшейся рыночной экономикой показывает, что в условиях острой конкурентной борьбы на перенасыщенных национальных и мировых рынках одной из наиболее актуальных целей становится их выживание. В этом случае выживание выступает обобщенной целью, предполагающей получение прибыли, снижение затрат, своевременное освоение и выпуск новой продукции, модернизацию производства, непрерывное, систематическое повышение квалификации персонала фирмы. Прогрессивный налог на прибыль, введенный во многих странах Запада, изменил отношение предпринимателей к такой цели, как прибыль. В современных условиях достижение целевой прибыли и завоевание определенной доли рынка невозможно без разработки, производства и сбыта высококачественных товаров. Поэтому обеспечение высокого качества своей продукции – одна приоритетная цель фирмы. Не последнее место среди целей фирмы занимают социальные вопросы, «выражаемые в конкретных социальных действиях» [6, С. 68], учитывающие «методологию социального познания» [7]. Их успешное решение – необходимое условие роста квалификации персонала, производительности и качества труда, формирования корпоративной культуры. На современном этапе общественного развития можно выделить основные функции маркетинга, такие как: аналитическая, включающая в себя комплексное исследование рынка и анализ внутренней среды фирмы; товарно-производственная, связанная с разработкой рекомендаций по созданию товара и оценкой его конкурентоспособности; сбытовая, заключающаяся в осуществлении товарной и ценовой политики, организации сбыта и продвижении товара; организационная, связанная с организацией маркетинговых служб на фирмах, планированием и контролем маркетинга. Маркетинг, не ограничиваясь чисто сбытовой функцией, представляет собой комплексную системную деятельность, в которой все его функции важны и обязательны. Он затрагивает все сферы деятельности предприятия по вертикали и горизонтали и превращает фирму в единую систему. Более того, маркетинг применяется не только в традиционных отраслях промышленного производства, торговли и сферы услуг. Он начинает значительно влиять на мировоззрение людей и их образ жизни, «различные формы общественного сознания» [8, С. 134 – 135].

Маркетинг постепенно превращается в одну из ведущих отраслей современной экономики, в которой заняты крупные рекламные агентства и центры по проведению маркетинговых исследований, осуществляемых при помощи маркетинговых коммуникаций. Под коммуникациями в маркетинге понимается

передача информации, «включающая услуги и производство оборудования, создание неэлектронной информации» [9, С. 55], в том числе мнений, в целях воздействия на представления, ожидания и поведение участников рынка, прежде всего потребителей, в соответствии с поставленными целями предприятия. В качестве субъектов маркетинга выступают производители и организации обслуживания, оптовые и розничные торговые предприятия. Субъектами маркетинга выступают и специалисты самых разных сфер деятельности: специалисты по проведению маркетинговых исследований (социологи, демографы, психологи, этнографы); программисты и математики; специалисты по проведению рекламных кампаний; специалисты по организации товародвижения (транспортники, экспедиторы, логистики); экономисты, статистики; специалисты по снабжению и сбыту. По мнению Ф. Котлера, эволюция маркетинга в перспективе будет осуществляться в виде: индивидуализированного маркетинга, основанного на более детальной сегментации рынка, нацеленной на удовлетворение все более узкого круга людей или даже конкретного человека; сверхмаркетинга, основанного на концентрации усилий по удовлетворению одновременно нескольких проблем потребителей; мультимаркетинга, представляющего собой систему многоканального товародвижения; турбомаркетинга, заключающегося в поиске возможностей для сокращения времени на создание нового товара, а также на ответную реакцию фирмы на выявленный спрос.

Глубокие социально-экономические преобразования открывают огромные перспективы для маркетинга, но его развитие сдерживается тем, что эта сфера деятельности требует вложения значительных инвестиций, проведение маркетинговых исследований, реорганизацию многих структурных подразделений фирм и предприятий, учитывающих современное развитие экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. – СПб.: Питер, 2000.
2. Эванс Дж., Берман П. Маркетинг. – М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Друкер П. Рынок: как выйти в люди. Практика и принципы. – М.: Бук Чембер Интернешнл, 1992.
4. Колосова О. Ю. Трансформационные социальные процессы в контексте глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 266 – 271.

5. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблемы этнической идентичности // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396 – 408.

6. Гончаров В. Н. Политическая культура общества: социально-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1. – С. 67 – 69.

7. Бакланова О. А. Коммунитаризм как философское основание современной теории коллективизма // Научная мысль Кавказа. – 2011. – Т. 66. – № 2. – С. 23 – 26.

8. Гончаров В. Н. Политическая культура в контексте политического сознания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 3. – С. 128 – 137.

9. Колосова О. Ю. Информационное общество: социально-экономический аспект // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 17. – С. 55 – 58.

УДК 339.138

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МАРКЕТИНГОВЫХ АЛЬЯНСОВ

Хмелькова Н. В., Агеносов А. В.

ENTITY AND FORMS OF THE STRATEGIC MARKETING ALLIANCES

Khmelkova N. V., Agenosov A. V.

Авторами рассмотрено понятие стратегического маркетингового альянса с учетом генезиса формирования маркетинговой парадигмы в теории стратегических альянсов. В статье предложена типология форм стратегических маркетинговых альянсов, предусматривающая выделение функциональных областей маркетинговой деятельности, в которой они заключаются, в соответствии со структурой комплекса маркетинга 4 «Р» – 4 «С».

The theoretical concept of a strategic marketing alliance with the account of genesis of formation of marketing paradigm in the theory of strategic alliances is considered in the article. Typology of the forms of strategic marketing alliances is suggested. It involves allocation of the functional areas of marketing activity in which they are, according to the structure of the marketing mix 4 «P» – 4 «C».

Ключевые слова: стратегический маркетинговый альянс, комплекс маркетинга, рекламный альянс, маркетинговая коалиция, сбытовой альянс, ценовой альянс, продуктовый альянс.

Keywords: strategic marketing alliance, marketing mix, advertising alliance, marketing coalition, sales alliance, price alliance, product alliance.

Последние десятилетия ознаменованы ростом интереса научного сообщества к теоретическим и методологическим аспектам функционирования стратегических альянсов, что обусловлено увеличением их числа и масштабов распространения. Наиболее активное развитие стратегические альянсы получили в тех функциональных областях бизнеса, которые в современных рыночных условиях являются проблемными для организаций, ведущих свою деятельность обособленно – кооперация в области НИОКР, совместное производство и взаимодействия в рамках маркетинговых программ [3]. В этом ряду особое место занимают стратегические маркетинговые альянсы, поскольку с решения именно маркетинговых задач начали свое существование многие стратегические альянсы, что обуславливает необходимость в целенаправленном изучении маркетинговой основы данной формы хозяйственного объединения [1, С. 8]. В теоретико-методологическом плане научные исследования стратегических маркетинговых альянсов находятся в настоящее время на начальном этапе развития. Нерешенность научного вопроса, касающегося теоретической разработки проблемы стратегических альянсов в маркетинговой деятельности организаций, находит отражение в отсутствии «закрепления» в категориальном аппарате маркетинга понятия «стратегический маркетинговый альянс», несформированности представлений о формах таких альянсов. В данной статье предпринята попытка уточнения содержания понятия стратегического альянса в маркетинговой деятельности организаций, представлена типология его форм.

Проведенный анализа показал, что теоретической основой изучения стратегических альянсов в маркетинговой деятельности организаций служат симбиотический маркетинг, маркетинг взаимоотношений, ко-маркетинг, латеральный маркетинг и маркетинг 3.0 (рис. 1). Как видно из рисунка, стратегический маркетинговый альянс рассматривается современными маркетинговыми теориями как специфическая форма маркетинговой интеграции организаций, нацеленная на удовлетворение потребителя, и одновременно особый механизм формирования конкурентных преимуществ в условиях современного рынка. Возникновение стратегических маркетинговых альянсов увязывается с особым типом маркетингового мышления, основанным на межрыночных связях, а результатом активного участия хозяйствующих субъектов в интеграционных маркетинговых процессах считается формирование сообществ независимых лояльных партнеров, объединенных общими целями, миссией и ценностями.

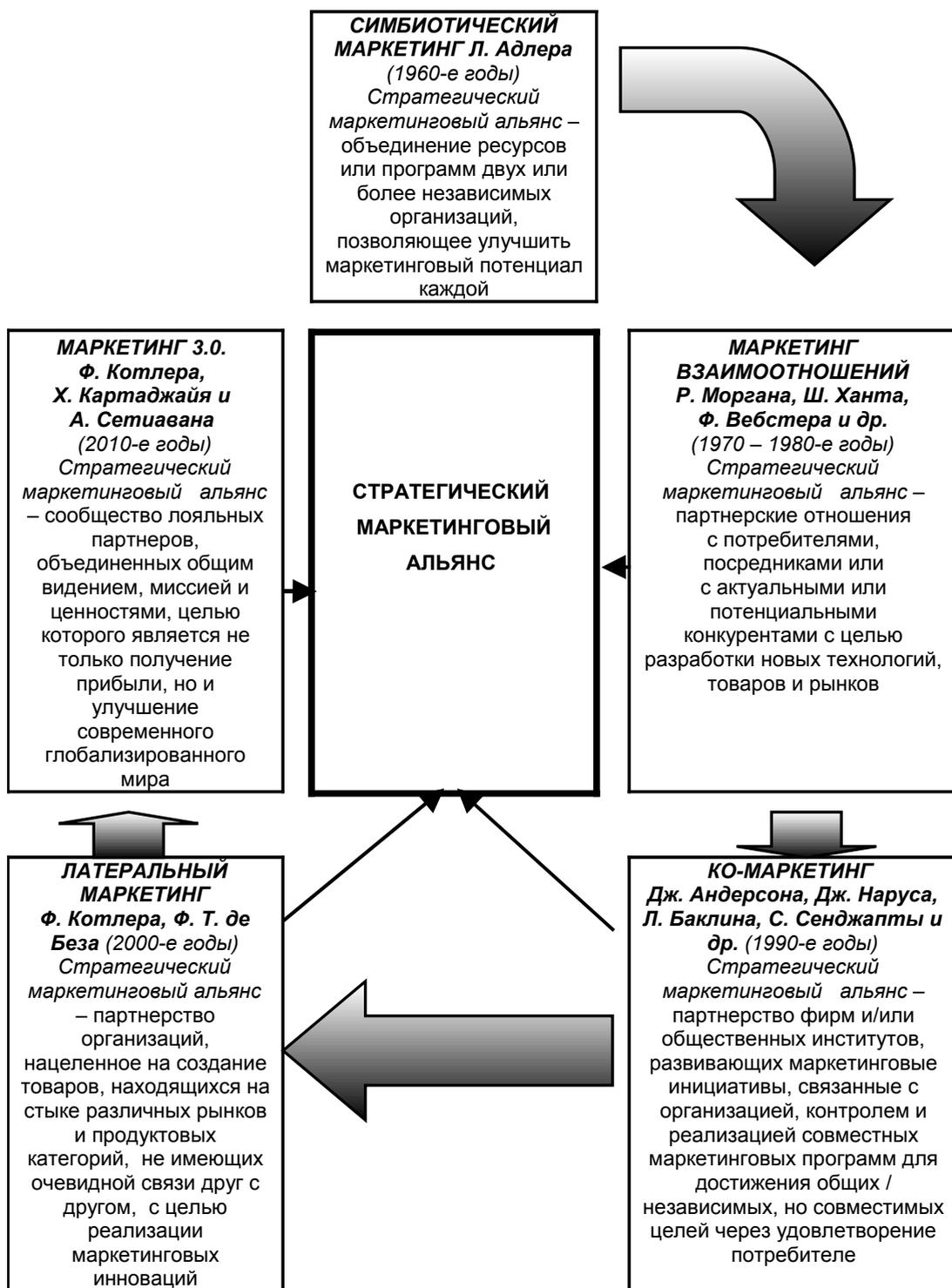

Рисунок 1. Генезис теоретических взглядов на стратегический маркетинговый анализ

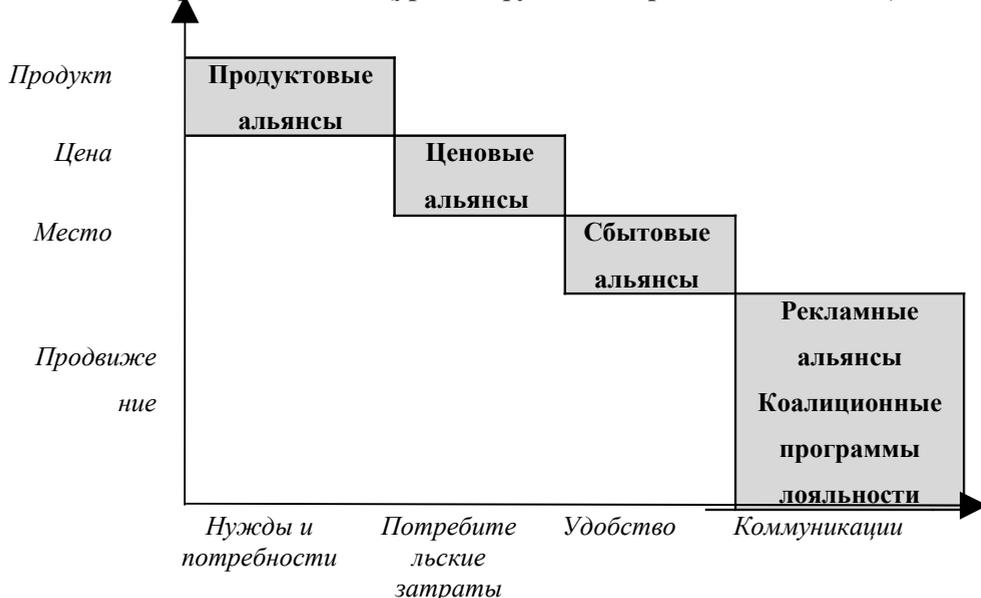
Проведенный анализа показал, что теоретической основой изучения стратегических альянсов в маркетинговой деятельности организаций служат симбиотический маркетинг, маркетинг взаимоотношений, ко-маркетинг, латеральный маркетинг и маркетинг 3.0 (рис. 1). Как видно из рисунка, стратегический маркетинговый альянс рассматривается современными маркетинговыми теориями как специфическая форма маркетинговой интеграции организаций, нацеленная на удовлетворение потребителя, и одновременно особый механизм формирования конкурентных преимуществ в условиях современного рынка. Возникновение стратегических маркетинговых альянсов увязывается с особым типом маркетингового мышления, основанным на межрыночных связях, а результатом активного участия хозяйствующих субъектов в интеграционных маркетинговых процессах считается формирование сообществ независимых лояльных партнеров, объединенных общими целями, миссией и ценностями.

Использование комплекса теорий позволяет уточнить понятие стратегического маркетингового альянса и рассматривать его как форму взаимодействия двух или нескольких независимых организаций для совместной разработки и реализации маркетинговых программ путем координации необходимых знаний, ресурсов и инструментария с целью удовлетворения потребителей и для улучшения маркетингового потенциала участников альянса.

Актуальность разработки предлагаемой типологии обусловлена несформированностью представлений о конкретных формах маркетинговых взаимодействий организаций относительно функциональных областей маркетинговой деятельности. Целью типологизации стратегических маркетинговых альянсов выступает определение для каждой из выделяемых форм специфического для нее набора объединяемых маркетинговых программ и инструментов с привязкой к характеру ценности, создаваемой для потребителя.

Исходя из этого, выделена совокупность форм стратегических маркетинговых альянсов, включающая рекламные альянсы и маркетинговые коалиции, сбытовые альянсы, ценовые альянсы и продуктовые альянсы (рис. 2).

Комплекс маркетинга 4 «Р» (уровни функционирования альянсов)

Комплекс маркетинга 4 «С» (цели функционирования альянсов)

Рисунок 2. Типология форм стратегических маркетинговых альянсов

В качестве критериев типологизации предлагается использовать: 1) *структуру комплекса маркетинга 4 «Р»* («продукт», «цена», «распределение», «продвижение»), позволяющую определить формы стратегических маркетинговых альянсов в зависимости от функционального уровня их реализации; 2) *структуру комплекса маркетинга 4 «С»* («нужды и потребности», «потребительские затраты», «удобство», «коммуникации»), обеспечивающую фиксацию их целевой направленности на удовлетворение запросов потребителей [2].

Разработанная типология показывает, что организации могут принять решение о заключении альянса как на уровне второстепенных, вспомогательных элементов комплекса маркетинга – цены, распределения и продвижения, так и центрального элемента – продукта, значение которого для реализации маркетинговой стратегии организации является определяющим. Исторический процесс возникновения и развития стратегических маркетинговых альянсов также идет в направлении смещения приоритетов организаций от более простых ценовых, сбытовых и рекламных партнерств, появившихся в маркетинговой практике в 1960-х годах, к более развитым продуктовым стратегическим маркетинговым альянсам, основанным на

ко-брендинге, набирающим популярность в последние десятилетия, что отражено в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика форм стратегических маркетинговых альянсов

Форма	Характеристика	Пример
Рекламный альянс	Пересечение услуг или товаров в одной рекламной или промо-акции («кросс-маркетинг»), совместно проводимых несколькими организациями, в рамках которой рекламные расходы делятся между несколькими партнерами	AxeCoca-Cola Zero; Kellogg Tropicana
Коалиционная программа лояльности	Создание несколькими организациями одной или различных отраслей экономики совместных программ лояльности, основанных на предоставлении взаимных скидок	Nectar (Sainsbury's Barclays Bank DebenhamsBP Vodafone AdamsFord)
Сбытовой альянс	Объединение двух или более товарных марок для создания взаимовыгодного окружения в сфере розничной продажи товаров. Проведение кросс-продаж продукции партнеров по альянсу под одной «крышей» – «магазин в магазине»	MarriottTGI Friday's, Pizza Hut; Burger KingShell; Wild Bean CaféBP; Deutsche PostbankTchibo

<p>Ценовой альянс</p>	<p>Совместные закупки, консолидация потребности участников в материалах, услугах или инвестициях в целях получения лучших цен от поставщиков. Заключаются в форме «закупочных союзов», «закупочных консорциумов» или «закупочных кооперативов»</p>	<p>Alphega IGA RGDATA</p>
<p>Продуктовый альянс</p>	<p>Совместная разработка участниками альянса продукта и использование в отношении него множественного бренда, указывающего на принадлежность продукта нескольким организациям (ко-брендинг)</p>	<p>Adidas Samsung; Nissan Columbia; Nike Apple Intel IBM</p>

В заключение отметим, что изучение стратегических маркетинговых альянсов требует не только общей констатации привнесения в теорию стратегических альянсов маркетинговой парадигмы, но и детальных исследований конкретных проявлений альянсов в рамках этой парадигмы [1, С. 14]. Рассмотренные в данной статье теоретические подходы позволяют уточнить понятие стратегического маркетингового альянса. Разработанная типология форм стратегических маркетинговых альянсов обеспечивает конкретизацию их сущности применительно к различным функциональным областям маркетинга, что способствует решению научной задачи, связанной с дальнейшим формированием маркетинговой парадигмы в теории стратегических альянсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зобов А. М. Стратегические альянсы в системе маркетинговых стратегий компании. – Маркетинг. – 2007. – № 2 (39). – С. 3 – 15.
2. Хмелькова Н. В. Формирование стратегии ко-брендинга в условиях современного рынка. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. – 296 С.

3. Юрков С. Международные стратегические альянсы как механизм корпоративного роста. – Экономические стратегии. – 2001. – № 5 – 6. – С.128 – 135.

УДК 332

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

Шелкоплясова Г. С., Исламова С. В.

**STRATEGIC POTENTIAL AS THE BASIS OF THE
REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEM
STRATEGIC CHOICE**

Shelkopyasova G. S., Islamova S. V.

В статье раскрывается взаимосвязь разработки стратегических установок развития региональной социально-экономической системы с формированием и оптимизацией ее стратегического потенциала, на основе чего предложена динамическая модель формирования и реализации стратегии сбалансированного развития региона.

The article discloses the relationship to develop strategic installations of the regional socio-economic system with the formation and optimization of its strategic potential, based on which the proposed dynamic model of the formation and implementation of the strategy of balanced regional development.

Ключевые слова: регион, региональная социально-экономическая система, стратегический потенциал, стратегия сбалансированного развития, стратегическое планирование.

Keywords: region, regional socio-economic system, the strategic potential, the strategy of balanced development, strategic planning.

В процессе своего функционирования и развития та или иная пространственная общность – регион – сталкивается с проблемой нового стратегического выбора, предполагающего ориентацию, в первую очередь, на эффективное использование собственного потенциала, решение которой обуславливает необходимость разработки научных основ комплексной оценки величины и эффективности использования последнего. По нашему мнению, тот модернизационный рывок в региональном развитии, который предусмотрен в программных документах стратегического характера всех уровней территориального управления, зависит от стратегического

потенциала самой региональной социально-экономической системы (РСЭС). Именно он отражает предельные возможности ее развития.

В настоящее время еще нет единства в понимании сущности потенциала РСЭС (территории). Так, большинство исследователей обсуждает в основном экономический аспект территориального потенциала, а исходному содержательному понятию «потенциал» соответствуют различные дефиниции: «возможности» или «резервы», которые могут при определенных условиях быть задействованы, с одной стороны, или некая «совокупность ресурсов» – с другой [1].

Потенциал – это совокупность необходимых важнейших компонентов, определяющих жизнеспособность системы (экономической, социальной, военной, политической, технической). В экономической литературе рассматриваются различные виды потенциала: народнохозяйственный, экономический, социально-экономический, оборонный, интеллектуальный, инновационный, природно-ресурсный, научно-технический, кадровый, производственный, строительный, сельскохозяйственный, потенциал инфраструктуры, информационный, организационный, потенциал социального развития, воспроизводственный, стратегический, совокупный потенциал.

Исходя из целевой направленности проводимого нами исследования, на основе анализа сложившейся структуры задач стратегического управления, выделенных Ансоффом И., Минцбергом Г., Койном К., Субраманьям С., мы считаем, что по значимости более приоритетными являются процессы формирования стратегии и, в связи с этим, анализ и оценка, создание и развитие стратегического потенциала [2, 3, 4].

Мы разделяем точку зрения, изложенную в работе Зуб А. Т.: реалистичность стратегических целей и планов социально-экономической системы решающим образом определяется рядом субъективных и объективных факторов: от готовности руководства осуществлять масштабные проекты, от знаний, навыков и квалификации менеджеров или от наличия финансовых или иных ресурсов. Эти разнообразные факторы можно объединить и систематизировать в понятии стратегического потенциала социально-экономической системы [5].

В определении сущности стратегического потенциала нам в большей степени импонирует точка зрения современных исследователей: Д. Тиса, Г. Пизано, А. Шуэна, Г. Хэмела, К. Прахалада, пытающихся придать динамизм ресурсному подходу, в рамках которого отличие социально-экономических систем друг от друга проводится по их ресурсному оснащению, и этим объясняются различия в уровне их эффективности и прибыльности [3, 5, 6, 7]. Учитывая нарастающий темп изменений по внешней среде РСЭС, обусловленный ростом интернационализации хозяйственной жизни на качественно новом этапе и в первую очередь влиянием информационных технологий, мы

считаем, что в современных условиях успешная реализации региональной стратегии сопряжена со смещением акцентов регионального развития с вещественно-энергетических элементов потенциала на информационные и знания. С этой точки зрения, опираясь на представления об исследуемом явлении, изложенные в работе Градова А. П., стратегический потенциал РСЭС нами определяется как система способностей (возможностей) видеть перспективы и принимать управленческие решения по выбору стратегических целеориентиров [10]. Кроме этого, создавать средства их достижения, обеспечивая своевременность, требуемый уровень качества и эффективности использования этих средств, с учетом особенностей существующей и перспективной структуры регионального хозяйства, имеющихся резервов повышения готовности (социально-психологической, нормативно-правовой, научно-методической, профессиональной) населения, властных и хозяйственных структур к разработке и реализации стратегии развития.

В самом общем смысле стратегический потенциал РСЭС – это то, чего может достичь регион в стратегической перспективе, в соответствии с тем балансом интересов, который локализован на его территории и всегда остается изменяющимся. Для превращения возможностей в реальность каждая «способность» должна быть обеспечена соответствующими ресурсами: информационными, пространственными, человеческими, финансовыми, научно-техническими и др., объемы и структура которых могут быть существенно изменены лишь путем принятия и реализации соответствующих стратегических решений. При этом под ресурсами мы склонны понимать не собственно средства, а возможности достижения стратегических целей, открываемых перед любой РСЭС применением тех или иных средств.

Второй момент, который важен для более детальной характеристики стратегического потенциала, – учет специфики условий регионального развития, обуславливающей изменчивость целевых установок. Если речь идет, скажем, о работе в условиях кризиса платежей, то в качестве средств выступают такие ресурсы, как финансовые или другие ликвидные активы, налаженные надежные кредитные линии. Если рассматриваются условия энергетического кризиса, в качестве стратегических ресурсов фигурируют другие виды ценностей. В нормальных условиях в качестве составляющих потенциала следует рассматривать ресурсы, обеспечивающие достижение регионом конкурентных преимуществ. Иными словами, следует говорить об относительности соответствия и достаточности стратегических возможностей РСЭС для разработки и реализации стратегии ее развития, приводящей к достижению поставленных целей.

Основными компонентами стратегических способностей (возможностей) являются ресурсы и ключевые компетенции, где ресурсы представляют собой материальные и нематериальные активы

РСЭС, а компетенции, являющиеся надстройкой над ресурсами, представляют деятельность и процессы, с помощью которых РСЭС эти ресурсы использует. Материальные активы РСЭС – это физические активы РСЭС, такие как финансовые, трудовые (численность и состав), производственные, природно-сырьевые ресурсы.

Нематериальные активы региона – это активы, которые формируются и развиваются посредством реализации интеллектуального потенциала, не имеют материальной формы, дают региону реальную или потенциальную возможность достижения экономической выгоды и конкурентных преимуществ, могут служить основой концепции регионального развития в условиях становления экономики, основанной на знаниях [11]. В настоящее время сложилась ситуация, в которой административно-территориальные системы (страны, регионы, города) конкурируют друг с другом: за привлечение инвестиционных средств; за возможность представить свою инфраструктуру для международных и межрегиональных пользователей; за привлечение образованной и квалифицированной рабочей силы. При этом территории оказываются в принципиально новой, динамичной политической, культурной, социальной и экономической ситуации, особенности которой определяются мировыми глобальными процессами, изменениями на уровне России и региона. В связи с этим стратегические способности (возможности) РСЭС необходимо разделить на два основных вида: пороговые (или базисные) возможности и возможности для конкурентного преимущества (уникальные). Каждый характеризуется своим типом ресурсов и компетенций.

Пороговые возможности РСЭС являются объектом пристального изучения только на начальном этапе стратегического регионального управления, поскольку это именно те возможности, которые минимально необходимы для социально-экономического функционирования региона в соответствии с поставленными целями. Ресурсы и компетенции на этом уровне обусловлены заданными изначально факторами, например, экономико-географическим положением, природным потенциалом, культурно-историческим потенциалом и характеризуются такими же минимально необходимыми требованиями. Управление возможностями в данной ситуации для РСЭС будет сводиться к достижению минимального уровня региональных интересов и отслеживанию динамики внутренней и внешней среды данной территории, которая может повлиять на требуемый минимальный уровень, повышая его. Для коммерческих структур потеря ресурсов и компетенций базового уровня означает ликвидацию, банкротство. Жизнедеятельность региона, в отличие от фирм и компаний, постоянный фактор, она не может быть прекращена. Однако регион может стагнировать и оказаться в депрессивном состоянии. Поэтому региональные интересы – это, прежде всего, потребность в стабильном характере воспроизводства и постоянном

сохранении и приумножении социально-экономического потенциала региона.

Возможности для конкурентного преимущества не всегда имеются у РСЭС, в отличие от первого описанного вида стратегических возможностей, наличие которых объясняется фактом существования самого региона и наличия у него минимальных ресурсов, например природно-естественных.

Для второго вида стратегических возможностей необходимы уникальные ресурсы и ключевые компетенции. Уникальные ресурсы – это те ресурсы, которые либо единичны, либо очень редки, их невозможно или слишком дорого скопировать или получить. Уникальность здесь выступает качеством и характеристикой ресурсов, которыми обладает данный регион. Возможно, ресурс не является редким или уникальным сам по себе, но только данная РСЭС им владеет в настоящее время, и другим ее конкурентам невозможно его скопировать или заполучить. Например, к уникальным ресурсам можно отнести уникальный имидж территории – бренд, уникальные ландшафт, климат, позволяющие добиваться конкурентных преимуществ.

Уникальные ресурсы – это важнейшая предпосылка и надежная основа для конкурентного преимущества, но их практически невозможно формировать: они или имеются, или отсутствуют. Именно на этой основе базируется мощь многих стран и регионов. Колоссальным людским потенциалом, что является стратегическим фактором, обладают Китай и Индия. Стратегическим потенциалом природных ресурсов обладают государства, владеющие или контролирующие наибольшие территории: это Россия, Китай, США, Австралия, Канада, Бразилия.

Ключевая компетенция – деятельность и процессы, посредством которых социально-экономическая система эффективно использует ресурсы для достижения конкурентного преимущества таким образом, что другим игрокам рыночного пространства не удастся их повторить или скопировать. Ключевая компетенция относится к той части нематериальных ресурсов социально-экономической системы, которые формируют ее уникальный стратегический потенциал, и они означают процесс передачи и использования организационных знаний некоторым особым, недоступным для копирования конкурентами способом.

Наличие и качество ресурсов и компетенций существенным образом определяет и индивидуализирует форму возможных направлений стратегического развития РСЭС. Но не все ресурсы и компетенции региона имеют равную стратегическую ценность. Выбор ресурсов, которые будут заложены в основу стратегии развития РСЭС (то есть которые будут являться источником ее устойчивого конкурентного преимущества), требует тщательного анализа поведения конкурентов, так как ресурсы формируют стратегический потенциал

лишь в том случае, когда они позволяют создавать особые условия жизнедеятельности, ведения бизнеса, производить особые региональные продукты или услуги, то есть обладающие характеристиками, отличающими их от продукции конкурентов.

Компетенции становятся частью стратегического потенциала только тогда, когда они стратегически уместны, когда их применение позволяет эффективно воспользоваться возможностями внешнего окружения РСЭС. В случае быстро меняющегося окружения РСЭС не может длительное время использовать постоянный набор компетенций: новые условия требуют новых компетенций. Умение распознавать имеющиеся и определять недостающие компетенции является ценным качеством регионального управления. Способность быстро адаптироваться, реструктурироваться, развивать инновационную гибкость, находить нестандартные, «креативные» маркетинговые ходы в научной литературе получила название «динамические возможности», понимаемые как способность организации развивать и изменять компетенцию, чтобы соответствовать потребностям быстро меняющейся внешней среды [12]. Учитывая особенности РСЭС как открытой, относительно самостоятельной системы, а также необходимость в ее развитии принципа баланса и согласования интересов, отметим, что, с позиции стратегического управления, стратегический потенциал РСЭС должен быть увязан с параметрами ее внешней среды. В связи с этим третья особенность стратегического потенциала РСЭС проявляется в том, что он должен рассматриваться как категория, характеризующая баланс интересов верхнего и нижнего уровня территориальной иерархии, а также локализованных непосредственно на его территории, то есть он должен проектироваться с учетом закономерности иерархичности всей государственной экономической системы.

Важная особенность стратегического потенциала РСЭС, обусловленная также воздействием внешней среды, касается того, что он должен рассматриваться как потенциальное пространство инициирования угроз экономической безопасности региона. Процесс повышения темпов экономического роста сопровождается ростом дифференциации регионов по уровню жизни и сохранением структурной деформации экономики. Различия российских территорий по уровню экономического развития, разнообразию ресурсов и институтов, социальным характеристикам и укладам жизни делает проблему обеспечения экономической безопасности на региональном уровне весьма значимой и актуальной. Следует также отметить, структура стратегического потенциала во многом определяется параметрами внешней среды, однако субъект стратегического развития имеет ограниченный характер влияния на факторы макросреды. Проблема состоит в том, чтобы выявить наиболее влиятельные экзогенные факторы с помощью своего рода стратегических средств «раннего обнаружения», возможности же его использования зависят от компетенций и ресурсов субъекта

экономических отношений.

Возможности эффективного использования стратегического потенциала обусловлены характером воздействия и сочетания различного рода внешних и внутренних факторов. Воспользовавшись инструментами стратегического регионального управления, менеджмент территориальной единицы (страна, регион, город) может действовать как единая, целостная система, гибко, адекватно и максимально оперативно отвечающая на вызовы и угрозы внешней среды, обеспечивая необходимое собственное реформирование и стимулирование модернизации элементов внутренней среды, достигая необходимого качества и уровня оптимизации стратегического потенциала РЭСЭ. Исходя из вышесказанного, нами построена динамическая модель преобразования имеющихся стартовых условий и предпосылок социально-экономического развития РСЭС в стратегический потенциал ее успеха, который следует интерпретировать в качестве предпосылки успешного развития РСЭС в отдаленной перспективе (рис. 1). Авторская концепция формирования и реализации стратегии сбалансированного развития РСЭС представляет собой систему взглядов на сущность и причины стратегического развития региона как чрезвычайно сложной социально-экономической системы, реагирующей на возможности и требования его внешней среды в соответствии с имеющимися в наличии потенциальными ресурсами развития на базе единства концептуально-смысловой структуры концепции стратегического планирования и управления стратегическим развитием региона. В предлагаемой модели признается существование определенной вариативности, которая исходит от роли регионов в стратегических перспективах России, от степени разногласия и сближения интересов политических, экономических, культурных элит и населения, от уровня подготовки разработчиков, от кругозоров, стратегического мышления региональных лидеров и других факторов.

Ключевым принципом предложенной модели формирования стратегии сбалансированного развития РСЭС является партнерство при разработке и реализации стратегии. Мы считаем, что стратегия не является чисто административным документом, инструкцией или директивой, это, прежде всего, свод согласованных, разумных, обоснованных требований от регионального сообщества в непосредственном воплощении представителями органов власти к предприятиям. Это соглашение о реализации конкретных мер, имеющих стратегическую важность для региона, которые необходимо предпринять в интересах производителей и населения, локализованных на его территории. Процесс стратегического планирования и управления направлен на поиск согласия всех участников, на вовлечение в принятие решений и их реализацию широких слоев активного населения региона.

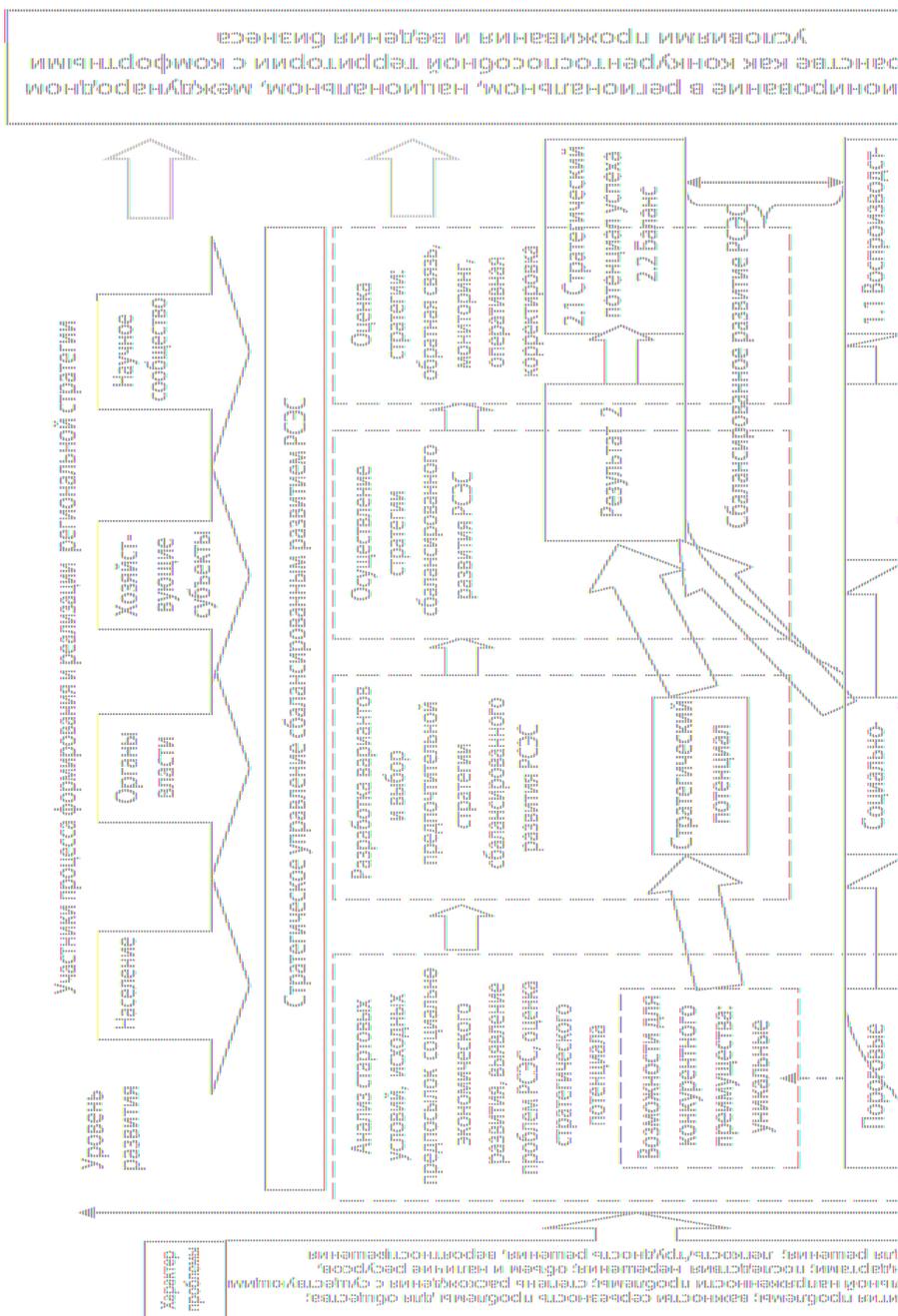

Рис. 1. Предлагаемая динамическая модель формирования и реализации стратегии сбалансированного развития РСЭС

В предлагаемой модели главной предпосылкой сбалансированного развития РСЭС в отдаленной перспективе и ключевой основой формирования ее стратегии является преобразование стратегического потенциала в стратегические факторы успеха. Сложность поддержания стратегического потенциала в актуальном состоянии объясняется ограниченным характером влияния субъекта стратегического развития на рыночный потенциал РСЭС, поскольку последний невозможно рассматривать в отрыве от ресурсного потенциала конкретной территории. В связи с этим управление стратегическим потенциалом должно обеспечивать эффективное, своевременное и качественное выполнение регионом своего предназначения в условиях турбулентной среды и обусловленной ею изменчивостью перспективных социально-экономических целей. Развитие совокупного стратегического потенциала РСЭС невозможно без ориентации на складывающуюся в определенный момент времени рыночную ситуацию и тем более не заканчивается с момента принятия и публикации такого документа как стратегия социально-экономического развития региона. Обязательно необходимо осуществление мониторинга выполнения реализации стратегии, в ходе которого должно приниматься решение об оптимизации структуры стратегического потенциала, осуществляться корректировка стратегии в направлении повышения продуктивности процесса адаптации стратегического потенциала РСЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов С. И. Проблемы научного обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития региона [Электронный ресурс] / С. И. Морозов, Е. Б. Смирнов // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3722>.
2. Минцберг Г. Стратегический процесс [Текст]: пер. с англ. / Г. Минцберг, Дж. Б. Куинн, С. Гошал. – СПб.: Питер, 2001.
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия [Текст] / И. Ансофф. – СПб.: Питер, 1999. – 416 С.
4. Койн К., Субраманьям С. Как упорядочить процесс разработки стратегии [Текст] / К. Койн, С. Субраманьям // Экономические стратегии. – Т. 3. – 2001. – № 4. – С. 83 – 91.
5. Зуб А. Т. Управление стратегическим потенциалом организации [Электронный ресурс] / А. Т. Зуб. – Режим доступа: http://www.sbmt.bsu.by/Data_RUS/ContBlocks/01112/Zub.pdf.
6. Teece D. Dynamic Capabilities and Strategic Management. Working Paper. [Text] / D. Teece, G. Pisano, A. Shuen. – Berkeley: University of Californiya at Berkeley, 1992.
7. Teece D. Dynamic Capabilities and Strategic Management [Text] / D.

Teece, G. Pisano, A. Shuen // *Strategic Management Journal*. – 1997, vol. 18.

8. Экономическая стратегия фирмы [Текст]: учебное пособие / А. П. Градов [и др.]; под ред. А. П. Градова. – СПб.: Специальная литература, 2003. – 959 С.

9. Алякина Л. А. Формирование механизма развития интеллектуального потенциала как основы нематериальных активов региона [Текст]: Дис. ... канд. экон. наук. 08.00.05: / Л. А. Алякина. – Чебоксары, 2012.

10. Eisenhardt K., Martin J. Dynamic Capabilities: what are they? [Text] // *Strategic management journal*. 2000. Vol. 21. Pp. 1105 – 1121; Zollo V., Winter S. Deliberate Learning and the Evolution of Dynamic Capabilities // *Organization Science*. 2002.– Vol. 13, no 3. – P. 339 – 351.

УДК 330.341.1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Юхновская Т. Н.

PRECONDITIONS OF SCIENTIFIC & TECHNOLOGICAL POTENTIAL CREATION AND DEVELOPMENT

Yukhnovskaya T. N.

В статье рассмотрено развитие научно-технологического потенциала через этапы формирования его основных категорий. Определено, что воспроизводство научно-технологического потенциала зависит как от эндогенных, так и экзогенных факторов, что в совокупности определяют инновационные преобразования экономики.

Scientific and technological potential development through the stages of formation of its main categories was studied in the article. It was determined that scientific & technological potential reproduction depends on the endogenous and exogenous factors that together determine the innovative transformation of the economy.

Ключевые слова: научно-технологический потенциал; предпосылки; развитие; научно-технологические идеи; инвестиционный потенциал; преимущества; система.

Keywords: scientific and technological potential; preconditions; development; scientific&technological ideas; investment potential; advantages; system.

Переход на новую траекторию постиндустриальных сдвигов диктует необходимость развития и качественных трансформаций научно-технологического потенциала (НТПл), внедрения передовых технологий и переструктурирование производства в пользу высших технологических

укладов с целью обеспечения национальной конкурентоспособности и технологических преимуществ. Однако транснационализация и глобализация экономики превратили мировую экономику в единое экономическое пространство, характеризуемое общностью ресурсов, рынков и технологий [4, С. 92], что также предусматривает конвергентность НТПл стран, развитие международного сотрудничества. Поэтому факторы формирования и развития НТПл определяют инновационную и научно-технологическую «роль» страны в кооперационных связях. Заметный вклад в развитие данного вопроса внесли К. Волошенко, В. Геец, А. Колосовский, О. Рой, А. Тихонова, Л. Федулова и другие ученые. Цель данного исследования заключается в изучении основных понятий-предвестников формирования и предпосылок развития научно-технологического потенциала.

Понятиями-предвестниками формирования НТПл являются: наука, техника, технология, потенциал. Историческая хронология развития науки, техники и технологии как основополагающих составляющих НТПл показывает, что XVIII – XIX вв. являются формированием в сознании экономической мысли понятий «потенциал» и «технология» (впервые в научный оборот данный термин ввел И. Бекман в 1780-х годах и объяснил им все виды труда с их последствиями и причинами [9, С. 113 – 114]). А начиная с 1807 г. термин «технология» утвердила отечественная научная литература с выходом трудов И. Двигубского, а в дальнейшем – В. Севергина (1821 г. и 1840 г.) и П. Ильенкова (1851 г.) [2, С. 5 – 6]. Понятие «потенциал» использовалось в статьях В. Гамильтона и Ж. Лагранжа как определенная сила, что ассоциировалась с потенциалом или потенциальной функцией [8, С. 731]. Тогда как наука и техника были присущи еще древним цивилизациям. Впервые экзистенция понятия «техника» была исследована П. К. Енгельмейером. В своем главном труде «Философия» (1912 г.) он попытался отойти от традиционного взгляда на технику как на объект только прагматической деятельности. Слово «техника» употребляется в широком смысле, а именно: все человеческие знания и умения, направленные на практические цели [3, С. 168]. Например, модель SINIC воспроизводит развитие человечества в виде циклических связей между наукой, техникой и обществом. Научные открытия предусматривают потребности общества в новых видах техники, насыщение потребности в которой провоцирует новые революционные открытия науки. Данные циклы являются бесконечными, что указывает на взаимосвязь между понятиями. Следовательно, «де-факто» конец XVIII – начало XIX вв. является переломной точкой формирования научного, технического и технологического потенциала (рис. 1), но «де-юре»

применимость данных понятий в массовом сознании и научной литературе имеет совсем другие временные рамки.

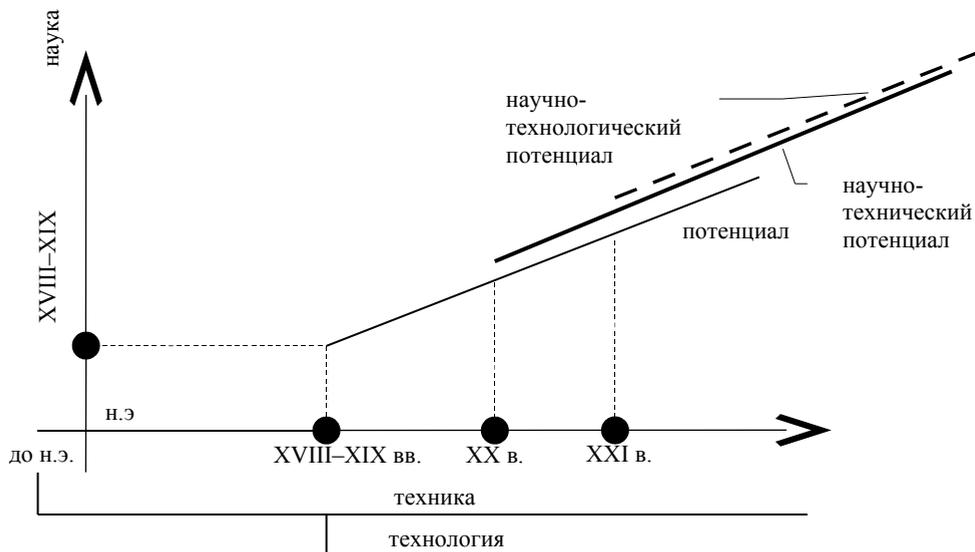

Рис. 1. Понятия-предвестники формирования НТПл

Источник: составлено автором

Только в 50-х – 60-х годах XX в. возникла необходимость, в связи с революционными потрясениями науки, изучения новых социально-экономических категорий «научный потенциал», «технический потенциал» и «научно-технический потенциал» [5, С. 57 – 58]. Стремительное развитие международного сотрудничества, трансфер технологий, конвергентность экономик различных стран, возрастание роли организационно-управленческих функций разграничивают понятие «научно-технологического потенциала». Согласно этимологическому значению понятие «технология» является более широким и включает не только понятие «техника», то есть инженерный смысл, но и процессы организации и управления.

Интеллектуализация и диффузия научно-технологического прогресса являются основными компонентами устойчивого экономического роста. Поэтому абсолютные технологические преимущества имеют те страны, которые умеют не только производить, но и использовать новации. А это в свою очередь требует определенных предпосылок, концептуальная значимость которых определяет состояние НТПл и проявляется во взаимодействии компонентов целой системы (рис. 2). основополагающим элементом формирования НТПл является уровень развития формальных и неформальных институтов экономики, которые обеспечивают весь жизненный цикл инноваций: выдвигают и внедряют новые идеи, изобретения и открытия. Поэтому в этой системе

первоочередной предпосылкой развития НТПл является научно-технологическое творчество. Как отмечает академик В. М. Геец, «ведущей на государственном уровне должна стать политика развития человеческого, интеллектуального потенциала, ...инвестиции направляются в образование, науку, здравоохранение с целью сделать высокообразованного и квалифицированного человека важнейшим фактором конкурентоспособности» [1, С. 232].

Реализация научных и технологических идей, внедрение инноваций невозможны без инвестиционной поддержки. НТПл и инвестиции (инвестиционный потенциал) – взаимосвязанные величины, определяющие друг друга.

Рис. 2. Пирамида предпосылок развития НТПл

Источник: составлено автором

Следовательно, инвестиционный потенциал влияет на НТПл следующим образом: величина инвестиционного потенциала указывает на благосостояние страны, следовательно, способность к генерированию и диффузии нововведений и степень кооперации отечественного НТПл с международным сообществом; величина инвестиционного потенциала определяет количественную и качественную сторону научно-технологической сферы и является мотивом к расширению границ научно-технологического развития.

В частности, НТПл определяет инвестиционный потенциал так: нестандартные научно-технологические идеи и новые научно-технологические разработки формируют конкурентоспособность страны, что является привлекательным для инвестиций; увеличение инноваций ведет к увеличению инвестиционного потенциала.

Третьей предпосылкой к формированию НТПл является научно-технологическая инфраструктура, формирование которой позволяет ускорить структурные сдвиги, способствующие перераспределению ресурсов в перспективные направления общественно-экономического развития. А на законодательном уровне должны создаваться рычаги развития, стимулирования, поощрения и поддержки научно-технологических идей и реализации научно-технологического продукта.

На сегодняшний день научная и научно-техническая информация становится приоритетным направлением развития современного наукоемкого производства и новых технологий [6, С. 28], что обеспечивает наполнение информационными результатами научно-технологической сферы и дает толчок к развитию НТПл.

В период формирования экономики знаний основными ресурсами становятся знания и информация, что позволяет вносить собственные коррективы зависимости экономического развития от их становления. Предпосылкой экономического развития является повышение эффективности использования экономических ресурсов, которые в условиях постиндустриального развития преобразуются в информацию и знание [7, С. 41, 51]. То есть независимо от типа экономической системы наука, техника и технология определяют характер и природу трансформационных процессов. Степень развития рыночных отношений определяется превалированием технологического уклада в стране и степенями развитости кооперационных связей между ними.

Внешними факторами формирования НТПл являются международное научно-техническое сотрудничество, интеграция на региональных и мировых рынках, иностранное инвестирование, глобальные экологические проблемы.

Таким образом, рассмотрев основные предпосылки развития, можно сделать вывод, что на формирование НТПл влияет как экзогенная, так и эндогенная среда, что и определяет инновационный вектор роста и научно-технологическую идентификацию в мире. Но в целом большинство современного экономического сообщества позиционирует эндогенную составляющую как приоритетную основу модели экономического развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геец В. М. Инновационные перспективы Украины / В. М. Геец, В. П. Семиноженко. – Х.: Константа, 2006. – 272 С.
2. Гончарова Н. Е. Технологический менеджмент: Конспект лекций. – М.: Приор-издат. – 2005. – 176 С.
3. Ерохин С. А. Структурная трансформация национальной экономики [монография] / С. А. Ерохин. – К.: Мир знаний, 2002. – 528 С.

4. Иванова М. В. Региональное развитие в контексте пространственной экономики / М. В. Иванова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 6. – С. 90 – 103.

5. Научно-технический потенциал: Структура, динамика, эффективность. [Совместно с В. Е. Тонкалем, А.А. Савельевым, Б.А. Малицким]. – Киев: Наук. думка, 1987. – 346 С.

6. Пархоменко О. В. Информация и знание – основа технологического развития / О. В. Пархоменко, Н. В. Пархоменко // НТИ. – 2008. – № 1. – С. 28 – 30.

7. Федулова Л. И. Концептуальные засады экономики знаний / Л. И. Федулова // Экономическая теория. – 2008. – № 2. – С. 37 – 59.

8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том XXIV / [ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевский]. – СПб.: Типо-Литография, 1898 г. – С. 475 – 958.

9. Salomon J. What is Technology? The Issue of its origins and definitions / Jean Jacques Salomon// History and technology. – 1984. – Vol. 1. – Issue 2. – Pp. 113 – 156.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРНАУТОВА АЛИНА ФЕДОРОВНА- аспирант, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Адрес: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

АГЕНОСОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ - кандидат технических наук, доцент, НОУ ВПО «Гуманитарный университет»

Адрес: г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19

БРОВИКОВА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель, ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социальный педагогический университет»

Адрес: 400131, г. Волгоград, пр.Ленина, 27

ГОНЧАРОВ ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ- доктор философских наук, доцент, ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417^а

ДАМИРЧАРИ МИЛАНА ВЛАДИМИРОВНА- преподаватель, НОУ ВПО «Таганрогский институт управления и экономики»

Адрес: 347900, г.Таганрог, ул. Петровская, 45

ЕЛИСЕЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет

Адрес:398020,г.Липецк,ул.Ленина,42

ИСЛАМОВА СВЕТЛАНА ВАХАЕВНА - старший преподаватель кафедры «Налоги и налогообложение» ГБОУ ВПО «Грозненский государственный нефтяной технический университет» имени академика М.Д. Миллионщикова»

Адрес: 364051, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Авторханова, 14/53.

КОЛОСОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА- доктор философских наук, доцент, ФБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» филиал в г. Ставрополе

Адрес: 355001, г. Ставрополь, ул. Октябрьская, 66

ЛАТУШКО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА- кандидат экономических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13

ЛОПАТА ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА - ассистент, ФГБОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса»

Адрес: 346500, г. Шахты, Ростовской области, ул. Шевченко,147.

МАКЕЕНКО ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ – кандидат экономических наук, ФГБОУ ВПО "Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса" (филиал) Ставропольский технологический институт сервиса СТИС ФГБОУ ВПО "ЮРГУЭС"

Адрес: 355035, г. Ставрополь, пр. Кулакова , 41, кор.1

МАЦИНИНА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13

ПУПЫКИН РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат политических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

САЗОНОВ ВСЕВОЛОД ЕВГЕНЬЕВИЧ – председатель коллегии адвокатов «Сазонов, Маркин и партнеры», кандидат юридических наук, член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по вопросам собственности

Адрес: 112250, г. Москва, пр. Завода Серп и Молот, 3 А, стр. 2.

СВИРИДОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ – доктор экономических наук, доцент, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Соборный, 26

СИЗИКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА – аспирант, ФГБОУ ВПО «Гобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И.Менделеева»

Адрес: 625015, г. Тюмень, ул. Жуковского, 4

ХМЕЛЬКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, НОУ ВПО «Гуманитарный университет»

Адрес: г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19

ЧЕРНЕЦОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант, ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет»

Адрес: 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

ШЕЛКОПЛЯСОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор экономических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Адрес: 355028, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

ШУМАКОВА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Адрес: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417^а

ЮХНОВСКАЯ ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – аспирант, ГУ «Институт экономики и прогнозирования НАН Украины»

Адрес: ул. Панаса Мирного, 26, г. Киев, 01011, Украина

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Все статьи проходят проверку на плагиат. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте redsov@mail.ru.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании (см. сайт www.cegr.ru).

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются следующие: индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (правила индексирования см.: www.teacode.com. название статьи (на русском и английском языках); фамилия и инициалы автора (соавторов); аннотация (на русском и английском языках); ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; примечания и библиографические ссылки (литература);

2.2. Правила оформления текста следующие: авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм), с полуторным междустрочным интервалом; цвет шрифта – черный, размер шрифта–14 кегль, Times Roman. Размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.. Подчеркивание в тексте нежелательно. Все текстовые авторские материалы принимаются в форматах doc. и ttf. Исправления и дополнения, внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Рисунки. Чертежи. Графики. Иллюстрации должны иметь наименования; на них должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком, их следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, прямое начертание. Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД). Все иллюстрации должны быть представлены отдельными файлами электронных документов. Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы.

2.4. Таблицы. Таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть кратким, размещенным над таблицей. Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, начертание прямое. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников (список использованной литературы). Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа, например, [7]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки, например, [7, С.15]. Библиографических ссылки (ЛИТЕРАТУРА) оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

2.6. Текст статьи предоставляется в электронном виде в отдельном файле в формате doc. или ttf. Название файла – фамилия первого автора + «статья». Например: «Петров, статья. ttf ». Файлы иллюстраций и диаграмм предоставляются в электронном виде: в одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате jpg., tif. (для полутонных изображений) или ai, cdr, eps (для векторных изображений). Название файла – фамилия первого автора + «рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Петров, рис. 1.jpg», «Петров, рис. 2.eps».

Рецензию или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза, следует отсканировать с

разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате jpg. или pdf. Название файла – фамилия первого автора + «рец». Например: «Петров, рец.jpg».

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса. Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

Научно-теоретический журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» № 1 2013 г.

Учредитель: «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д.109. Подписано в печать 31.01.2013. Формат 340x245. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии ЗАО «Центр Универсальной Типографии». Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.